

БРАЙАН

ДЖЕЙКС

ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД

*Впервые
на русском
языке!*

Река

Трона

Гора

Аббатство
Рэдволл

Поле битвы

Образ

Саламандастрон

Путь Креади

Лагерь Кочка

Путь Таммо

Лес раскрашенных

Сосновый лес

Болото

Лес
Цветущих Мхов

Ручей

Лагерь Дамуаа

Путь Дамуаа

Море

РЭДВОЛЛ

СЕРИАЛ
«РЭДВОЛЛ»

ВОИН РЭДВОЛЛА

ВОЙНА С КОТИРОМ

ПОХОД МАТИАСА

МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА

САЛАМАНДАСТРОН

МАРТИН ВОИТЕЛЬ

КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА

ИЗГНАННИК

ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ

ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД

Брайан Джейкс

ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД

Санкт-Петербург
Издательство «Лабук-классика»
2004

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
Д 40

Brian Jacques. The Long Patrol
Copyright © 1997 by Brian Jacques
First published by Hutchinson Children's Books 1997

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрберг

Перевод с английского Александры Яковлевой

Дизайн переплета Вадима Пожидаева

Иллюстрации на обложке
Антони Ломаева

Иллюстрации на форзаце
Сергея Гончарова, Валерия Макарова

Художник
Сергей Гончаров

Д 40 Джеймс Б.
Дозорный Отряд / Пер. с англ. А. Яковлевой. —
СПб.: Азбука-классика, 2004. — 400 с.

ISBN 5-352-00941-6

Днем и ночью отряд зайцев из грозной крепости Саламандастрон охраняет мир и покой в Стране Цветущих Мхов. Зайчонок Таммо с самого детства мечтал служить в Дозорном Отряде. Его мечта сбылась лишь тогда, когда армия кровожадных крыс, хорьков, ласок, горностаев и лис двинулась на Рэдволл. Взвешенного за оружие Таммо ожидают великие подвиги и великие потери.

- © А. Яковлева, перевод, 2004
- © С. Степанов, перевод стихов, 2004
- © «Азбука-классика», редакция, 2004
- © «Азбука-классика», 2004

ISBN 5-352-00941-6

БАЛЛАДА ТАММО

Ночами долгими сижу
И вспоминаю снова.
На пламя очага гляжу
И вижу дни бывшего.

Я вижу дальние края
И битвы роковые,
И старые мои друзья
Проходят как живые.

Про дни пиров и похорон,
Про веру и про совесть,
Про гордый Саламандастрон
Поведаю я повесть.

Я расскажу о Рэдволле
И о любви горящей,
О битвах, о добре и зле,
О дружбе настоящей.

ОИМАТ АДАШЛАВ

Давидович

Владимир

Сергей

Иван

Александр

Николай

Павел

Петр

Семён

Юрий

Фёдор

Пер. с англ. яз.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

М. М. М. М.

РЕЦА ОИМАТ АДАШЛАВ

ЭПИГРАММА

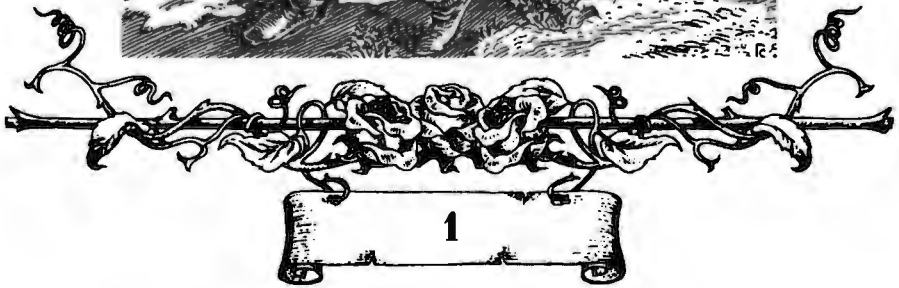
ПОБЕГ

КНИГА
ПЕРВАЯ

Исчезающие сугробы и протаявшие здесь и там холмики с первой травой превратили далекие восточные земли в лоскутное покрывало. Зима выронила свой ледяной скипетр, передавая власть приближающейся весне. Подснежник, гвоздичка и пастушья сумка радостно кивали головками под ярким утренним солнцем, которое сияло сквозь островки облаков, подгоняемых легким ветром. Смеясь и звонко щелкая льдинками, ручей несся вниз со скалистых утесов, огибая еловые и сосновые рощи, навстречу широким равнинам. Первые трудолюбивые муравьи и пчелы уже от-

правились на работу в молодые заросли. Шумно хлопая крыльями и гогоча, стая гусей летела клином к побережью. Все вокруг просыпалось навстречу весне, которая обещала быть ясной и солнечной.

Говорят, будто по весне некоторыми зайцами овладевает безумие. Представление, которое устроил сейчас один из них, подтверждало эти слухи. Тамелло Де Формелло Кочка (а именно так звали зайчонка) бился насмерть с несуществующими врагами. Вооружившись пращой, он бесстрашно бросался с выступа скалы и делал резкие выпады вправо и влево, выкрикивая:

— Еу-ла-ли-а! Вот вам, вражеское племя, от капитана Таммо из Дозорного Отряда! И ты получай, подлый горностаи! Ха! Да ты хотел подкрасться со спины! Ну уж нет, вот тебе, стырый крас — прошу прощения — старый крыс!

Бросившись на землю, он с силой лягнул воздух задними лапами.

— Эй, там! Получи-ка, приятель, в живот, чтоб на весь сезон хватило! Что, еще? Ха-ха! Похоже, не хотите. А ну беги, спасай свои шкуры, трусливая команда! Уж пятьсот-то таких, как вы, капитан Таммо одолеет одной левой!

Довольный достойным отпором, который он только что дал отряду из пятисот воображаемых противников, Таммо уселся, зачерпнул снег лапой и съел несколько пригоршней, чтобы немного остыть.

— Пусть только вернуться, вредители рода звериного, я покажу им, что к чему! Не родился еще тот, с кем бы я не справился... Ой, ай!

Он почувствовал, как кто-то схватил его за уши и поднял в воздух. Линум и Саите, старшие брат и

сестра Таммо, успели незаметно подкрасться и теперь крепко держали его.

— Опять играем в солдатиков?

Железная хватка Линума не оставляла никаких шансов на спасение.

Таммо было так стыдно оказаться застигнутым за игрой, что он вознегодовал.

— Отпустите меня сейчас же, вы! А не то хуже будет! — пригрозил он, вырываясь. — Я сам пойду!

Сайте на всякий случай еще разок наставительно дернула его за ухо, предупреждая: «Полковник хотел поговорить с тобой, негодник, о своем боевом топоре!»

Наконец, Таммо удалось высвободиться, и он бодро зашагал между двумя грузными зайцами, возмущенно бормоча под нос:

— Ну-ну, знаю я, что он скажет. Всегда одно и то же.

Зайчонок немного согнул лапы, выпятил живот, раздул щеки и сделался необыкновенно похож на своего отца, а заговорив, точно так же опустил вниз уголки губ:

— Так-так, разорви меня горностаи, если это не наглец Таммо! Что скажете в свое оправдание, господин? Отвечать громко и внятно!

Линум дал братишке легкий подзатыльник:

— А ну, хватит. Полковник прищемил бы тебе хвост за эти шутки. Лучше пошевеливайся!

Войдя под высокие своды хвойного леса, они направились туда, где вился сигнальный дымок Лагеря Кочка. Это было укрепление с неровным частokoлом из древесных стволов и большим строением из камней, бревен, мха и клейкого ила, стоявшим посередине. Строение называлось Казармой. Кроты, белки, ежи,

а иногда и лесные мыши так и сновали туда-сюда; с разрешения полковника и его жены Мудрой Дум они тоже жили здесь. Некоторые покачивали головами и неодобрительно перешептывались при виде Таммо, которому предстояло отвечать за очередную проделку.

Сидя в кресле напротив камина, полковник Корнбери Де Формелло Кочка представлял собой величественное зрелище. Он был облачен в безукоризненный светло-желтый военный мундир, увешанный звонкими медалями, а на тяжелый подбородок падала тень от козырька фуражки из коричневой древесной коры. Один глаз полковника был все время закрыт, в то время как другой пристально смотрел сквозь монокль из отшлифованного хрусталя со свисающим шелковым шнурочком. Его двойной подбородок колыхался из стороны в сторону, когда он говорил, решительно потрясая тростью и указывая на провинившегося зайчишку, стоящего перед ним:

— Так-так, разорви меня горноста́й, если это не наглец Таммо! Что скажете в свое оправдание, господин? Отвечать громко и внятно!

Таммо стоял молча, пристально изучая пол, словно бы в надежде углядеть там ответ. Кряхтя, полковник наклонился и приподнял подбородок Таммо кончиком трости так, что они оказались лицом к лицу.

— В чем дело, господин, лягушки откусили вам язык? А ну выкладывайте, где мой боевой топор!

Таммо выполнил то, чего от него хотели. Он вытянулся по стойке смирно, выпятил грудь колесом, поднял подбородок как можно выше и, уставившись в одну точку где-то над головой отца, по-военному отчеканил:

— Господин полковник! Приношу свои извинения по поводу боевого топора, использованного мной в

целях игры, господин! Клянусь честью не повторять этого впредь, господин!

Голова старого зайца негодуяще затряслась, монокль выпал из глаза да так и повис на шнурочке. Полковник схватился за трость, и на секунду показалось, что вот сейчас он ударит сына. Когда он заговорил, его голос звучал на две октавы выше и звенел от возмущения:

— Играл?! И у вас хватает наглости стоять тут передо мной и говорить, что вы использовали мой боевой топор как игрушку? Нет, это выше моих сил, вы перешли все границы! Вы просто безмозглый головастик! Ха, вот именно, лысый, коротколапый, безухий болотошлеп, чтоб вам подпрыгнуть и не приземлиться! Вот кто вы такой!

Мама Таммо, Мудрая Дум, все это время суетилась, переворачивая на сковородке ячменные лепешки. Но при этих словах она бросилась между мужем и сыном, на ходу стряхивая муку с лап.

— Довольно, Корни Формелло, я не потерплю подобных выражений под крышей нашего дома! Ты что, забыл, что ты не на поле боя? Я не позволю тебе так обзывать Таммо!

Однако ее слова не смягчили гнев полковника, скорее наоборот. Его уши налились кровью и встали торчком, словно две ярко-розовые пики. Он с размаху бросил трость об пол и с такой силой наступил на нее, что подвернул лапу.

— Еу-ла-ли-а, разорви меня горноста́й, не перечьте мне!

В ответ на это Дум царственно расправила плечи и двинулась на мужа, попутно притянув Таммо за голову и спрятав его в усыпанных мукой складках передника.

— А ну-ка, приглушите голос, господин, нет никакой необходимости подавать дурной пример ребенку только потому, что вы помешались на каком-то там топоре!

Полковник был не так глуп, чтобы ссориться с женой. Потирая ногу, он поднял трость, закрепил монокль на привычном месте и уселся, пытаясь придать голосу более сдержанные ноты:

— Какой-то там топор, вот тоже скажешь, дорогая! Я говорю об оружии, и о вполне конкретном оружии. О моем боевом топоре! Именно об этом топоре! Ты хоть знаешь, что этот юный отпрыск сколол кусок лезвия, сражаясь, как видно, с валуном? Кусок лезвия с моего боевого топора! Того самого топора, который был гордостью Пятьдесят Первого Мехолапого Взвода Дозорного Отряда. Того самого, который перерезал Морским Крысам глотки и подвязки с орденами, сдирал шкуры с хорьков, бил горностаев и кромсал им хвосты! И кто же обломал острие славного оружия? Этот, с позволения сказать, бездельник, жалкий зайчонишка!

Таммо высвободился из-под передника, его мордочка заметно побледнела от мучного налета. Он дважды чихнул, прежде чем заговорить:

— Я уже не зайчонишка, господин. Если бы вы позволили мне присоединиться к старому доброму Дозорному Отряду, мне не пришлось бы прибегать к разным проделкам, особенно с вашим топором, господин.

Полковник вздохнул, покачал головой, устало откидываясь в кресле, и его монокль сполз вбок.

— Я уже сто раз говорил тебе, приятель, ты еще слишком молод, слишком горяч, тебе еще мало сезонов, чтобы служить. Дум, дорогая, поговори хоть ты с этим негодником, я уже совсем выдохся. Присоеди-

ниться к Дозорному Отряду, вот еще вздумал! Да ни один уважающий себя барсук не потерпит такого зеленоухого бедствия, как ты, дружок. А теперь беги поиграй, ты и так добавил мне седого меха, потерзайка теперь других зверей. Прочь отсюда, вам отказано в просьбе, господин. Тема закрыта!

Таммо отдал честь как полагается и выбежал вон, глотая чуть было не брызнувшие от отцовской грубости слезы. Дум подняла трость с колен полковника и с силой вставила ее ему в лапу.

— Как тебе не стыдно, Корнсбери, — воскликнула она, — да у тебя просто нет сердца! Как ты мог говорить в таком тоне с собственным сыном?

Полковник поправил монокль и многозначительно прищурился.

— Не горячись, матушка! Линуму и Саите я разрешил бы отправиться служить в Дозорный Отряд, им возраст позволяет. Но вот незадача: ни один из них не хочет этого, старшим больше по душе копать в земле и быть фермерами, как я вижу.

Он слегка улыбнулся и погладил свои вьющиеся усы:

— А юный Таммо из другого теста, да... Он весь огонь, он пышет жаром, как и я в молодое зеленое время. Ха! Он станет бесстрашным зверем, когда вырастет, попомни мое слово!

Мудрая Дум продолжала отстаивать Таммо:

— Ну так почему ты не позволишь ему пойти служить прямо сейчас? Ты ведь знаешь, что это единственное, о чем он мечтает с ранних сезонов, наслушавшись твоих рассказов у камина. Бедный Таммо живет и дышит лишь мечтой о Дозорном Отряде. Отпусти его, Корни, дай ему шанс!

Но полковник остался непреклонен, он никогда не менял принятого решения.

— Таммо еще слишком мал. Я все сказал, и разговор окончен!

Моргнув глазом и сбросив монокль, Корнсбери Де Формелло Кочка откинулся в кресле и закрыл второй глаз, демонстрируя тем самым, что пришло время вздремнуть перед обедом. Мудрая Дум поняла, что дальнейшие разговоры бесполезны. Она устало вздохнула и вернулась к своей подруге — кротике Осмунде, помогавшей ей на кухне.

Осмунда понимающе качала головой, чудно журча по-кротячьи:

— Хурр-хурр, ты пррава, конечно, пррава... У полковника нет серрдца. Ничего не будет стрранного, если однажды утрром мастерр Тамм сбежит. Хурр-хурр... И отец его не удерржит.

Дум вынула из печи горшочек с тушеной морковкой, грибами и луком и положила несколько листочков свежей мяты на золотистую корючку:

— Вот именно, Осмунда. Таммо сбежит, как сбежал в свое время сам полковник. Он тоже был горяч и жаждал сражений. А его отец не простил Корнсбери побега, называл его дезертиром и даже имени его вслух не произносил. Но в глубине души, я думаю, он очень гордился сыном и его славой бесстрашного зайца из Дозорного Отряда. Он умер давно, еще до того, как полковник ушел в отставку и привез меня сюда, в Лагерь Кочка. Я ужасно жалею, что они так и не помирились, и надеюсь, Корнсбери окажется умнее своего отца.

Осмунда поливала медом ячменные оладьи, пышные и горячие. Она подняла взгляд на подругу и удивленно моргнула:

— Хурр... почему ты так говоришь?

Мудрая Дум начала замешивать тесто для лепешек из миндальной муки с ореховой крошкой. Не отрывая взгляда от лап, месивших тесто, она пояснила:

— Потому что я собираюсь помочь Таммо бежать из дома и вступить в ряды Дозорного Отряда. Если я этого не сделаю, он так и будет слоняться без дела, нарываться на неприятности да браниться с отцом, пока они не станут врагами. Но ты, Осмунда, пообещай мне, что не выдашь эту тайну ни зверю, ни птице.

Добрая мордочка преданной подруги растянулась в блаженной улыбке.

— Хурр, я буду нема как рыба! Даже если полковник не одобрит этого, даже если нам придется тосковать по мастеру Тамму, хурр-хурр...

Горькая слеза упала в сладкое тесто. Дум поспешно вытерла глаза уголком передника:

— О да, Осмунда, тосковать я буду сильно, нет сомнения. Но Таммо должен добраться до Дозорного Отряда, тогда он добьется успеха. У него доброе сердце, и храбрости не занимать. Правду сказал полковник, он станет бесстрашным зверем, когда вырастет, а какой более достойной похвалы может добиться заяц? Настанет день, когда мы будем гордиться сыном.

В это время в нескольких лигах от Лагерь Кочка, вниз по дальнему юго-восточному побережью, Дамуг Клык подставил лицо ветру. Перед ним на границе прилива, на покрытом галькой берегу, топорщились разбитые и изодранные волной остатки разгромленного флота. Позади него пригнулись бесчисленные неуклюжие лачуги, сбитые из обломков кораблей и брезента. Между ними тянулись черно-серые столбики дыма. Ветер доносил запах стряпни.

Раздался барабанный бой. Умирал Гормад Тунн, Острейший Меч племени Бродяг.

Вот громче бьют барабаны, и самый воздух дрожит, пробитый насквозь их настойчивой дробью. Дамуг Клык не сводит глаз с моря, с шипением накачивающегося на гальку, цепляющегося когтями волн за берег, чтобы подползти чуть ближе. Скоро, скоро дух Гормада Тунна войдет в ворота Темного Леса...

Только Великокрыс мог стать Острейшим Мечом всех Бродяг. Дамуг искоса взглянул на Бирла, замершего в ожидании неподалеку, и усмехнулся. Гормаду не придется скучать в одиночестве у ворот Темного Леса. Прежде чем зайдет солнце, у него появится компания.

Острейший Меч племени Бродяг, Гормад Тунн, умирал.

Великокрысы были наделены необыкновенным ростом, каждый в два раза крупнее обычной крысы. Гормад принадлежал к самым древним Великокрысам, а значит, и к самым большим. Теперь его солнце заходило, и после смерти власть должна была перейти к одному из сыновей. Эти двое, Дамуг Клык и Бирл Клешня, стояли сейчас спиной к дверям, за которыми лежал их отец. Таков был обычай племени Бродяг. Они не имели права ни есть, ни пить, ни спать, покуда Острейший не испустит дух. А после смерти должен был состояться бой, в котором только один останется в живых и будет провозглашен Острейшим Мечом могучей армии.

Время тянулось медленно; Гормад Тунн постепенно угасал.

Маленький камушек легко стукнул Дамуга по спине.

— Что, Длинношей, все готово? — прошептал он, почти не двигая губами.

В ответ из-за скалы тихим шелестом донесся голос ласки:

— Совершенно все... Ваше Острейшество.

По-прежнему не отрывая взгляд от моря, Дамуг процедил:

— Не зови меня так пока, это плохая примета!

За скалой раздалось многозначительное хихиканье.

— Дело-то не в приметах, а в том, что мы уже обо всем позаботились.

Барабаны забили громче, мелкая дробь все нарастала, словно соревнуясь с тяжелыми ударами, и вот уже весь берег завибрировал и задрожал в ответ.

Веки Гормада Тунна еще раз дрогнули, резкий и сухой выдох еще раз вырвался сквозь спекшиеся губы, и все кончилось. Острейший был мертв!

Седой хорек, ухаживавший за Гормадом Тунном, выскользнул наружу. Он вскинул лапы и пронзительно возопил:

Скрылся Гормад за кронами небытия,

Но не ветер ведь нас поведет!

Кто же станет Острейшим Мечом всех Бродяг,

Кто теперь поведет нас вперед?

Барабаны смолкли. Тишина напознала на берег, медленно и неотвратно, словно прилив. Оба брата повернулись лицом к глашатаю, отвечая на вызов:

— Я, Бирл Клешня, предъявляю свои права на звание Острейшего. Кровь Великокрысов течет в моих жилах, и я готов сразиться с любым зверем!

— Я, Дамуг Клык, принимаю вызов. Моя кровь — кровь Великокрысов, и я докажу это победой!

Мощный гул потряс армию Бродяг, и в следующую же секунду все звери рванули вперед, словно

подхваченные ураганом осенние листья, окружая место схватки двух братьев.

Подальше от берега был выложен круг, в котором соперники встали друг против друга. Дамуг скалился по-волчьи, Бирл криво ухмылялся и сплевывал на землю. Болельщики уже в крик заключали пари на еду, питье, оружие и добычу.

Два секунданта зашли в круг, готовя братьев к решающей схватке за владычество над бандой Бродяг. Жесткой веревкой соперников привязали друг к другу за задние левые лапы, так, чтобы ни один не смог сбежать с поля боя. Поднесли оружие: по короткой мощной палице и жгуту каждому. Жгуты были длиной примерно в два меча, а на конце каждого был закреплен булыжник величиной с большое яблоко.

Дамуг и Бирл отступили друг от друга на несколько шагов; веревка, связывающая их, туго натянулась. Яростные взгляды бросали они друг на друга, все крепче сжимая палицы и накручивая жгуты на лапы, чтоб не выпустить их случайно во время поединка.

Теперь все взоры обратились к седому хорьку, объявившему недавно о смерти Гормада Тунна. Вот он вытащил клочок красного шелка и подбросил его вверх. Роковой лепесток на миг замер в воздухе, потом медленно закружился, опускаясь все ниже, и упал справа. Толпа восторженно завопила; бой начался. Размахивая палицами и вращая страшными жгутами, Велиkokрысы пошли по кругу в ожидании первого выпада, а нетерпеливые болельщики выкрикивали, предвкушая кровавое зрелище:

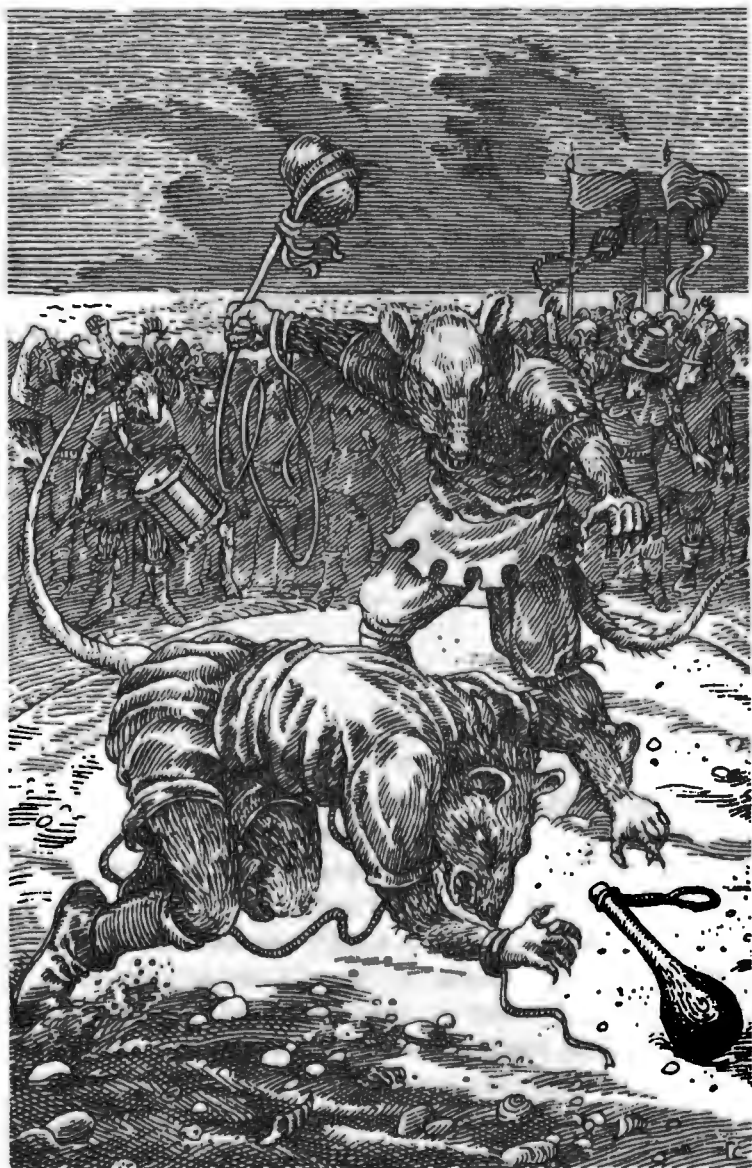
- Разнеси ему череп, Бирл! Давай! Ты сможешь!
- Бей по ребрам, Дамуг! Вытяни его как надо!

— Вкати ему булыжник между глаз, братан, давай!

Оставаясь в равном положении, братья начали бой палицами. Каждый выкладывался до конца, и вскоре оба уже изнывали от боли, но пустить в ход жгуты не решались — слишком малó было расстояние. Держаясь по оба конца подлой веревки, спотыкаясь, падая, разметывая во все стороны песок и гальку, они толкались и наносили удары при каждой возможности, помня, что только один покинет поле боя живым. Наконец Бирлу предоставился шанс атаковать. Проворно отскочив назад, он до предела натянул веревку задней лапой и размахнулся жгутом. Именно этого момента и ждал Дамуг. Изо всей силы сжав палицу в обеих лапах, он быстро пригнулся, приподняв ее над головой, и жгут противника стремительно обвился вокруг грушеобразной деревяшки. Дамуг рванул палицу на себя, и в лапе Бирла остался лишь жалкий обрывок жгута.

Толпа ахнула. Никому и в голову не могло прийти, что жгут порвется. Никому, кроме Длинношея. С секунду Бирл удивленно смотрел на оборванный конец, и Дамугу этого хватило. Он отбросил палицу, стремительно швырнул горсть песка в морду соперника и изо всей силы размахнулся своим жгутом. Раздался звук, похожий на громкий чмок. В глазах Бирла промелькнуло изумление, но они тут же закатились, а сам он увал на все четыре лапы. Дамуг нанес еще два удара, но в них уже не было необходимости: Бирлу хватило первого. Он был мертв.

Зрители онемели. Дамуг протянул лапу, и Длинношей подал ему нож. Одним легким движением победитель разрубил веревку, связывавшую его с по-

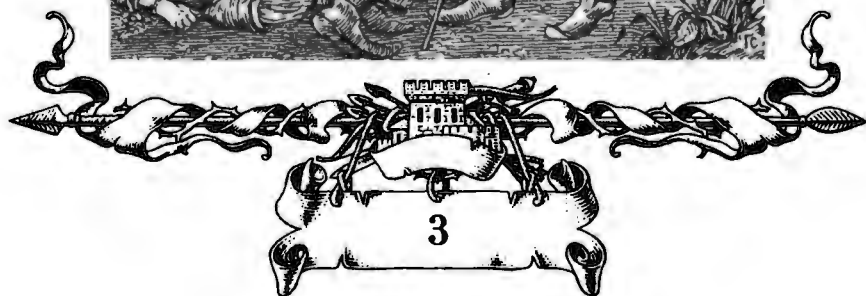

бежденным. В величественном молчании прошествовал он сквозь толпу, расступавшуюся перед ним. Он вошел в палатку, где умер отец, и тут же вышел, держа в лапах его меч. Странное лезвие было у этого меча: одна сторона ровная, а другая — волнистая. Ровная символизировала сушу, а волнистая — море.

Раздался громкий, неистовый барабанный бой, и огромная армия Бродяг наконец взорвалась криками, приветствуя нового вождя:

— Да здравствует Дамуг Клык!!! Да здравствует Острейший!!!

Кто говорил про Руссу, что она пришла с далекого юга, кто считал, что она с западного побережья, но даже сама Русса толком не знала, откуда она взялась. У этой пушистой темно-рыжей белки не было ни роду ни племени. Она была вольной странницей, и ее прозвали Русса Бездома.

Никто не знал дорог и заветных тропинок лучше ее. Русса выживала там, где другие умерли бы от голода, и выбиралась из самых непролазных дебрей. Не очень молодая, но и не старая, поджарая, небольшого роста, она не носила ни запаса одежды, ни рюкзака. Туника из

грубой зеленой шерсти да легкая кошелка за плечами — вот все, что ей было нужно.

Правда, был еще и посох, выброшенный когда-то на берег морской волной и подобранный Руссой. Посох был, должно быть, очень древним, но хранил блеск и глянec, которому не смогли повредить ни вода, ни песок. Русса его очень любила. Такого посоха не было ни у кого, да и дерево, из которого он был выструган, не росло в тех местах. Кроме того, посох служил ей оружием, ибо Русса помимо вольной странницы была еще и превосходным бойцом. За спокойной внешностью мирной белки скрывалась воинственная натура.

Возвращаясь из очередного путешествия, Русса решила отдохнуть у подножия холма неподалеку от лагеря Кочка. Она вволю напилась вкусной холодной воды из ручья и прилегла с подветренной стороны, наслаждаясь покоем и теплыми лучами вечернего солнца. Звук возни какого-то зверя, раздавшийся поблизости, не очень-то встревожил ее. Она догадалась, что это крот, а значит, друг. Прикрыв глаза и как будто задремав, Русса дождалась, чтобы звук приблизился, и вдруг заговорила по-кротячьи:

— Хурр-хурр, добрый вечерр! Чем это вы занимаетесь?

Рули, муж Осмунды, немного испугался от неожиданности, но не показал виду. Он присел рядом с Руссой и подал большую лапу в знак приветствия.

— Хурр, прриветствую вас! Прреркрасная погода, не прравда ли?

Русса отвечала уже обычным голосом:

— Да, но вот только обидно, когда о тебя спотыкается неуклюжий крот, в то время как ты мечтаешь только об одном — немного поспать.

— Хурр, прростите... Но если вы, хурр-хурр, именно та, за кого я вас прринимаю, Мудррая Дум из лагерря Кочка будет рада госпожу повидать, хурр-хурр... И угостить паррочкой своих блюд...

Русса мгновенно вскочила:

— Так что ж ты тянул, толкуя мне о погоде! Я бы прошла еще три лиги без завтрака, знай я, что в конце пути меня ожидает верная подруга, Мудрая Дум, со своими лепешками и горшочком тушеных овощей!

Рули пошел впереди, указывая дорогу и покачивая бархатной головой.

— Вы прравы, Мудррая Дум пррекрасно готовит, особенно лепешки и жарркое из овощей, хурр-хурр.

За несколько шагов до Лагеря Кочка Русса обогнала Рули и первой приблизилась к воротам. В карауле стоял Линум, который решил потренироваться, увидев незнакомую белку. Преградив ей путь длинным дубовым шестом, он бесцеремонно крикнул, как его учили:

— Стой, кто идет!

Но Русса была слишком голодна, чтобы тратить время на подобные глупости. Она ловко подсекла большого зайца под задние лапы посохом и, встав над ним, наставительно произнесла:

— А ты вырос с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Тогда ты был еще розовым зайчонком, а теперь смотри-ка... Ну и лапищи у тебя, дружок! Жаль, что извилин не прибавилось. Признаться, малышом ты мне нравился больше.

Когда Мудрая Дум увидела подругу, ее лицо озарила счастливая улыбка. Она всплеснула лапами, с которых слетело мучное облачко, и бросилась ей навстречу:

— Подумать только, кого я вижу! Сама Русса Бездома! Какими судьбами?

Чтобы не испачкаться в муке, Русса быстренько присела в уголке стола, где было уютнее всего и откуда, как она помнила, можно было с легкостью первой дотянуться до любого блюда.

— Все путешествую, — ответила она. — Хожу-брожу, то вглубь, то вширь, то вдоль, то поперек...

Дум подмигнула в ответ и прошептала:

— Ты пришла как раз кстати! Я хотела бы попросить тебя кое о чем... — Но тут она увидела, что идет полковник, и добавила шепотом: — Позже.

Русса поняла подругу.

Полковник Корнсбери Де Формелло Кочка приветствовал гостью не очень довольным взглядом и кивком головы:

— Хм, приветствую вас. Надеюсь, вам удобно сидится на моем месте.

В ответ Русса улыбнулась, что делала редко:

— Какая разница, где сидеть, полковник? А вы все раздаете приказы, как в былые времена? Вы ничуть не изменились!

Беседа была прервана Осмундой, которая застучала черпаком о ведро из тыквы, созывая жителей Лагерь Кочка к ужину.

Таммо сидел, помалкивая, все еще не получив прощения от полковника за случай с боевым топором. Он внимательно слушал о том, что нового узнала Русса во время своего последнего путешествия.

— Прошлой осенью на западном побережье был сильный ураган. Волны с такой силой налетали на скалы, что часть их обрушилась в море.

Полковник отрезал себе хлеба с сыром и проворчал:

— Хм, помнится, патрулировали мы те места. Много там, знаете ли, жаб, мерзких и скользких. Жуткие вредители! Надеюсь, скалы обрушились прямо на них. А что слышно о Саламандастроне?

При упоминании о горе Владык-барсуков Таммо подался вперед и весь обратился в слух. Еще бы! Ведь именно там располагался главный штаб Дозорного Отряда.

Но, к сожалению, Русса не поддержала тему:

— А, барсучья крепость... Я не бывала там уже давно. Полагаю, ничего с ней не случилось.

Монокль полковника прямо-таки выскочил от негодования.

— Вы полагаете?! Ну уж нет, я бы сказал, что я очень даже надеюсь на это! Да что там, если с Саламандастроном что-нибудь случится, весь мир заполюнят Морские Крысы, пираты, преступники, Бродяги и вообще невесть кто!

Русса вскинула голову, как будто неожиданно что-то вспомнив.

— Как-то зимой я говорила с филином, он сказал, будто флот этих самых Бродяг был разбит на голову у берегов Саламандастрона. Как же зовут их правителя или, как они говорят, Острейшего? А, Тунн! Точно, Гормад Тунн! Его ранили чуть ли не насмерть. В любом случае Бродяги уползли зализывать раны, так что пока их не видно и не слышно. Но на вашем месте я держала бы ухо остро. С этими тварями никогда не знаешь, чего ожидать. Беспощадные убийцы, вот они кто. Настолько кровожадные, что дух захватывает!

— Не думаю, что нам стоит слишком бояться Бродяг, — перебила ее Дум. — Они лишь грабят побере-

жье, шныряя туда-сюда на кораблях, но никогда даже не выходят в открытое море, как Морские Крысы или пираты. А кто сейчас правит в Саламандастроне?

Русса налила себе чаю в большую чашку.

— Говорят, великая барсучиха. Суровая, как зима, сильная, как бык, и быстрая, как молния. В бою ей нет равных. Ее копьё не могут приподнять даже четыре выдры! Зовут ее Красноокая Крегга.

Осмунда восхищенно кивнула:

— Хурр, и имя у нее такое красивое!

Но Русса лишь рассмеялась в ответ.

— Красота тут ни при чем. Это имя она получила за то, что глаза ее наливаются кровью при виде врага. Не хотела бы я когда-нибудь встать на ее пути.

Тут все обернулись к Таммо, который все-таки не выдержал и выпалил:

— А кто такие эти Бродяги?

Полковник бросил проницательный взгляд на сына:

— Это племя варваров и бездельников, слишком ленивых, чтобы работать, и слишком тупых, чтобы построить себе приличные жилища. Как правильно сказала твоя мать, они лишь шатаются вдоль берегов в поисках легкой наживы, так что не забивай себе голову. А лучше соблюдай правила поведения за столом и не лезь вперед старших с вопросами!

Русса несогласно мотнула головой:

— И вы, полковник, и Дум ошибаетесь. Бродяги непредсказуемы, они могут нападать и на воде, и на суше. Однажды, когда я еще была совсем молода, мне довелось увидеть их главный меч. У него разные лезвия. Одно, волнистое, — для моря, а другое — как раз для суши. У них и поговорка есть: смотри, как меч твой ляжет, и иди, куда он скажет.

Полковник отрезал себе еще кусочек сыра.

— Ха, ну и что значит эта абракадабра?

— Да неужели нам не о чем больше поговорить? — всплеснула лапами Мудрая Дум и, стукнув, поставила на стол чашку. — Смените-ка тему разговора. Рули, что ты думаешь о погоде?

Крот поддержал Дум, которая по тому, как блеснул глаз полковника, поняла, что сейчас он начнет спорить с Руссой.

— Хурр-хурр, погода... хурр... погода прррексрасная, и птицы говорят, весна будет жарррой... Не попрросить ли барышню Винн спеть нам об этом, хурр-хурр...

Дум позвала молоденькую ежиху, и та вышла на середину. У Винн был хороший голос, чистый и приятный; она любила петь, и ее не пришлось долго упрашивать.

Смахните паутинку, паутинку, паутинку.
Весна идет к нам в гости, откройте окна ей!
Уже смеется солнце, и быстро тают льдинки,
И жаворонок звонко поет среди ветвей.

По всей земле веселье, веселье, веселье.
Трава растет, и вереск уже почти большой.
А мед пчелиный будет и гуще, и светлее,
И даже вдвое слаще, пропитанный весной!

Таммо и другие звери подхватили песню, когда Винн начала ее. Потом все дружно захлопали. Вечер продолжался, и каждый исполнил какой-нибудь номер: станцевал, спел, продекламировал стишок или сыграл на музыкальном инструменте, в основном на маленьком барабане или тростниковой флейточке.

Из-за количества съеденного и жара, идущего от печи, полковника совсем разморило. С большим тру-

дом он поднялся и сделал еще один глоток каштанового пива, а потом, слегка покачиваясь, обратился к Руссе:

— Э... Полагаю, утром я тебя уже не застаю? Вновь отправишься странствовать?

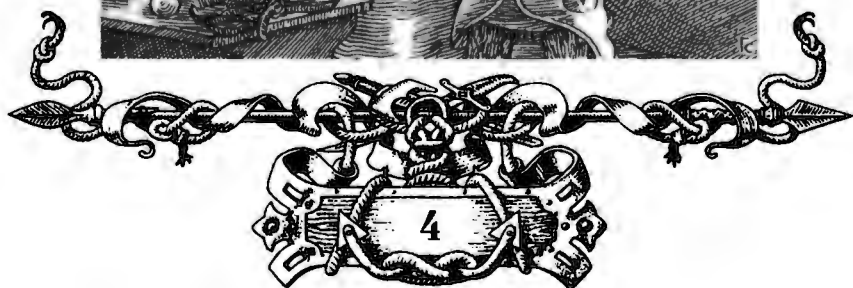
Русса выглядела свежей как цветок. Она кивнула в ответ:

— С первым лучом зари, полковник. Спасибо вам за гостеприимство — еда в Лагере Кочка превосходна, как всегда.

Отправляясь шаркающей походкой в спальню, полковник бросил через плечо:

— С твоим уходом шуму поубавится. Спокойной ночи. Никому не советую засиживаться допоздна. Завтра э... надо работать.

Маммо заметил, что, как только полковник ушел, мама с Руссой начали о чем-то перешептываться. Он понял, что это что-то очень важное, но до него долетали лишь обрывки разговора:

— Нет, ну что ты, Дум, я всегда путешествую одна. Ты же знаешь!

— Но, Русса, я дам тебе с собой блинчиков — сколько хочешь! — только выполни мою просьбу.

— Да я, может, вообще не пойду в Саламандастрон!

— Ну, тогда доведи его хотя бы до Рэдволла, там он встретит других воинов, к тому же

Дозорный Отряд часто навевывается туда. Он не обременит тебя, обещаю. Полковник не пускает его, но, если он останется, будут одни ссоры.

— Сколько захочу блинчиков, ты говоришь?..

— Хоть тридцать, правда! Он будет слушаться тебя во всем, я знаю его. Прошу тебя, помоги, и ты будешь всегда желанным гостем за нашим столом!

— Ну что ж, тридцать блинчиков, ха! Да и этого командира с моноклем недурно бы проучить. Пусть знает, что не всякий зверь станет выполнять его приказы. Ладно, договорились. Но тогда надо уходить прямо сейчас, чтобы утром мы были уже далеко.

Русса попрощалась со всеми, пробормотав что-то про сон на свежем воздухе, а Мудрая Дум принялась вытирать со стола.

— Давайте-ка расходитесь, спать пора. Помните, что сказал полковник? Завтра надо работать. Таммо, ты останься — поможешь мне убрать со стола. Всем спокойной ночи!

Звери потянулись в большую спальню один за другим. Наконец Осмунда кивнула Дум:

— Хурр... Все улеглись, все хорошо...

Дум потянулась и достала со шкафа уже приготовленный рюкзак. Быстро-быстро укладывая туда блинчики, она подозвала Таммо:

— Отложи тарелки, сынок, и иди сюда. Времени мало.

Заинтригованный, Таммо подошел и присел на угол стола напротив мамы.

— А что случилось-то?

Осмунда легонько хлопнула его деревянной ложкой по лапе:

— Мастерр Тамм, сидите смиренно и слушайте маму, хурр-хурр.

Не поднимая глаз, Дум продолжала сосредоточенно собирать рюкзак.

— Не знаю, Таммо, правильно я поступаю или нет, но я хочу дать тебе возможность увидеть мир своими глазами. Я считаю, ты уже достаточно вырос для службы в Дозорном Отряде.

Таммо так и съехал на пол. Вот это да! Он едва верил своим ушам, его голос дрожал от восторга, когда он заговорил:

— Я? В Дозорном Отряде? Ой, мамочка!

Дум резко затянула рюкзак.

— Не кричи, весь лагерь перебудишь. Русса согласилась по старой дружбе взять тебя с собой. Она берет на себя большую ответственность, поэтому веди себя хорошо, слушайся ее и не дерзи. Она не станет терпеть твои выходки, как мы с отцом, так что следите, господин, за манерами. В рюкзаке достаточно еды, чтобы тебе хватило сил дойти до места, а сверху я положила тридцать блинчиков для Руссы. Теперь иди сюда, я дам тебе еще кое-что.

Мудрая Дум достала из шкафчика портупею, туго свитую из плотного льна, с серебряной пряжкой в виде бегущего зайца. На ней висело оружие, которое нельзя было назвать ни мечом, ни ножом. Для первого оно было коротковато, для второго — длинновато. Таммо с восторгом наблюдал, как мама перекидывает ремень ему через плечо, закрепляет на груди крестнакрест и застегивает пряжку на боку.

Оказалось, что длинный кинжал не надо вставлять в ножны, он превосходно крепился в отверстии пряжки. Очень осторожно Таммо вытащил его, что-

бы получше рассмотреть. Остро наточенный стальной клинок с причудливой гравировкой поблескивал голубоватым светом. Серебряная крестообразная рукоятка была выложена драгоценными камнями зеленого цвета, а ее конец венчала гладкая хрустальная луковица.

Надежно закрепив длинный кинжал в пряжке, Таммо убедился, что рукоятка находится прямо под лапой, как будто кто-то специально подогнал снаряжение по его росту.

Дум с любовью прикоснулась к оружию.

— Этот кинжал выковал один барсук в кузнице Саламандастрона. Ни одно оружие не служило мне лучше в те далекие дни, когда я была в Дозорном Отряде. Твоему отцу больше по душе пришелся боевой топор, а я так выбрала кинжал. Вряд ли я смогла бы подарить тебе что-то более драгоценное. Бери его, сынок, защищайся и защищай слабых. Не бросай его на поле боя и не отдавай никому. Ну а теперь беги. Беги и ни о чем не жалея. Да смотри возвращайся со славой, чтобы мы с отцом могли гордиться тобой, — мы так тебя любим! Благослови тебя судьба, Тамелло Де Формелло Кочка, да не посрамишь ты этого уважаемого имени!

Осмунда тоже подошла и ласково погладила его по ушам.

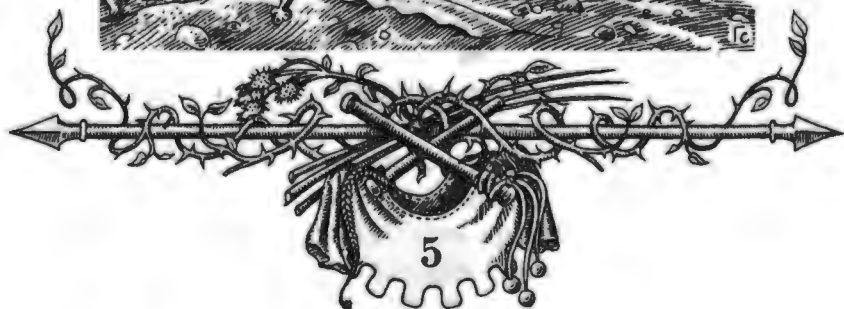
— Хурр, удачи тебе, мастерр Тамм, нам будет грустно без тебя.

В следующий миг Таммо уже мчался по темному лесу, не вытирая слез, оставлявших темные бороздки на испачканной мукой мордочке. Вдруг перед ним возникла Русса, неизвестно как материализовавшаяся из еловых ветвей.

— Надеюсь, мои блинчики не расплющатся в этом битком набитом рюкзаке? Похоже, Дум приготовила еды на целый полк. Ну ладно, поехали, посмотрим, на что ты способен после сладкой жизни в лагере. Вперед — и не отставать!

Зайчонок рванул так, словно отпустили тугую пружину, и полетел прочь от родного дома навстречу неизвестному.

В аруг Клык, новый повелитель Брюдяг, сидел на ветхой корме поваленного набок корабля, некогда принадлежавшего отцу, и смотрел на восходящее солнце. Ни ветерка, ни ряби не пробегало по гладкой поверхности воды, бледно-зеленой у берега и набирающей цвет в глубине. Пролетела пара белых чаек, крича друг другу: «С добрым утром!». Края единственного легкого облака светились перламутром, а небо было такой невероятно-незабудковой голубизны, какая может быть только ранним весенним утром. Солнце поднималось все выше, и вот уж последние капли зари

стекли в море, оставив лишь тонкую алую жилочку там, где вода сливалась с небом.

Но все это не восхищало Дамуга, и ухо его не радовал тихий шепот отлива. Кончиком меча он угрюмо ковырял изношенные доски старого судна, гнилые, набухшие от воды, обглоданные раками и покрытые пятнами липкой тины. Какое-то насекомое медленно выползло из влажной древесины. Волнообразно двигая поблескивающей спинкой и шевеля усиками, оно неуклюже подползло к передней лапе Великокрыса. Быстрым движением Дамуг уколол его мечом и стал наблюдать, как оно извивается в предсмертных муках.

На берегу уже начали разводить костры для приготовления завтрака, застучали барабаны. Армия Бродяг просыпалась навстречу новому дню. Дамуг Клык почувствовал, что за спиной стоит Длинношей, но даже не потрудился обернуться, когда тот заговорил:

— Пустые котлы ведут к восстанию, Острейший. Пора бросать меч, сегодня же!

Дамуг резко скинул умирающее насекомое в воду и встал. Когда он повернулся к Длинношею и заговорил, его морду перекосила такая злоба, что челюсть еле двигалась, а голос звучал хрипло.

— Я сам знаю, что делать, безмозглый вертляй! Но что будет, если меч повернется волнистым концом, а? Куда мы поплывем на этих развалюхах? Да мы потонем, даже не успев отчалить! Здесь же нет ни одного приличного корабля! Так что иди собери остатки своих мозгов и не приходи больше с этой идиотской ухмылкой, давая мне советы, в которых я не нуждаюсь, придурок!

И прежде, чем Длинношей успел ответить, Дамуг ткнул его концом меча под подбородок, сильно надавив. Ласке пришлось подняться на цыпочки, дрожа от ужаса, а Дамуг проговорил, глядя бедняге прямо в глаза:

— Ну что, нравится? Я отучу тебя умничать. Давай улыбнись-ка теперь, как минуту назад, этой своей дурацкой улыбочкой!

Кадык Длинношея дернулся, и он быстро заговорил, едва успевая перевести дыхание от боли и страха:

— Дамуг, Ваше Острейшество, я знаю выход, я знаю, как вам надо поступить, именно поэтому я и пришел!

Меч резко опустилсЯ и воткнулся в корму прямо между лап ласки. Дамуг улыбнулся и заговорил спокойнее и мягче. Длинношей понял, что буря миновала, во всяком случае пока.

— Длинношей, браток, я знал, что ты предложишь мне выход из этого крайне затруднительного положения. Молю тебя, скажи, что мне делать?

Потирая шею в том месте, где клинок Дамуга оставил рубец, Длинношей присел на палубу и достал из-за пояса маленький, но тяжелый медный зажим.

— Ваш отец часто пользовался этим, потому что любил ходить в море. Все повторял, что это лучше, чем отбивать лапы о камни и шишки. Если позволите, я покажу вам, как работает этот зажим. Можно ваш меч?

Длинношей поднялся.

— Смотрите, Бродяги слушаются меча. Острейший подбрасывает его в воздух, и армия идет туда,

куда укажет лезвие. При падении меч всегда вонзается в землю одним концом крестовины, и, если сверху оказывается волнистое лезвие, мы плывем, а если ровное, — идем по суше.

— Я все знаю, не тяни.

Длинношей почувствовал угрозу в тоне, каким были сказаны эти слова. Он быстро прикрепил медный зажим к крестообразной ручке с той стороны, где было волнистое лезвие, и подбросил меч. Это был слабый бросок: меч всего лишь раз перевернулся в воздухе, сверкнув на солнце, и тут же воткнулся ровным лезвием вверх.

— Вот видите, Ваше Острейшество! И так получается каждый раз, потому что со стороны волнистого лезвия прикреплен груз, притягивающий его к земле первым. Главное — не подбрасывать слишком высоко. Попробуйте сами: просто немножко выворачиваете лапу при броске, и меч падает так, как вам надо.

Дамуг Клык был не из тех, кто верит на слово. Он несколько раз повторил хитрый трюк, и каждый раз меч падал ровным лезвием вверх. Дамуг снял зажим и прикрепил его к своему браслету.

— Хорошая работа, Длинношей. Оказывается, ты не такой уж и тупой.

Ласка почтительно поклонился:

— Я служил вашему отцу, Гормаду Тунну, покуда он не превратился в слабоумного старика и не перестал обращать внимания на мои советы. Держите меня, и я смогу прославить имя Дамуга Клыка на море и на суше. Все будут бояться вас, вы станете самым известным из всех Великокрысов в истории.

Дамуг кивнул.
— Будь по-твоему. Отныне ты — мой советник, и я разделю с тобой успех.

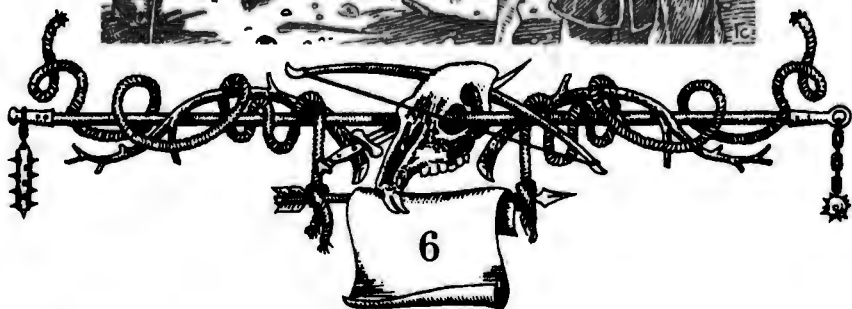
Но прежде, чем Длинношей успел поблагодарить повелителя, острый меча уперлось в его правый глаз. Дамуг смотрел на ласку с улыбкой, холодящей душу сильнее ледяного ветра.

— Ах ты, плут! Решил стать этаким маленьким консулом при сильных мира сего! Ты на кого коготь точишь, а? Слушай меня внимательно: если ты хоть раз попытаешься обмануть меня, я сделаю так, что ты будешь верещать от боли целый сезон, прежде чем умрешь.

1000

1000

Крысы Чихун и Чесун были обыкновенными солдатами армии Бродяг. Сейчас они карабкались на груды валунов в задних рядах огромной армии, собравшейся на церемонию Бросания Меча. Они толкались и пихались, пытаясь разглядеть выложенный камнями круг, где должно было состояться действие. Офицеры пригласили капитанов занять места в первом круге в соответствии с иерархией, остальные же были вынуждены отталкивать друг друга, вставать на цыпочки и подпрыгивать, чтобы хоть что-нибудь разглядеть.

Нетерпеливый Чихун взобрался на спину вялому, флегматичному Чесуну, который согнулся под его тяжестью и пробубнил:

— Ну и что там?

Чихун ущипнул его за ухо изо всей силы:

— Давай, рыхлоспин, выпрямляйся, не видно ничего! Похоже, Острейший будет речь толкать!

И Чихун еще сильнее сдавил ухо приятеля.

— У-у-у, больно же! — не выдержал Чесун и подался вперед, толкнув большого толстого горностаю.

Тот обернулся и прорычал:

— Слушай, ты! Если не прекратишь толкаться, я устрою тебе штучку похлеще прищемленного уха, понял? Я тебе хвост на нос натяну и бантиком завяжу! Пшел отсюда!

Но тут над толпой разнесся резкий, громкий голос Дамуга:

— Сегодня во сне мне явился дух горячо любимого мною отца — Гормада Тунна! Он поведал, что меч упадет ровным лезвием вверх, и тогда для всех Бродяг наступит Великий Сезон расцвета и побед: даже у простого солдата будут деньги, рабы и земля. Я, Острейший Повелитель, передаю эти слова вам, мои друзья и соратники!

Чихун не смог подавить смешок:

— Уи-хи-хи-хи! «Горячо любимый отец»? Послушать его, так можно подумать, что их вовсе и не тошнило друг от друга! Да, Дамугу туго придется теперь, если меч упадет морем кверху, можешь не сомневаться.

Толстый горностаю снова обернулся, многозначительно положив лапу на кривой нож:

— Вам придется еще не так туго, если вы не закроете рты, шутники!

В этот момент меч взлетел в воздух. Все замерли. А уже через минуту громкие крики сотрясали воздух вдоль всего пляжа:

— Сушей вверх! Сушей вверх!

Чесун поднял грязную лапу и почесал больное ухо:

— А что все это значит-то?

Толстый горноста́й вновь развернулся и на этот раз дал Чесуну в живот, а Чихуну по носу. Оба повалились на землю, один на другого, а горноста́й встал над ними, уперев лапы в бока, и, скребя грудь, процедил:

— А это значит, что тебе надо мыть уши почаще, а твоему приятелю — держать рот на замке. Есть еще вопросы, болваны?

Схватившись за разбитый нос, Чихун сумел быстро отреагировать:

— Нет, господин, нам все ясно, господин!

А Дамуг тем временем раздавал приказы десяти капитанам, каждый из которых возглавлял сотню солдат:

— Пришел конец сезонам скитаний вдоль побережья. Мы пойдем в глубь континента, сметая все на своем пути. Будем засылать разведчиков, чтобы те доносили о любом лакомом кусочке. Пусть корабли гниют дальше, нам больше не нужны их жалкие ошметки. Так что жгите свои жилища, съедайте весь оставшийся провиант. Мы выступаем завтра с первыми же лучами солнца. Теперь идите и принесите доспехи Острейшего!

В ту ночь Дамуг облачился во все доспехи. Расклевшенная оранжевая мантия отца, распахнувшись

от ветра, обнажала блестящий серебряный панцирь, закрывающий грудь, короткий килт из змеиной кожи и перевязь из мелких золотых цепочек, украшенную черным турмалином. На голове сиял медный шлем, увенчанный высоким острием, с защитной стальной сеткой на шее. Спереди шлем доходил ему почти до подбородка, а посередине были сделаны две узкие прорези для глаз.

Едкий дым поднимался к небу, на котором не было в эту ночь луны. Горели многочисленные лачуги, бросая отсветы на боевые доспехи Дамуга Клыка, Острейшего Меча всех Бродяг. Опустошая последние бутылки, доедая оставшиеся запасы и распевая дурными голосами, армия Бродяг отмечала свою последнюю ночь на юго-восточном побережье. Они проигрывали или просто воровали друг у друга нехитрые трофеи, дрались, ругались и рвали в клочья то, что еще осталось на и без того разграбленных кораблях.

Дамуг созерцал все это, опершись о меч. Рядом сутелся Длинношей, готовя на костре рыбу для своего повелителя. Он быстро поднял голову, когда Дамуг спросил:

— Они готовы идти за мной, Длинношей? Они готовы подчиняться каждому моему приказу?

— О, еще бы, господин!

— Все до единого?

— Кроме двоих, Ваше Острейшество, горностая Бора и лиса Сига. Они были дружны с вашим братом Бирлом, так что с ними надо держать ухо востро.

Недобро улыбнувшись, Дамуг потрепал Длинношею по уху.

— Неплохо, неплохо... Я знал об этих двоих, но я также знал, что и ты в курсе. Только что ты спас свою шкуру тем, что не промолчал.

Длинношей судорожно сглотнул, переворачивая рыбу на горячих углях.

Чесун шел, пошатываясь, вдоль берега, согнувшись под тяжестью здорового корабельного штурвала, дубового, да еще украшенного медными бляхами, когда-то ярко сверкавшими на солнце, а теперь зелеными от плесени.

Чихун присматривал за костром и жарил старые коренья с остатками дохлой чайки. Увидев Чесуна, он воскликнул:

— Ну куда ты тащишь этот хлам, болван? Что ты с ним будешь делать?

Чесун поставил штурвал и повернулся к другу со счастливой улыбкой:

— Это... ну... кучу добра стоит, гляди! Шикарная вещь!

Чихун только фыркнул в ответ:

— Шикарнее некуда. Ты, пожалуй, и выручишь за нее что-нибудь, потаскав через леса и болота сезонов семь и наконец присобачив к какому-нибудь такому же старому-престарому кораблю. А ну-ка живо избавься от него, пока ты калекой не стал, поднимая эдакую тяжесть!

И он с силой наподдал штурвал ногой, отправив его катиться в густую тьму. Немедленно оттуда раздался треск и дикий вой горностая:

— Ау-у, моя лапа! Кто это сделал?! Да я вас сейчас на куски порву и подвешу на съедение чайкам!

От испуга крысы метнулись, дважды столкнулись лбами, не понимая, куда бежать, и лишь после этого растворились в ночи.

Дамуг протянул объедки Длинношею и вытер рот оранжевой мантией.

— Покарауль тут, пока я сплю. И кстати, передай всем: пусть выкрасятся в красный. Я хочу, чтобы армия выступила завтра в боевом настрое, вооруженная до зубов.

878

878

878

878

878

Никогда за всю свою недолгую жизнь Таммо так не уставал. Солнце взошло три часа назад, а они все бежали. Лапы ломило, словно к ним подвесили гири; рюкзак, казавшийся поначалу таким легким, похоже, сейчас весил больше самого зайчонка.

А равнины, лишь слегка волнистые издалика, что стало с ними? Они превратились в высокие холмы и глубокие низины. В траве прятались острые камни, колючий чертополох норовил удержаться в цепких объятиях, склоны предательски осыпались под лапами скрипучим щепнем. Солнце, которого он так ждал, те-

перь только слепило глаза и утраивало усталость.

Взлетев на вершину очередного холма, Таммо пошатнулся и, задыхаясь, повалился на землю. Русса Бездома тут же оказалась рядом, все такая же подтянутая, дыша ровно и пристально вглядываясь в горизонт. Краем глаза она с восторгом и изумлением поглядывала на Таммо.

— Что-то ты неважно выглядишь, малыш. Как самочувствие?

Опустившись на все четыре лапы и низко наклонив голову, Таммо пытался отдышаться. Но не смог даже обернуться, чтобы ответить Руссе, и он отрывисто заговорил, глядя в землю:

— Не так чтоб... шибко бодро, госпожа... Пить, есть, спать... вот то... о чем я сейчас думаю.

Русса склонилась над ним.

— Послушай, малыш. Ты можешь звать меня Руссой, подругой, другом — как угодно. Но прекрати называть меня госпожой, я чувствую себя старой гусыней!

Таммо искоса взглянул на нее, и в его глазах заплясали чертики.

— Ладно, подружка, но и ты прекрати называть меня малышом, а то я начну обращаться к тебе «старая гусыня»!

Русса незаметно усмехнулась, снимая с него рюкзак. Вопреки желанию, ей начинало нравиться общество Таммо.

— Давай-ка снимем с тебя эту тяжесть, Тамм. Здесь никак нельзя останавливаться, мы сделаем привал чуть позже.

Таммо слегка размял спину и поинтересовался:

— А почему? Нормальное место.

Белка указала на два далеких холма.

— Нам надо уйти за них до полудня. Ладно, давай-ка подзаймемся твоим образованием, мал... ммм... приятель. Подумай сам, почему лучше разбить лагерь там, а не здесь?

— Понятия не имею, подружка. Объясни.

Русса надела рюкзак.

— Ну, для начала, это слишком открытое место, здесь нас видно за много миль. Хороший лагерь должен укрывать от непогоды и от посторонних глаз. Незачем всем и каждому знать, где мы.

Зайчонок слушал, открыв рот.

— Да, пожалуй, ты права.

— Могу поклясться, что права, — подмигнула белка, — но прежде, чем мы двинемся дальше, хочу объяснить тебе еще кое-что. Днем будет жарко, и лучше будет поспать пару-тройку часов, чтобы восстановить силы. Перекусить мы сможем перед сном, это полезно для пищеварения. А вот если бы мы поели и попили сейчас, то потом, на сытый желудок, мы добирались бы в два раза дольше. Ну а теперь — в путь, приятель. Я понесу рюкзак, это будет по-честному.

Таммо заскользил вниз по глинистому склону. После недолгого отдыха он чувствовал себя намного лучше, да и бежать без рюкзака было легче.

— Конечно, по-честному, — крикнул он Руссе, — учитывая вес твоих тридцати блинков!

Русса оценила шутку, но молниеносно отреагировала:

— Эй, потише там, на ослабевшем фронте! А то сейчас так припущу, что будешь целый день пыль глотать.

Пользуясь тем, что находится у нее за спиной, Таммо соорил белке рожицу.

— Нет проблем, подружка Русса, беги впереди, да только не слишком быстро.

Русса тряхнула головой, задев высокую траву, еще мокрую от утренней росы:

— Закрой рот и работай лапами, Тамм! За всю свою жизнь я не трепала языком столько, сколько с тобой. Экономь дыхание, не трать его попусту, — это еще один урок выживания, который ты пока не усвоил.

— О, как ты права, мудрейшая из белок! Отныне мой непослушный рот на замке, слушаюсь и повинуюсь!

— Очень хорошо, молчи и не отставай.

— Слышу, следовательно, подчиняюсь, о благороднейшая из белок!

— Любишь, чтобы последнее слово оставалось за тобой, да?

— Только потому, что вы так молчаливы, о проницательнейшая из белок!

— Ах ты, насмешливый негодник! Между прочим, здесь я команду!

— Нехорошо оскорблять низших по званию, пользуясь своим положением. Ой! Ай!

Не глядя под лапы, Таммо поскользнулся на мокрой траве и опрокинулся на спину. А так как они бежали по склону, он покатился вниз и остановился, лишь ткнувшись о камень.

Русса пронеслась мимо, глядя вперед и победоносно улыбаясь.

— Я же говорила, у нас пока нет времени на привал, так что не залеживайся тут!

Многому научился Таммо в это утро. А днем они остановились на вершине, еще недавно казавшейся

такой далекой, и Русса указала место для лагеря. Внизу, у подножия холма, бежал по камушкам прозрачный ручей, с журчанием спотыкаясь о небольшой водопад. Заросли дикой бирючины и кизила на берегу могли послужить хорошим укрытием от сторонних глаз и солнца.

Весь в пыли, разгоряченный бегом, Таммо аж облизнулся при виде холодной воды. Он ловко отдал честь Руссе и по-военному отчеканил:

— Разрешите погрузиться в холодную воду!

Невозмутимая белка лишь передернула плечами:

— Как хочешь, приятель.

Взвизгнув от восторга, зайчонок скатился вниз по склону.

Русса немного отступила назад и, срезав угол, направилась к месту привала с другой стороны.

Сбросив португею и кинжал на берегу, Таммо с разбегу кинулся в воду. Она оказалась такой ледяной, что у бедного зайца аж дух захватило, — он закричал и быстро заработал лапами. Да, хорошо снова почувствовать себя живым в такой день! Раскрыв пошире рот, Таммо встал под водопад, жадно глотая вкусную холодную воду. На миг он застыл, потом опрокинулся на спину и с восторгом забарабанил по воде всеми четырьмя лапами.

— О-ла-ла! Вот это мне нравится! Лентяйка, ты только посмотри: юное создание вкушает радости жизни ранней весенней порой.

Таммо быстро встал в воде, отфыркиваясь и протирая глаза, чтобы разглядеть, кто это говорит.

Два хорька, высоких и тощих, облаченных в лохмотья, стояли на берегу. У той, к кому была обращена речь, в лапах был лук со стрелой, а у другого —

дротик, воткнутый пока что в землю, потому что он примерял портупеку Таммо.

Зайчонок понял, что влип. Озираясь по сторонам в поисках Руссы и никого не увидев, он указал на свое снаряжение:

— Э, друзья, я что хочу сказать... это мои вещи... да-да, те, что вы сейчас так здорово примеряете!

Лентяйка наставила стрелу на Таммо и недобро улыбнулась, обнажив ряд кривых серых зубов.

— Фа-фа-фа! Большеплох, ты только послушай, какие мы манерные. Может, ты просто не подумал о том, что это чужие вещи, а?

Большеплох как раз застегнул портупеку и теперь помахивал кинжалом, с восхищением рассматривая лезвие.

— Вот как он ставит вопрос! Интересно. А мне, Лентяйка, все представляется несколько иначе: этот зверь пришел неизвестно откуда и стал купаться в нашей воде. Он расплескивал ее, пил и ничуть не церемонился. Взгляни на него! Он вовсе не чувствует себя виноватым, хотя это именно он воспользовался чужим добром!

Таммо неподвижно стоял в воде. Он постарался улыбнуться как можно добрее и сказал, обращаясь к коварной парочке:

— Ребята, я правда извиняюсь. Я и понятия не имел, что ручей принадлежит вам. Я немедленно выпрыгиваю!

Большеплох выдернул из земли дротик.

— Вот-вот, о том и речь, мой юный друг. Выпрыгивай и расплатись за пользование нашей водой. А если у тебя нет больше ничего ценного, кроме этого снаряжения, побудешь рабом, пока не отработаешь

украденное. Лентяйка, пристрели его, если вздумает рыпаться!

Лентяйка натянула лук и направила стрелу прямо в лоб Таммо. Вдруг просвистел деревянный посох, стрела сломалась ровно пополам, а лук упал на землю. Русса вылетела из зарослей словно молния, столкнула Лентяйку в воду и бросилась на Большеплоха. От удара в живот он согнулся пополам и принялся хватать ртом воздух. Таммо перебежал ручей вброд и, когда Лентяйка попыталась выбраться, нанес ей сокрушительный удар, лягнув задними лапами. Та снова упала в воду, и Таммо навалился сверху всем своим весом.

Русса стащила портупею с Большеплоха, подняла свой посох и распрямилась, глядя, как хорек медленно приходит в себя. Наконец он вскочил, схватился за дротик, но Русса сделала маленький шагжок в сторону и быстро нанесла ему три удара по затылку, от которых хорек распластался на земле.

Даже не глядя больше в его сторону, белка обратилась к Таммо:

— Лучше поставь ее вертикально, приятель, пока вы оба не утонули.

Таммо вытащил брыкавшуюся Лентяйку из воды, потом протер глаза и с негодованием посмотрел на Руссу:

— Почему ты не сказала о них? Зачем ты отпустила меня купаться?

Русса наотмашь ударила Лентяйку и придавила горло посохом, а потом безразлично передернула плечами:

— Да я и сама не знала о них. Ты, кстати, тоже мог бы не прыгать в воду как оголтелый. Я привыкла

сперва проверять место, а уж потом отдыхать, что и тебе советую.

Таммо вздохнул с облегчением, взяв в лапы португую, которой чуть было не лишился.

— Еще один урок, да?

Русса дружески похлопала его по спине.

— Зришь в корень, приятель.

Хорьки сидели на берегу, тряся головами и пытаясь понять, что произошло. Русса обошла вокруг них, поглядывая на Таммо, который вытащил из кустов припрятанный белкой рюкзак.

— Что скажешь? Убить нам этих обманщиков или отпустить?

Таммо поразило то, каким ледяным тоном были произнесены жестокие слова.

— Русса Бездома! — воскликнул он, и голос его задрожал от возмущения. — Ты же не собираешь и вправду убить их?!

Но Русса осталась невозмутима.

— Ты знаешь, почему я до сих пор жива? Потому что все мои враги мертвы. Можешь не сомневаться, Таммо, эта парочка убила бы тебя — просто так, для забавы, — если б я вовремя не подоспела.

Хорьки жалобно заскулили:

— Нет-нет, господин, не слушайте ее, мы просто шутили!

— Мы не убийцы, господин, мы просто очень бедны, у нас ничегошеньки нет!

Русса скривилась, глядя на них.

— Ага, а я — маленькая певчая птичка с лягушонком для дяди.

Таммо встал между белкой и хорьками.

— Нет, Русса, я не дам тебе убить их!

Белка присела, развязала рюкзак и достала несколько блинчиков, испеченных Мудрой Дум.

— Ха, да пожалуйста! Охота была руки марать об эдакую пакость. Делай с ними что хочешь.

Таммо бросил в воду оружие хорьков и вытащил кинжал, глядя на дрожащую парочку.

— Поднимайтесь и валите отсюда, ребята. Я не хочу больше видеть вас — никогда, слышите? Пошли вон, быстро! А то отдам вас на растерзание Руссе!

Лентяйка и Большеплох рванули без оглядки, словно на них охотилась стая орлов. Таммо поднял вверх кинжал.

— Так-то, будете бояться настоящего оружия!

Русса набрала в кружку воды из ручья.

— Это было твое решение, приятель.

— Что значит «мое решение»?

— Скоро узнаешь. Ладно, помнится, ты был голоден? Иди-ка приложись как следует к этим лакомствам.

Они съели по несколько блинчиков с медом, по куску холодного морковного пирога и выпили по большой кружке воды. Солнце припекало не по-весеннему жарко, и после всего пережитого Таммо потянуло в сон. Выбрав подходящее местечко в тени кустарника, он прикорнул. Русса села, опершись спиной о ствол дерева, и тоже задремала, но сон ее был чутким.

Когда солнце перевалило зенит, Русса разбудила Таммо. Он проснулся свежим и полным сил, тут же водрузил на плечи рюкзак и сказал:

— Теперь моя очередь, подружка. Куда направляемся?

Они поскакали дальше на юг. Взобравшись на вершину холма, Русса указала посохом на узкую полоску леса вдаль.

— Мы должны добраться туда с сумерками.

Этот переход показался Таммо намного легче. Ему нравились новые места, нравились рас-

сказы и наставления Руссы. Она, казалось, позабыла о том, что она — молчаливая белка, и была необычайно словоохотлива.

— Обогни этот участок, Тамм. Не будем беспокоить кроншнепа с его гнездом, ладно?

— Ладно, подружка. Это хорошо — дать птице спокойно высиживать яйца.

— При чем тут «хорошо»? Задень мы гнездо, птица разозлится и поднимет крик, и всем станет ясно, где мы.

— А ты думаешь, это кого-то интересует?

Ответ Руссы был неоднозначным:

— А ты сам-то как думаешь?

У Руссы слово и дело не расходились. Как только тени начали вытягиваться и сумерки опустились на землю, путники ступили на лесную тропинку. Лес оказался значительно больше, чем казался издали. Русса разрешила Таммо самому найти место для лагеря, и он выбрал поваленный бурей древний бук, чьи вывернутые корни образовали яму с навесом.

Русса одобительно кивнула.

— Ну что ж, неплохо. Разведем костер?

Таммо скинул оружие и портупею.

— Как скажешь. Весенние ночи бывают очень холодными, а кроме того, я бы не отказался от горячего ужина, если не возражаешь.

Русса замотала головой.

— Ничуть не возражаю, приятель. К тому же здесь полно сухих веток и коры. Я сама займусь костром, а ты пока распакуй рюкзак и достань еду.

Русса извлекла из кошелки кремь, и вскоре костер уже потрескивал. Потом, испытывая приятную усталость, они сели, прислонившись спинами к бу-

ковому стволу, и принялись есть, пить и разговаривать.

Русса подняла с земли кинжал Таммо и стала его пристально изучать.

— Это редкое оружие, приятель. Досталось от отца?

— Нет, от мамы. Она служила в Дозорном Отряде. Она сказала, один из Владык-барсуков выковал его для нее в кузнице Саламандастроны — легендарной горы-крепости. Расскажи мне об этой горе, Русса. Я ведь никогда там не был.

Привычным движением лапы Русса взвесила оружие, а затем быстро метнула. Кинжал со свистом прочертил прямую и воткнулся в ствол сикоморы.

— Иногда правильно брошенный нож может спасти жизнь. Я научу тебя метать его.

Таммо пришлось изрядно потрудиться, вытаскивая кинжал из ствола.

— Буду очень признателен. Так как насчет Саламандастроны?

Русса глотнула вина и приняла позу поудобнее.

— Ну что я могу сказать... Гора как гора. Но я могу постараться вспомнить песню зайцев Дозорного Отряда, которую я слышала там во время своего последнего визита.

Таммо подбросил веток в огонь.

— Ты действительно знаешь песню зайцев из Дозорного Отряда?! Пожалуйста, вспомни ее!

Белка прикрыла глаза.

— Так, насколько я помню...

Ну что же, враг коварный, пожалуй в гости к нам
Да прихвати товарищей с собой!

Мы вам такой устроим прием-головомой,
Что вы не попадете уж домой!

Еу-ла-ли-а! Еу-ла-ли-а! А пу-ка сунься к нам!
Послужим верой-правдой Владыкам-барсукам!

Ты сам же, враг коварный, в бою нас закалил,
Ты сам нас беспощадности учил.
Ты убивал и грабил, глумился и громил,
И вот теперь награду получи:

Отряд Дозорный страшен, опасен и силен.
Он защищает слабых и больных,
Заботливых, и добрых, и мирных, и иных
Зверей хороших от таких, как ты.

Еу-ла-ли-а! Еу-ла-ли-а! А пу-ка сунься к нам!
Послужим верой-правдой Владыкам-барсукам!

Таммо восхищенно затряс головой.

— Вот это песня! Вот это я понимаю! А они правда такие бесстрашные и непобедимые, эти зайцы из Дозорного Отряда?

Русса бросила в огонь толстую ветку.

— Они могут быть безжалостными порой, но они защищают берег и сушу, чтобы мирные жители могли спать спокойно. А теперь давай-ка спать, тебе надо набраться сил к завтрашнему дню. Иди и укладывайся где-нибудь подальше от костра.

Таммо состроил недовольную гримасу.

— Но ведь здесь так тепло и хорошо, зачем куда-то перебираться?

Белка нахмурилась.

— Потому что я так сказала, и хватит глупых вопросов. Пошевеливайся!

Таммо удалился в заросли кустарника, недовольно бормоча:

— Так было славно у огня, а меня гонят в холодную ночь, где можно заболеть и умереть от простуды. Это несправедливо!

Среди ночи Таммо вскочил от ледящего душу крика. Он вскочил и хотел выхватить кинжал, но кинжала на месте не оказалось. Руссы тоже нигде не было видно. Сложив лапы рупором, Таммо громко позвал:

— Русса! Где ты?! Отзовись!!!

Белка тут же оказалась рядом, вынырнув откуда-то из-за ствола, и прошептала, вытирая кинжал о траву:

— Тише ты. Я здесь. Иди спать.

Они вместе нырнули в кусты. Таммо так и распырало от незаданного вопроса, но он молчал, видя, как Русса прислушивается и крутит головой во все стороны.

И вот откуда-то из-за деревьев донесся разъяренный вой. Русса распрямилась и громко крикнула в направлении голоса:

— Твой дружок Большеплох мертв! Проваливай отсюда и помни: я пленных не беру!

В ответ донесся голос Лвентяйки, такой злой, что Таммо стало не по себе:

— Не думай, что ты победила, старая ведьма! Мы еще вернемся за тобой и твоим дружком!

Послышался хруст веток, затем все стихло. Русса отдала Таммо кинжал.

— Это были те хитрые хорьки, которых ты отпустил накануне, приятель. Я знала, что они вернуться. Особенно после того, как ты достал при них рюкзак с едой.

Таммо вдруг понял, что он наделал, и у него лапы подкосились.

— Русса, прости меня! Я и не подумал, что им нельзя видеть рюкзак! Если бы не я, они не стали бы нас преследовать!

Но белка отрицательно помотала головой.

— Да нет, дружок, дело не в рюкзаке. Они все равно стали бы преследовать нас, знаю я эту породу. Они весь день шпионили за нами, и я поняла, что нападать будут ночью. Вот я и взобралась на дерево с твоим кинжалом, а когда появился один из них, Большеплох, с огромным острым колом, я застала его врасплох, прыгнув сверху. Пришлось прикончить его, у меня не было выбора. Но я все еще волнуюсь, Тамм.

Заяц удивился:

— А теперь-то о чем волноваться, Русса?

— Ты слышал, Лентяйка кричала: «Мы еще вернемся...»? Именно «мы»! Кого она имела в виду? Сдается мне, их тут целая шайка. То-то мне показалось, что я встречала этих двоих когда-то давно. Они всегда шатались с какой-нибудь бандой головорезов.

Таммо решительно взялся за нож.

— Так, подруга, я готов подчиняться твоим приказам. Что будем делать?

Но Русса лишь ласково потрепала его по ушам.

— Будем спать, вот что мы будем делать. Не думаю, что они еще вернутся сегодня, но на всякий случай будем дежурить по очереди. Вероятнее всего, нападут они завтра, так что выспись как следует — силы тебе потребуются!

Ночь опустилась над маленьким лагерем. Пламя костра тоже задремало на угольках, деревья сонно

перешептывались о чем-то с западным ветерком. Там-мо снился Лагерь Кочка, родные и любимые лица Осмунда и Рули, их детей, с которыми он когда-то играл... Он даже почувствовал во сне запах стряпни Мудрой Дум, услышал песни, которые пели у камина зимними вечерами у них дома, и на него навалилась такая печаль, словно он потерял все это безвозвратно.

Русса спала на ветке, и, послушный многолетней привычке, один ее глаз был приоткрыт.

Рисунки:

[This section contains a very faint, illegible block of text that appears to be bleed-through from the reverse side of the page. It is largely unreadable but seems to contain several lines of prose.]

9

Из записей белки Краклин, летописицы аббатства Рэдволл в Стране Цветущих Мхов:

«О, Тысяча Сезонов! Конечно, я стара, в этом нет больше ни малейшего сомнения. Прекрасный весенний день, солнышко ласково греет стены аббатства и Лес Цветущих Мхов, и все звери от мала до велика высыпали играть на лужайку. Только я сижу здесь и пишу в одиночестве... Ладно, кто-то ведь должен делать и эту работу. Хотя в молодости я никогда не поверила бы, что буду сидеть за печкой»

с пером в лапах; в молодости вообще с трудом веришь в старость.

Да, немного уж осталось моих сверстников в этих стенах: аббатиса Пижма, моя добрая подруга, первая ежиха-настоятельница Рэдволла; Фиалка Полевка, наша неугомонная медсестра... Кто еще? А, конечно, Перекоп — Кротоначальник да хранительница запасов Порция, два самых высокопоставленных крота в аббатстве. Еще я да Арвин, вот и весь счет.

Арвин — наш Воитель. Кто бы мог подумать, что из этого непослушного бельчонка вырастет такой храбрый и всеми уважаемый зверь, слава о котором разнесется по Стране Цветущих Мхов!

Вот и все мои сверстники. Остальные уж давно и счастливо ушли в солнечные луга, хотя память о них и об их добрых делах живет в нас и по сей день. Жаль, что давненько в аббатстве не бывало ни барсуков, ни зайцев. Не то что раньше...

Да, я становлюсь старой брюзгой. В детстве мы шутили и смеялись над такими. Все, хватит! Если я посижу здесь еще немного, я совсем засохну от воспоминаний у этой печки или поджарюсь, как пирожок. Нет, пойду взгляну, как они там играют. Может, еще не поздно присоединиться? Весна все-таки...»

Настоятельница Пижма присела, и мячик, сделанный их мха и бечевки, просвистел над ее головой. Она весело состроила рожицу маленькой мышке, которая его кинула.

— Ага, Слоечка, промазала!

Слоечка топнула лапкой и крикнула в ответ:

— Вы не должны были приседать, это нечестно! Стойте как стояли!

Кротенок позади Пижмы подобрал мячик и уже собирался им запустить, но тут незаметно подкралась Краклин. Она проворно подобрала мячик и сама запустила им в Пижму, попав ей прямо в спину. От мягкого толчка настоятельница обернулась, смешно изображая немислимую ярость:

— Это что еще такое? Кто кинул мяч, признавайтесь!

Краклин выглядела как сама невинность.

— Это не я, Матушка!

Она строго посмотрела на малышей:

— Ну, признавайтесь, шалуны, кто это сделал!

Все покатились со смеху, когда совсем маленький несмышленный кротенок по имени Губби показал лапкой на Краклин:

— Это она, хурр-хурр! Я видел, как она бросала!

Краклин сделала вид, что испугалась.

— Нет-нет, это не я, это он! — И она указала на Губби. — Мы все видели, правда?

Это повергло малышей в полный восторг. Еще бы, не каждый день видишь, как летописица проказничает наравне с кротятами. Они запрыгали, хлопая лапками и указывая на Краклин:

— Это она! Это она!

Ежиха сняла с себя мячик, который прилепился к иголкам, и с серьезным видом принялась отчитывать белку:

— Как не стыдно! Кинуть мячом в самую настоятельную! Ай-ай! Я лишаю вас ужина, отправляйтесь в постель, уважаемая!

Последняя фраза совсем доконала малышей — они повалились на траву животами кверху, дрыгая лапками и захлебываясь от смеха.

Показались Кротоначальник Перекоп и белка Арвин Воитель в сопровождении еще нескольких кротов. Они направлялись в сторону южной стены и что-то шумно обсуждали, но, увидев настоятельницу Пижму, приостановились и начали перешептываться. Потом, приняв решение, продолжили путь и, проходя мимо, кивнули как ни в чем не бывало:

— Добррый день! Добррый день и вам!

Краклин бросила взгляд на Пижму:

— Мне кажется, они что-то задумали. Эй, Арвин! Что за спешка? Куда это вы собрались?

— Да ничего особенного. Прросто пррогуляться!

Пижма тут же взяла Краклин за лапу и повела вслед за ними.

— Ты права, они что-то задумали. Прогуляться они идут, как же! Пойдем-ка посмотрим, в чем там дело. Ребята, продолжайте игру без нас! Да смотрите, чтоб без подвохов!

За кустами, растущими по всему периметру стены, Перекоп и другие окружили крота по имени Топотун:

— Так в чем там дело, объясни нам еще раз.

Топотун указал лапой на несколько участков в кладке.

— Прриглядитесь, хурр, прристальной, хурр-хурр. Видите?

Краклин и Пижма внезапно выросли рядом с ними. Настоятельница набросилась на Арвина:

— Что здесь происходит? Вы что-то скрываете от меня! Я требую объяснений!

Арвин уже спустился к самому основанию стены и тыкал красные песчаные кирпичи ножом. Он поднял взгляд на Пижму и ответил как можно спокойнее:

— Даже не знаю, как Вам объяснить. Мы и сами еще не разобрались. Топотун говорит, что стена осыпается, но, возможно, он ошибается. Вот мы пока и не стали тревожить Вас зазря, Матушка, потому что у Вас и так много дел...

Пижма возмущенно прервала его:

— Что значит «и так много дел»? Южная стена осыпается, а вы считаете это недостаточным поводом, чтобы потревожить меня? Да кем вы меня считаете в таком случае — настоятельницей аббатства или глупышкой с мячиком?

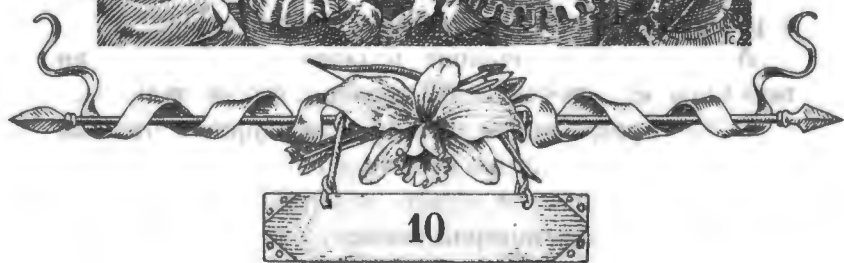
Перекоп с достоинством отдал честь и осторожно произнес:

— Простите, но несколько минут назад мне показалось, что Вы играли в мяч, когда мы проходили мимо, хурр-хурр.

Глаза Пижмы сверкнули.

— Ерунда! А ну-ка, покажите мне стену!

Остаток дня они провели, обследуя южную зубчатую стену по всей длине. Стена осыпалась, более того, она как будто набухла изнутри. Они проверяли кладку; они взбирались на стену и кидали веревку с грузом, а потом прижимались щекой к стене и скашивали глаза, сравнивая степень ее натяжения и изгиб в разных местах; они горячо спорили, обсуждая сложившееся положение. Вывод был неутешительным. Южная стена рушилась.

Ночь опустилась над аббатством Рэдволл, и огни Большого зала засветились сквозь витражи, отбрасывая длинные разноцветные блики света на лужайку. Старинное здание с массивными арками торжественно возвышалось на фоне Леса Цветущих Мхов. Все оно, начиная с колокольни и заканчивая зубчатыми стенами, было символом надежности, комфорта и благополучия всех рэдволльцев, считающих ее своим домом.

Большинство жителей Рэдволла одевались просто и скромно, но сестра Фиалка Полевка обожала кружева и оборки. Шелестя нижними

юбками, она суетливо выскользнула из парадных дверей аббатства, держа в лапах светильник и недовольно бормоча. Ночной бриз игриво подхватил ее накидку и ленточки капора. Медные тяжелые колокола Рэдволла звучно пробили время ужина.

Настоятельница Пижма и ее окружение все еще были у северного фронтона, обследуя стену. Перекоп ласково погладил камни.

— Слава сезонам, хурр-хурр, что хоть северная стена, да и другие, кроме южной, в целостности и сохранности!

Арвин поднял фонарик и осветил лицо настоятельницы, с тревогой вглядываясь в его черты:

— Он прав, Пижма, это просто здорово, что все остальные стены так же крепки и надежны, как в год их возведения!

Пижма устало потерла глаза:

— Так-то оно так, да только в этом мало проку, если южная стена может рухнуть в одночасье.

К ним торопливо приблизилась Фиалка; ленты ее капора широко развевались на ветру.

— Матушка настоятельница! Там же ужин остывает! Мы не можем приступить к вечерней трапезе без Вас! Ох, да вы только посмотрите все на себя — лапы грязные, одежда в колючках, что за вид! Краклин, а я-то думала, ты поможешь уложить малышей... Ох, теперь вообще неизвестно, когда бедняжки доберутся до кроваток, раз их до сих пор даже не покормили! А еще, кстати...

Ее прервал строгий голос Арвина:

— Хватит, сестра Фиалка, мы всё поняли.

Полевка надменно поджала губы, и Пижма быстро вставила, пользуясь паузой:

— Спасибо, сестра, мы скоро будем. А вы пока что побудьте за меня и велите начинать ужин. Но спать пока никого не укладывайте, я должна всем сообщить что-то важное.

Фиалка приосанилась, гордая возложенной на нее миссией.

Краклин смотрела ей вслед, пока они шли к пруду умываться перед ужином.

— Знаете, мне порой кажется, что неплохо было бы разок прищемить ей хвост.

— Сестра Фиалка обязательна и исполнительна, — ответила Пижма, подавив улыбку. — Просто иногда она слишком усердствует. Но всем нам неплохо было бы подзанять у нее внимания к мелочам.

Вообще-то завтраки, обеды и ужины в Рэдволле сопровождали гул голосов и звон тарелок. Вот и сейчас все в Большом зале ели и переговаривались через стол.

Многие взрослые сажали малышей на колени, разделяя с ними обильную трапезу, а те были счастливы тем, что сегодня можно подольше не ложиться спать.

Арвин и другие подошли к столу вслед за Пижмой. Добрая хозяйка сделала знак Фиалке, чтобы та оставалась, где сидит, — на большом стуле во главе стола. Шутливо подтолкнув мышку Слоечку и кротенка Губби, Пижма уселась между ними на маленькой скамеечке, приговаривая:

— Подвиньтесь-ка, толстяки... Расселись тут... Честным зверям сесть негде!

Слоечка оторвалась от тарелки с супом и подвинулась, освобождая побольше места.

— Сами Вы толстуха... И почему это Вы опоздали?

Губби с набитым тортом ртом ответил за настоятельную:

— Было... много... дел... хурр... я прав?

Пижма налила себе супа и подмигнула кро-тенку:

— Еще бы, конечно прав! Очень много дел, приятель.

Ужин продолжался, звери переговаривались, никто никуда не спешил. Когда в аббатстве ели, не принято было смотреть на часы. Наконец, когда Пижма решила, что время пришло, она поднялась и кивнула Фиалке. Та позвонила в маленький колокольчик. Все примолкли и зашикали на малышей. Пижма обратилась к собравшимся:

— Друзья мои, я должна сообщить вам кое-что важное. Повода для беспокойства нет, но Перекоп, Арвин, Краклин и я проверяли сегодня стены аббатства и обнаружили, что южная стена в опасном состоянии, хотя причины этого пока неясны.

Выдра Шэд, Хранитель Ворот, тут же откликнулся:

— Что надо делать? Мы готовы.

Пижма подала знак Перекопу, и он ответил за нее:

— В первую очередь, хурр-хурр, надо разобраться, в чем дело, а потом исправить неполадки.

Вслед за ним заговорил Арвин:

— Главное, без паники. Но кое-какие правила придется установить, чтобы все вы были в безопасности. Завтра же южная стена будет огорожена. Не ходите туда. Просто живите как жили, но следите

за малышами, чтобы они не играли в опасной зоне. Если стена рухнет, рядом с ней никого не должно быть.

Шум пронесся по залу:

— Они хотят разрушить южную стену! Южная стена рухнет!

Вдруг Фиалка Полевка вскочила на стол и со всего размаху кинула об пол огромное глиняное блюдо. Раздался звон, все смолкли. Фиалка только этого и ждала.

— А ну-ка тихо! — воскликнула она. — Вы что, совсем забыли, как себя вести? Вы, брат Трудолоб, и вы, брат Постенник, быстро уложите малышей спать. Остальные выдохните, вдохните и вспомните о том, где находитесь. А ты, Арвин Воитель, поведай всем о своем плане!

У Арвина не было никакого плана, но он спокойно вышел на середину зала и заставил голос звучать уверенно:

— Мой план, да... Так вот, мой план состоит в том, что Кротоначальник Перекоп и его подчиненные займутся сносом стены и возведением заново. Они сами выберут себе помощников. Работа будет вестись по-сменно, так что закончим быстро. А пока что наш друг Шэд призовет капитана выдр Шкипа с командой, и вместе с теми из нас, кто посильнее, они составят отряд для патрулирования аббатства и окрестностей. Повода для паники нет. Уже многие сезоны ни один враг не показывался в этой части Страны Цветущих Мхов.

Пижма заплодировала, и вскоре все звери присоединились к ней, успокоенные и воодушевленные.

Позже, когда все улеглись спать, в Пещерном зале был собран совет во главе с настоятельницей. Пещерный зал был поменьше и поуютнее Большого, и Пижме удалось найти минутку, чтобы в уголке перекинуться с Краклин парой слов:

— Какое там «прищемить хвост»! Фиалка была великолепна — как ловко она всех поставила на место! Советую тебе переменить мнение о ней.

Белка повела плечом:

— Ну да, она может, когда захочет. Ладно, беру свои слова обратно.

До поздней ночи совет обсуждал проблему южной стены и меру риска в случае ее падения. Наконец крот Перекоп подвел итог:

— Итак, хурр-хурр, мы не можем устранить причину прежде, чем мы ее обнаружим. Всем надо хорошенько выспаться, а завтра с новыми силами приняться за работу.

Арвин долго ворочался и не мог уснуть. То, что случилось со стеной, беспокоило его и расстраивало, он мучительно искал ответ, в чем же дело и почему она рушится. Наконец, уже под утро, он забылся. Во сне к нему явился сам Мартин Воитель, заложивший стены аббатства много сезонов назад, хотя образ его, украшающий сейчас гобелен Большого зала, был все еще молод и свеж. Так уж повелось, что в особо трудные времена Мартин являлся по своему выбору во сне кому-нибудь из рэдволльцев, чтобы наставить и утешить.

Вот и сейчас Арвин видел во сне, как мыш-воин приближается к нему в клубящемся облаке вечности и от нее исходят уверенность, сила и покой. Арвин понял, что вот сейчас он услышит что-то очень важ-

ное, и почувствовал тот трепет, который всегда испытываешь перед лицом судьбы.

Мартин Воитель произнес:

Будь осторожен: опасность идет
С южной как раз стороны.
Аббатство не тронут, но вот войны,
Увы, не минуете вы.

К сожалению, на следующий день Арвин забыл этот сон.

Мартин Воитель

Арвин

Мартин Воитель

Арвин

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Мартин Воитель: Глубь манерных армянских войн.

Ногучая армия Бродяг припала к земле, дрожащая, промокшая, замерзшая и голодная, среди обломков кораблей. Никто не мог предположить, сжигая жилища, что ночью с юго-востока налетит такой страшный шторм. Сначала хлынул ливень, и тяжелые капли дождя затушили костры, вокруг которых спали крысы, хорьки, ласки, горностаи и лисы. А потом пошел град размером с голубиное яйцо, да еще наводнение, и ураганный ветер погнал все это вдоль берега. Те корабли, что были в воде, тут же отнесло в море и расколело о скалы. На берегу осталось

лишь четыре судна, и звери сражались за место в укрытии.

Дамуг Клык с особо приближенными заняли каюту капитана, остальным было предоставлено искать себе место на палубе. На заре дождь и град стихли, но ветер был по-прежнему силен и немилосерден. Дамуг подполз ближе к угасающему камину в бывшей каюте отца, стуча зубами от холода, и стал искоса поглядывать на Длинношею, разогревающего грог.

— Хватит возиться! Он уже готов, давай сюда!

Выбивая зубами дробь о край кружки, Дамуг принялся жадно пить. Когда на дне осталось совсем немножко и Острейший почувствовал, что больше в него не лезет, он протянул остатки Длинношею. Тот жадно проглотил их, боясь, что Повелитель передумает.

Сквозь щели в старых досках Дамуг смотрел на павшую духом армию.

— Мы двинемся в глубь материка прямо сейчас. Там непогода не станет трепать нас так, как на берегу. Найдем лес, воду и пищу; разобьем лагерь; наберемся сил и двинемся вперед.

Длинношей суетился вокруг Повелителя, отряхивая мантию и приговаривая:

— Конечно, двинемся... Конечно, не достанет... Наберемся сил, да... И двинемся на запад... мстить той барсучихе за вашего отца...

Шмяк!

Большой лапой Великокрыс схватил ласку за горло и швырнул на старую койку, жалобно скрипнувшую. Потом подскочил и, усевшись на Длинношею сверху, заорал, сопровождая каждое слово ударом:

— Никогда... не упоминать... имени... этой... барсу-
чихи-убийцы... при мне!..

Дамуг был вне себя. Но когда немного выдохся, он
прошипел:

— И даже думать о ней не смей — убью!

Разъяренный Повелитель вышел из каюты, схва-
тил первого попавшегося хорька и заорал на него:

— Быстро бить в барабаны! Мы выступаем на север!

В армии Бродяг было четыре капитана, каждый
из которых командовал сотней солдат. Очень скоро
они выстроились в колонны по пять и пошли маршем
в направлении от берега.

Дамуг шел во главе. Справа и слева маршировали
по шесть крыс, стуча в большие барабаны. Рваные зна-
мена с изображением разнолезвийного меча развева-
лись на ветру. Их древки были украшены хвостами
убитых зверей, а наконечники увенчаны черепами
врагов Бродяг.

Горноста́й Бор и лис Сиг были офицерами Развед-
ки, и у каждого было по сорок солдат. Они шли в
левом фланге в основной колонне.

Бор оглянулся на берег, от которого они отходили
все дальше и дальше, и сказал:

— Все, братан, больше нам не плавать. Не любит
этого новый Острейший.

Сиг прищурился от ветра.

— Что правда, то правда. Я тебе больше скажу —
и Саламандастро́на нам не видать. Дамуг боится не
только кораблей, еще больше он боится Красноо́кой
Крегги.

Бор кивнул и погладил кортик.

— Острейший не должен бояться, а, братан? Ну, я прав, да? Так вот, напугать бы его, как ты считаешь?

Сиг недобро усмехнулся и сплюнул.

— Да, стоит. Как-нибудь ночью, чтобы без подстав, всадить ему кортик по рукоятку, и самим возглавить Бродяг.

Бор мечтательно прикрыл глаза на секунду.

— Вот-вот... Точно... Развернуть всех на юг и править как два короля...

Длинношей плелся, спотыкаясь, в хвосте. Его горло было повязано куском старого пледа. Не так-то легко оказалось быть советником при Острейшем. Он собирался переждать несколько дней, прежде чем снова втираться в доверие, а пока держался подальше от Дамуга.

Чесун и Чихун маршировали как раз перед ним, в последней пятерке одной из колонн. Чесун поймал на себе взгляд Длинношея и подмигнул:

— Ну что... как сегодня, это... настроение у господина?

Длинношей попробовал ответить, но издал только болезненное бульканье.

Чихун насмешливо переспросил у Чесуна:

— Что он сказал? Я не расслышал.

Полусонный Чесун равнодушно помотал головой:

— Что-то типа «буль-буль-буль», я не понял, что это значит.

— Что это значит? Да ты сам говорил бы сейчас то же самое, если б потащил вчерашний тяжеленный штурвал, вот что!

— Кому там известно о вчерашнем тяжеленном штурвале?! — донесся голос толстого горностаия из предыдущей шеренги.

— Да это я вчера пнул один ненужный... Какой штурвал? О чем ты, приятель? Не знаю я никакого штурвала!

Но тут встрепенулся Чесун:

— Точно, Чих, я вспомнил! Вчерашний штурвал! Ты его выбросил и угодил прямо в... Ау-у-у! Чего ты щиплешься!

Ветер дул все утро, а к полудню стало накрапывать. Тогда Дамуг Клык отдал команду барабанщикам:

— А ну-ка выбивайте двойную дробь, чтобы все пошевеливались. Впереди лес.

Разведчиков с Офицерами во главе отправили вперед прочесать окрестности. Место оказалось идеальным для лагеря. Там были и озерцо с большим количеством рыбы, и множество жирных перепелок. Когда перевалило за полдень, армия была уже надежно укрыта от дождя и ветра густой листвой и стволами деревьев. После холодной зимы, проведенной на открытом побережье, это казалось роскошью.

Бор и Сиг уютно устроились под крушиной, натянув старую парусину на склоненные ветви. Потом они развели небольшой костер и принялись жарить сочную перепелку. Длинношей тоже был с ними, но прятался за свесившимися краями парусины, нервно выглядывая время от времени и испуганно следя за снующими туда-сюда Бродягами.

Наконец Бору это надоело, и он стал подшучивать:

— Чего прибился-то, братан? Подумаешь, покушаешь с друзьями!

Но Длинношей лишь пригнул голову, заведя приближающегося капитана.

— Тебе легко говорить, а вот что скажет Дамуг, если узнает, что я прохлаждаюсь, да еще с такой-то парочкой?

— Да брось, ничего он не узнает, если сам не проболтаешься, — ответил Сиг, переворачивая перепелку. — Давай-ка не дрейфы! Подкрепись лучше, это нервишкам помогает... От тебя и требуется-то только одно: скажешь нам, где Острейшество будет почивать да сколько при нем будет охраны, — и ладно.

Бор принялся точить кортик о высокий камень.

— А, да завтра кто захочет знать, с кем ты был, а с кем — не был. Дамугу будет не до тебя, он уже будет папочку аукать в Темном Лесу, ха...

Чихун развел костер и с надеждой смотрел на Чесуна, приближающегося со стороны озера.

— Что-то ты мокро выглядишь. Поймал что-нибудь?

— Почти. Но меня толкнули в воду, — ответил Чесун, устало подсаживаясь к костру и зябко поеживаясь.

— Что значит «почти»? И кто это тебя толкнул, ты и сам-то не доходяга.

— Да тот самый горюстай, помнишь? Толстый, в которого мы штурвалом угодили.

— А, ну тогда понятно... Ладно. А ты вообще ничего не принес?

— Вот только это, — и Чесун извлек из рукава немного водорослей. — Может, сгодится на суп? Витамины все-таки.

Чихун брезгливо скривился:

— Выброси эту гадость, еще чего не хватало...

Но когда Чесун уже отвел лапу, чтобы швырнуть бурые стебли, приятель его остановил:

— Ладно, это лучше, чем ничего. Набери воды в мой шлем и поставь на огонь. Суп из водорослей лучше, чем пустой живот.

Дамуг громко рыгнул и продолжил жадно обсасывать рыбы кости. Вдруг из-за спины донесся шепот:

— Ваше Острейшество!

Великокрыс пригнулся, парализованный страхом.

— Это ты, Грабля? — спросил он тихо.

— Да, это я, — ответил крыс, не вылезая из укрытия. — Длинношей сидит с Бором и Сигом. Из того, что расслышал, я понял, что они сделают вылазку сегодня ночью.

Дамуг Клык улыбнулся и прикрыл глаза.

— Хорошо сработано, Грабля. У меня есть принцип: всегда следи за следящим. Отлично, я успею подготовиться к их приходу. Иди и будь начеку.

В усса Бездома подбросила сухих веток в костер и посмотрела на небо в просвете деревьев. Сегодня утром оно было серым, как грифельная доска.

— Что-то пасмурно... Если пойдем прямо сейчас, на нас сразу же нападут.

Таммо оторвался от горячего мятного чая, который он медленно пил из большой кружки.

— Ты думаешь, враги где-то поблизости? Ты же говорила, что они предпочитают атаковать на открытом пространстве.

— Так-то оно так, да только день сегодня неподходящий для того, чтобы вылезать из-за

стволов на холодный дождь и ветер, когда можно, не дожидаясь, напасть прямо здесь. Сейчас они, должно быть, как раз подкрадываются поближе.

Таммо издал нечленораздельный звук и схватился за кинжал.

— Русса, ты уверена?

Русса подбросила еще веток в огонь.

— Как никогда, приятель, — или я ничего не понимаю в их повадках!

Таммо поразило ее спокойствие.

— Так что ж ты сидишь себе, веточки подкладываешь?! Давай делать что-нибудь! Надо же предпринять... я не знаю... подготовиться, что ли...

Русса спрятала рюкзак за кустами, потом порылась в кошелке и извлекла пращу и мешочек плоских камешков.

— Вот, это тебе. Надеюсь, умешь пользоваться?

Таммо радостно схватил оружие:

— Еще как! Да в Лагере Кочка я был первым в этом деле!

Русса внимательно осмотрела свой посох.

— Ну хорошо. Действовать будем так: я буду падать сверху, ты будешь отражать удары прямо здесь. Пользуйся пращой, не доставай кинжал прежде, чем кто-нибудь из них окажется слишком близко, но тогда уж и не зевай. Все, готовься. Они приближаются, я слышу... О, да их немало! Ладно, будет нам работенка!

Таммо услышал хруст веток и вой.

— Это один из них! Держись!

Таммо быстро обернулся, но Руссы уже не было рядом. Внезапно из-за поваленного дерева вынырнул крыс и пошел на зайчонка. Таммо отреагировал мгновенно.

венно. Он размахнулся пращей и всадил камень прямо в лоб врага. Тот пошатнулся и упал. Зайчонок испытал ужас пополам с облегчением, но разбираться не было времени. Он инстинктивно почувствовал, что в ближайших кустах кто-то есть, размахнулся и запустил туда камнем. Тут же послышался вой — камень угодил кому-то в голову. Таммо немного пробежал вперед и остановился, чтобы зарядить пращу, но тут плечо его сжала когтистая лапа.

— Ага, попался!

Вдруг послышался свист; зверь рухнул. Откуда ни возьмись выскочила Русса и помахала Таммо посохом.

— Нет ничего лучше этого оружия! Держись, Тамм! Их больше, чем я представляла.

Лес ожил от воинственных криков. Мимо уха Таммо просвистела стрела и вонзилась в ствол. А потом они показались из-за деревьев — скопище разъяренных врагов, вооруженных до зубов. Размахивая пращей, Таммо отступил несколько шагов назад, но лишь убедился, что и там враги. Куда бы он ни повернулся, они наступали отовсюду. Откуда-то сверху свалилась Русса и встала рядом с ним. Она недобро улыбалась.

— Ну что, приятель? Должна признаться, на такой прием даже я не рассчитывала. Они окружили нас. Жаль, что первый же твой бой оказался таким страшным и беспощадным. Одно утешает: если мы погибнем вместе, мне не придется идти к Дум с дурной вестью.

Но Таммо не испытывал страха. Его захлестнула волна ярости. Выхватив клинок, он оскалил зубы и размахнулся пращей.

— А ну назад! Если уж суждено погибнуть, зададим-ка им хорошую трепку напоследок! Будут нас помнить, вражье племя! Еу-ла-ли-а!!!

Первые же звери получили достойный отпор. Белка и зайчонок дрались отчаянно-смело. Четыре крысы рухнули тут же, сраженные наповал клинком, пращей и посохом. Но передохнуть не удалось. На Руссу набросился горноста́й, которого она с размаху огрела посохом и ловко подхватила, заслонившись его телом от хорька; тот с разгону нанес удар по товарищу. Таммо запустил камнем в следующего и, резко выбросив клинок вбок, поддел на него крысу, которая хотела подкрасться исподтишка.

Следующим был огромный лис с длинным дротиком, выросший словно из-под земли. Тяжелое железо обрушилось Руссе на голову, оглушив белку и сбив с лап. Таммо как раз перебирался через чье-то тело и оступился. Это было ошибкой. Звери набросились на упавших друзей. Таммо успел сбить еще одного и ранить другого, но тут на него налетело столько врагов, что он уже не успевал отражать удары. Искры посыпались из глаз зайчонка, когда на него плашмя обрушился тяжелый дротик лиса.

Волны боли сменяли одна другую, голова раскалывалась. Таммо хотел обхватить ее лапами, чтобы хоть как-то унять эту боль, но не смог пошевелиться — его связали. Шум, шум... Потом что-то обожгло плечо, еще раз... Таммо медленно открыл глаза и оказался нос к носу с Лентяйкой. Она держала в лапе длинную розгу, которой только что полоснула его.

— Ага, очнулся, голубчик! А то я уж стала бояться, что ты лапы откинул раньше времени. Ну так как, повторим, юный воин?

Несмотря на то что лапы его были туго связаны, Таммо рванул всем телом вперед и резко дернул го-

ловой вверх, поддав затылком Лентяйке прямо в челюсть. Лентяйка звонко клацнула зубами и села.

На смену ей уже летела очередная крыса, размахивая мечом. Она яростно крикнула:

— Да я прикончу его сейчас!

Но тут очнулась Русса и лягнула ее в живот перехваченными жгутом задними лапами. Крыса отлетела назад, врезалась спиной в ствол и медленно сползла на землю. Но тут же вскочила, потирая ушибленное место:

— Ах ты кустохвост! Ну я сейчас всем покажу изнанку твоей шкуры!

Она бросилась на Руссу, нацелив меч на ее горло, но лис преградил дорогу дротиком:

— Нет, пока еще не время, приятель. Я хочу кое-что узнать, прежде чем мы вывернем их наизнанку... Итак, малыш, скажи-ка мне: где вы спрятали такой увесистый рюкзачок с вкусенькой едой?

Таммо посмотрел на дротик, упершийся ему в грудь. Потом поднял голову и улыбнулся, смело и дерзко глядя в глаза мучителю:

— Мы спрятали его в твоей голове, пока ты спал вчера ночью. Места было предостаточно, учитывая то, что она у тебя совершенно пустая, старина!

Лис аж затрясся от злости, но взял себя в лапы.

— Ты только что проиграл хвост своей спутницы, малыш. Я повторю свой вопрос после того, как мы его отрубим. Посмотрим, что ты тогда выдашь, умник. Лентяйка, Гадус, давайте...

Но тут лис замолчал, с удивлением уставившись на пику, неожиданно высунувшуюся из его живота, и рухнул. И в эту же секунду лес потряс оглушительный крик:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!! А ну зададим им, ребята!

И со всех сторон посыпались стрелы, полетели копья и камни. Застигнутые врасплох враги бросились врассыпную. Те, кто туго соображал, рухнули тут же как подкошенные. Донеслись бой барабана и воинственный клич:

— Бегите, злодеи! Еу-ла-ли-а! Еу-ла-ли-а!

Да, злодеям был знаком этот клич — они бросились, куда глаза глядят, преследуемые метательными снарядами.

Таммо извивался всем телом, пытаясь перерезать стянувшие его тело путы о дротик сраженного лиса. Вдруг барабанная дробь раздалась совсем близко, и он увидел приближающегося упитанного зайца. Удивительно, но барабанную дробь выбивал именно он, и без всякого барабана. Он ее выкрикивал!

— Тум-турурум! Тум-турурум! Тум-турурум-тум-тум-тум!

Другой заяц — элегантный, с усами, с длинной саблей на боку — показался из-за деревьев:

— Отлично сработано, капрал Руббадуб. Выношу тебе особую благодарность. А теперь, не будешь ли ты столь любезен и дашь барабанам передохнуть?

Капрал улыбнулся такой теплой улыбкой, что Таммо показалось, на миг выглянуло солнце. А Руббадуб отдал честь и добавил завершающую дробь:

— Ту-ру-ру-ру-рум!!!

— А теперь не двигайтесь, госпожа и джентльмен! — обратился высокий к Таммо и Руссе, и его сабля просвистела в воздухе. В тот же миг веревки, связывающие храбрых друзей, упали.

Русса улыбнулась.

— Капитан Ловкач Ловолап, вы спасли нам жизнь. Высокий заяц поклонился, элегантно шаркнув лапой.

— Всегда к вашим услугам. Хотя, признаться, я уже не капитан, а майор. Вот уж не ожидал встретить вас, Русса Бездома. Сколько уж лет прошло... А что это за приятель с вами, позвольте узнать?

Таммо ответил с не менее учтивым поклоном:

— Тамелло Де Формелло Кочка, господин!

— Вот как! Уж не родственник ли ты полковника Корнсбери Де Формелло Кочки?

— Так точно, господин. Его сын, господин.

— Не может быть! Да ведь я служил под началом твоего отца много сезонов! Я был тогда как раз твой ровесник. О, так получается, ты сын самой Дум!!!

— Имею эту честь, господин.

Майор Ловкач Ловолап обошел Таммо вокруг, разглядывая его и улыбаясь:

— Ну надо же, отпрыск Дум! О, Дум... Самая прекрасная зайчиха из всех, служивших когда-либо в Дозорном Отряде. Я был от нее без ума, я преклонялся перед ней... издалека, конечно. Она была с самим полковником, а я — что был тогда я? — юный солдат... Эх, молодость-молодость!

Он замолчал, прислушиваясь к удалявшимся крикам врагов, затем повернулся к капралу Руббадубу и сказал:

— Зови ребят обратно. Мы выполнили свой долг и спасли хороших зверей.

Все еще широко улыбаясь, Руббадуб двинулся в направлении криков, и барабанная дробь застучала по всему лесу:

— Тум-ттурурум! Тум-ттурурум! Тум-турурум-тум-тум-тум-тум!

Майор Ловкач Ловолап элегантно присел на ствол поваленного бука и пояснил:

— Видите ли, старина Руббадуб получил в бою серьезную черепно-мозговую травму и с тех пор не может разговаривать. Но храбрец, господа, храбрец! Опаснейший зверь для любого недоброжелателя!

Таммо вспомнил строчку из песни, где тоже говорилось про опасность Дозорного Отряда, и вежливо отозвался:

— «Опасный зверь»! Какой еще похвалы может добиться заяц?

Ловкач Ловолап с одобрением взглянул на Таммо.

— Именно так, приятель! Я вижу, ты действительно сын полковника, хотя больше ты напоминаешь мне Дум, и это радует.

Таммо хотел поблагодарить майора, но его неожиданно качнуло, и он еле удержался на лапах. Майор подскочил к нему и, осторожно поддерживая, усадил. Тут он заметил огромную шишку, выросшую у зайчонка на голове.

— Э, да как они разукрасили тебя, приятель! И вас, Русса! А я тут разливаюсь соловьем, ничего не замечая. Извините меня, друзья. Мы сейчас же окажем вам медицинскую помощь. Посидите, сейчас подойдет Валери, она просто волшебница — исцелит кого угодно! И не тревожьтесь больше ни о чем — вы с Дозорным Отрядом!

Несмотря на то что Таммо очень устал и у него кружилась голова, он улыбнулся:

— Ты слышала, Русса? Мы с Дозорным Отрядом!

Когда все зайцы вернулись, Таммо сосчитал их и удивился. Всего одиннадцать, включая майора и Руббадуба! Ловкач Леволап даже рассмеялся, такое забавное выражение мордочки было у зайчонка в этот момент.

— Что, удивлен, приятель? Я понимаю, тебе кажется, нас мало. Но сила Дозорного Отряда не в количестве, а в качестве воинов. Давай-ка я тебя со всеми познакомлю.

Это наш посыльный — скороход Перехлест. Его лапы быстрее ветра.

Это сержант Ястреб, ходячий арсенал. Коллекционирует оружие, особенно холодное.

Это наши неразлучные близнецы Тарри и Торри. Их даже я не могу различить.

Лейтенант Морион, начальник снабжения. Может стащить орех прямо у тебя изо рта, да еще и убедить, что ты только что его съел.

Моя сестра, капитан Молния. У нее дивный голос, но она становится настоящим воином, когда берет в лапы рапиру.

Очаровательная Валери Валериана, наш врач. У нее золотые лапки. Однажды я видел, как она зашивала крыло бабочке.

А вот и Мидж Маскировщик — наш разведчик, мастер по части маскировки и ловушек.

Это Гром Стальная Челюсть, самый большой заяц в северных краях. Держу пари, ты не встречал еще такой махины.

Ну вот и все, остались только я да наш чудной барабанщик Руббадуб.

Руббадуб широко улыбнулся и дважды хлопнул ушами, издав при этом два барабанных «тума» — получилось, будто он произнес их не ртом, а отстукал ушами.

Таммо засмеялся, но тут Русса поманила его, указав на одного из зайцев:

— Тамм, смотри! У него твой кинжал.

Действительно, среди оружия, собранного после боя сержантом Ястребом, Таммо узнал заветный подарок Дум. Зайчонок бросился к нему:

— Простите, господин, но, боюсь, это мое оружие!

Сержант вытащил кинжал Таммо из-за пояса. Покрутив его так и сяк, он с сожалением улыбнулся и протянул его Таммо:

— А я-то надеялся, что он уже ничей. Уж больно хорошо, жаль расставаться. Ну да ладно, забирай. Такое оружие редко встретишь, я бы даже сказал, что оно изготовлено кем-то из Владык-барсуков.

Таммо хотел было надеть перевязь с вновь обретенным кинжалом, но вдруг пошатнулся и сел. Его знобило. Боль в голове стала невыносимой. Высокий угрюмый лейтенант Морион хмуро кивнул Валери Валериане и сказал:

— Понятно. Я разведу костер, а ты пока займись нашим юным другом. Похоже, у него болевой шок. Со мной тоже было такое после первого серьезного сражения.

Валери присела рядом с Таммо и принялась извлекать из походной аптечки лечебные травы и снадобья.

— Ляг на спину, — обратилась она к нему ласково, — вот так, хорошо. Пожуй это, только не глотай. Просто выплюнь, когда почувствуешь, что достаточно. Молодец.

Это оказался кусочек мха, пропитанный мятно-клубничным сиропом и напоминающий фруктовую жвачку. Таммо осторожно жевал и наблюдал за Валери из-под полуприкрытых век. Она сидела у костра, отбрасывающего теплые отсветы, и заваривала какие-то травы. Он успел подумать, что никогда в жизни не встречал еще такого нежного, восхитительного существа, но тут глаза его начали медленно слипаться, и он погрузился в сладкий сон.

Он проснулся ближе к ночи, и аромат еды тут же напомнил ему, что он очень голоден.

Сестра майора Ловкача Леволapa Молния заметила, что Таммо открыл глаза, и весело похлопала по бревну рядом с собой:

— Давай иди сюда и присоединяйся к нам. Как ты, получше? Отлично. Эй, Руббадуб, принеси-ка нашему храброму другу поесть!

Таммо инстинктивно поднял лапу, чтобы ощупать шишку, но лапа была остановлена на лету чьей-то другой, более сильной. Это оказался Гром Стальная Челюсть, который наставительно произнес:

— Э нет, малыш, оставь пока голову в покое. О ней позаботится наш очаровательный доктор. Давай-ка лучше так...

Он легко, как пушинку, подхватил Таммо под лапы и усадил к костру между Молнией и Валери, которая ласково улыбнулась и сказала:

— Надеюсь, тебе уже легче?

Таммо покраснел до кончиков ушей. Впервые в жизни он был смущен и сбит с толку. Он очень, очень хотел поговорить с ней, он хотел ответить что-нибудь хорошее, но язык не слушался.

Его выручил Руббадуб, появившийся с горшочком горячего горохового супа с гренками. Он весело подмигнул Таммо и широко улыбнулся.

— Тили-дзынь! — как будто бы со звоном поставил он горшочек перед зайцем.

— О, да он умеет изображать даже звон тарелок! — удивилась Русса, сидевшая поблизости.

Скорород Перехлест наполнил ее кружку:

— Да, а еще горн, трубу и флейту. Наш Руббадуб — это настоящий оркестр.

Майор Ловкач Ловолап обернулся и шутливо прикрикнул:

— Разорви меня горностаи, вы напоминаете забывчивых невежд, господа! Мы же еще не поприветствовали наших гостей гимном!

Таммо мгновенно оторвался от супа:

— Гимном?!

Мидж Маскировщик тут же вытащил флейту и быстро стал ее настраивать.

— Кхм-кхм, фа, соль... Соль, фа, фа, фа... Кхм-кхм, да... Соль, фа, ля-ля-ля... Я готов. Хор готов? Итак, Таммо, не желаешь ли послушать гимн Дозорного Отряда?

Таммо энергично закивал:

— Желаю, желаю!!!

Мидж Маскировщик вышел на середину, дирижер и аккомпаниатор в одном лице, взмахнул флейтой, и весь маленький лагерь, согретый и освещенный пламенем большого костра, подхватил хорошо знакомый мотив:

Мы сотни миль глотаем пыль
С мечтою о напитке
И под дождем вперед идем,
Хоть вымокли до нитки.
Отряд Дозорный, господа,
Не видит в этом горя.
Он с давних пор несет дозор
На суше и у моря!

И я всегда вас, господа,
Доставляю прямо к цели,
Чтоб до утра мы у костра
Попели и поели!
Да! Хоть куда мы, господа!
Несем исправно службу
И ни за что на золото
Не променяем дружбу!

Руббадуб выбил мощную барабанную дробь, когда гимн был спет, а Таммо и Русса изо всех сил захлопали в ладоши.

Неразлучные близнецы Тарри и Торри крикнули Таммо:

— Теперь твоя очередь! Давай-давай, ты тоже должен спеть нам что-нибудь!

Русса бросила взгляд на испуганного Таммо и хитро улыбнулась Ловкачу Леводапу:

— Да он скорее даст сварить себя заживо, чем запоет в присутствии Валери! Давайте-ка я спою вам «Гимн посоху». Хотя, признаться, обычно я исполняю его, когда поблизости никого нет.

Русса вышла на середину со своим изящным посохом. Сперва она положила его горизонтально на правую лапу и начала медленно вращать, но потом вращение стало быстрее, она перекинула посох на кончик левой лапы, подбросила, перехватила за спиной, ловко обернулась и запела, а посох крутился все быстрее и быстрее, пока не превратился в свистящее колесико, перелетающее из лапы в лапу прямо, под углом и за спиной. Русса проделывала все эти трюки легко, словно они ей ничего не стоили, и продолжала звонко петь:

Не лук со стрелами, не нож,
Не меч и не копье,
Не ятаган и не праща —
Оружие мое.

Но я души не чаю
Вот в этом посошке!
Он чует негодяя —
И сразу по башке!

Мой посошочек, посошок,
Нопгу его с собою —
Врага сотрет он в порошок,
Всегда готов он к бою!

Мой посошок прибьет хорька
И выбьет дурь из ласки,
И потому повсюду я
Гуляю без опаски!

Зайцы собрались вокруг, громко аплодируя. Там-мо изумленно сказал:

— Ну ты даешь, подружка! Это было просто классно!

Русса отвела его в сторонку и прошептала на ухо:

— Ни для кого другого я не стала бы выставлять себя напоказ, эти публичные выступления не по мне. Так что ты теперь мой должник, приятель.

Когда с едой и зрелищами было покончено, майор скомандовал отбой. Все отправились спать, но Русса и Ловкач Ловолап еще долго сидели у костра, тихонько разговаривая.

— Что привело вас в эти края, майор?

— Бродяги и приказ Красноокой Крегги. Это она послала нас сюда. Прошлой зимой у нас было сражение с Гормадом Тунном и его армией. Никогда в жизни, Русса, я не видел такого количества врагов одновременно. Ничего, мы дали им достойный отпор! Потери были огромны и у них, и у нас, но они получили по заслугам, клянусь своей левой лапой. Великая Госпожа сражалась так, будто в нее вселилась стая волков! Бродяги бежали с позором, а мы преследовали их на кораблях до тех пор, пока не загнали в открытое море. То, что осталось от их флота, напоминало жалкие ошметки. Ух, как они выли, уплывая на оставшихся суденышках, как проклинали нас!

Русса не отрываясь смотрела на огонь.

— Они заслужили это, вражье племя.

Майор задумчиво погладил элегантные усы.

— Страшно то, что никто не знает, куда их забросило в конце концов. Всем известно, что Бродяги не ходят в открытое море, они дрейфуют вдоль побережья, нападая то здесь, то там. Так что вряд ли они уплыли далеко и утонули во время шторма. Скорее всего, они где-то поблизости, и это тревожит Красноокую Креггу больше всего. Не могла же огромная армия исчезнуть бесследно! Их больше тысячи, и у Гормада Тунна воинственные сыновья — Дамуг и Бирл. Великая Госпожа подозревает, что они затаились и готовятся к новому наступлению. В Саламандастрон они вряд ли сунутся, но они могут сделать своей мишенью аббатство Рэдволл.

Русса кивнула:

— Понятно. И Крегга послала вас найти их и преградить путь.

— Именно так. Но за всю зиму мы не нашли ни следа, не считая уже знакомой вам шайки. Однако это лишь малая часть армии. Очевидно, они бросили корабли и движутся в глубь побережья, чтобы воссоединиться с остальными. Вот почему мы следили за ними. Жаль, что нам пришлось показаться, но нельзя же было бросить вас и Таммо в беде.

Русса благодарно похлопала майора по левой лапе:

— Спасибо. И не столько за меня, сколько за Таммо. Его жизнь только начинается. Дозорный Отряд — его мечта, он восхищается вами.

Майор опустил глаза, изучая саблю.

— Я это понял. Отец Таммо и мать тоже служили в Дозорном Отряде. Я помню... В жилах Таммо течет горячая кровь. Неудивительно, что он рвется в бой.

Они помолчали. Языки пламени становились все короче, точно засыпая. Наконец Русса прилегла у букового ствола, сказав напоследок:

— Если возьмете Таммо, я тоже присоединюсь к Дозорному Отряду. Я пообещала его матери, что присмотрю за ним. Что вы собирались предпринять дальше?

Майор расстегнул мундир и тоже прилег.

— Ну, для начала поспать остаток ночи, а потом проследить, куда двинется шайка. Если они пойдут на юг, придется их остановить. Нельзя допустить, чтобы они приблизились к аббатству.

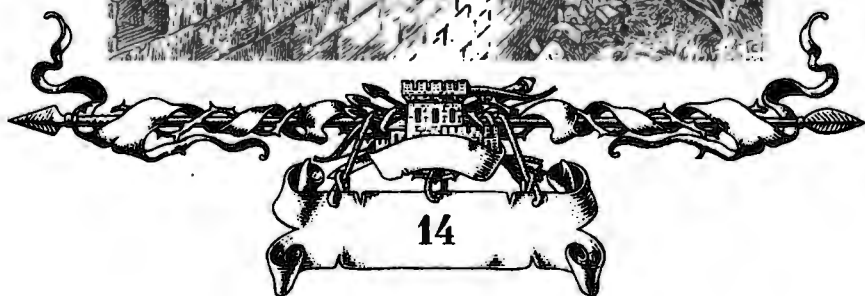
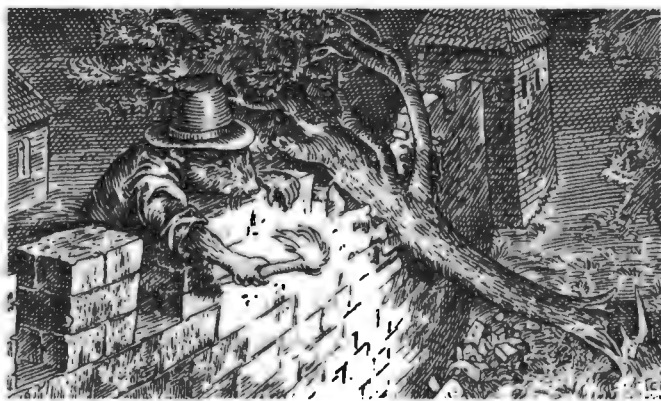
Русса повернулась так, чтобы тепло догорающего костра пригревало спину.

— Это мне подходит. Я как раз собиралась навесить настоятельницу Пижму, да и кухня аббатства навевает на меня приятные воспоминания. Так больше нигде не готовят!

Майор Ловкач Ловолап мечтательно облизнулся:

— Совершенно с тобой согласен.

Арвина разбудил выдра Шэд, Смотритель Ворот. Он был одет и держал в лапах фонарь.

— Поднимайся, Арвин, ты нужен на стене.

Не задавая вопросов, Арвин быстро надел тунику, прихватил плащ, и они с выдрой тихонько выскользнули из спальни, чтобы не разбудить малышей.

Спускаясь по винтовой лестнице на первый этаж, Шэд объяснял:

— Я спал себе спокойно в домике привратника, когда вдруг ко мне постучал командор выдр. «Надо же, я как раз собирался навестить

тебя завтра!» — воскликнул я. А он мне отвечает: «Забавно! Я сам решил прийти к тебе. Не мог уснуть, представляешь? Все мерещилось, что в аббатстве что-то неладно». Я ему говорю: «Ну вот и здорово, ты избавил меня от долгой дороги, дружище. Пойдем, я покажу тебе, что приключилось с южной стеной».

Тут Шэд и Арвин приблизились к дверям и вышли наружу. Поднимался тусклый рассвет. Сильный ветер тут же отнес в сторону конец фразы, холодный дождь брызнул в лицо. Друзья пригнулись, Шэд прикрыл плащом трепещущий огонь фонаря и крикнул:

— Тебе лучше взглянуть самому!

Поплотнее запахнув плащи и с трудом сопротивляясь порывам ветра, они двинулись к южной стене.

Командор с отрядом ждал их на углу южной и западной стен, прячась от ветра за грудой ветвей, листьев и кирпичей. Арвин всем кивнул, сбросил плащ и проворно взобрался на стену. Изо всех сил сопротивляясь бешеному ветру, он взгляделся в предрасветные очертания и наконец увидел.

Со стороны западной стены лес подступал вплотную, но уже ближе к южной стене он изгибался и уходил в сторону, оставляя простор зеленому лугу. У этого-то изгиба и рос старый бук, рос уже очень много сезонов. Но сегодняшняя непогода сломила великана, и он рухнул прямо на южную стену. Со своей высоты Арвин видел то место у основания ствола, где он сломался. Белые разорванные края белели сквозь дождь, словно кости. Дерево пробило в стене брешь, разнеся бойницы, верхние проходы и кирпичные блоки.

Арвин спрыгнул со стены; командор тут же накинул ему на плечи плащ.

— Ну что, дело серьезное? — спросил он.

— Да, весьма, — кивнул Арвин.

Командор указал взмахом лапы на отряд:

— Так или иначе, мы здесь и готовы выполнить любые распоряжения, чтобы помочь. Что мы должны делать?

Арвин с благодарностью похлопал его по спине.

— Спасибо, дружище, и тебе, и твоему отряду. Аббатство держится именно благодаря таким, как вы. Но пока погода не изменится, предпринять ничего нельзя. Так что идемте-ка погреемся у огня и хорошенько позавтракаем.

Суровая морщинистая морда командора растянулась в улыбке:

— С удовольствием!

Матушка Хлопотунья была монахиней в аббатстве. Больше всего на свете пухлая маленькая белка любила готовить. Оглядываясь сейчас на дверь, в которую то и дело заглядывала то одна, то другая мордочка проголодавшихся выдр, она сердито прикрикивала, пряча за строгостью радостное предвкушение того, что сейчас их вкусненько накормит:

— Что вы вьетесь, как стая голодных птиц, вокруг кухни? Никакого покоя от вас!

Командор тоже заглянул в дверь и хитро подмигнул:

— Неплохо бы перекусить!

— Ничего не знаю. Овсянка и чай. Большого не ждите.

Командор распахнул дверь настежь, подлетел к Матушке Хлопотунье, подхватил ее и расцеловал в круглые щеки.

— Овсянка и чай — это для малышей, мое солнце! Как насчет доброго октябрьского эля, хорошей кастрюльки супа из креветок с кореньями и чудесного песочного печенья на десерт? Давай решай, пока я не зацеловал тебя до смерти!

Болтая лапками в воздухе, Хлопотунья шутливо замахнулась на него поварешкой:

— А ну поставь меня, дурачок, а не то отправлю тебя вариться вместе с супом!

Пока белка не видела, Шад стянул тарелку с лепешками у нее за спиной и, посмеиваясь, сказал командору:

— Где твои манеры, приятель? Отпусти несчастную и пойдем в Пещерный зал подождем, пока завтрак будет готов.

Матушка Хлопотунья с улыбкой принялась за стряпню:

— Ишь, чего выдумал! Суп и октябрьский эль ему подавай, да еще и моего печенья в придачу! Каков наглец!

Малыши как раз закончили завтрак и бросились в Пещерный зал к выдрам, которые никогда не отказывались поиграть с ними.

— Капитан, капитан, это же я, Слоечка! Я буду прыгать со стола, а вы меня ловите!

— Хурр-хурр, стойте смирно, господин! Я хочу прокатиться у вас на спине.

— Хи-хи-хи! Мы расскажем Матушке Хлопотунье, что вы стащили ее лепешки!

Выдры весело катались по полу с малышами, смеялись, щекотались и сражались понарошку. В зал вошли Пижма и Краклин, чтобы посмотреть, что за шум. Пижма только покачала головой, глядя на развеселившихся малышей и выдр.

— Даже не знаю, кто из вас шумит больше, вы или малыши, — обратилась она к командору. — Малыши, слезайте со взрослых и дайте нам поговорить.

Все собрались за столом. Кротоначальник Перекоп почесывал голову, изучая пергамент с планом, начерченным Краклин.

— Хм, не могли бы вы еще раз, хурр... растолковать мне, что от нас требуется?

Краклин принялась терпеливо повторять:

— Как я уже сказала, дерево упало на стену и стена частично обвалилась. Но все не так уж плохо. Надо только убрать дерево и продолжить восстановительные работы. Вот как, я думаю, надо поступить: надо достать пилы и топоры и обрубить ветки; потом окончательно отделить ствол от пня и поднять его на подпорки, чтобы он больше не падал. После этого можно будет разобрать кладку под стволом, опустить его на землю и выкатить за территорию аббатства. Понятно?

Перекоп продолжал почесывать голову.

— Хурр... Прпростите, я, видимо, такой дурралей... но мне как-то не очень ясно...

Арвин решительно встал:

— Ничего страшного, Перекоп, проясним по ходу дела. Как там погода?

Хранительница запасов Порция и Фиалка Полевка пошли посмотреть, но быстро вернулись.

— Дождь перестал, хотя ветер по-прежнему очень сильный. Правда, небо к югу светлеет, так что, если ветер поутихнет, день будет хорошим.

Командор залпом осушил кубок октябрьского эля.

— Отлично. Пойдемте достанем топоры и пилы и наточим их как следует. Если распогодится, приступим к работе после обеда.

Все еще озадаченный планом, Кротоначальник Перекоп решил подрйти к решению вопроса с другой стороны. Он собрал кое-кого из своих кротов и сказал:

— Хурр... Вы, Топотун, Толяжун, Вулли, и ты, Тругла, пойдете со мной. Пришло время взглянуть на стену, хурр-хурр...

Командор натачивал пилу, когда заметил, что кроты направились к стене.

— Куда это они? — спросил он у Арвина.

— Мне показалось, Перекопу не очень-то понравился план Краклин. Видимо, они хотят сами разобратся, в чем дело. Ты же знаешь кротов, они не похожи на нас, и иногда это помогает им сделать другие, более верные выводы из увиденного. Так что пусть идут.

Кротоначальник Перекоп опустил на все четыре лапы и пополз вдоль стены, нюхая землю, скобля кирпичи у основания и разрывая почву в разных местах большой сильной лапой. Где-то посередине южной стены он остановился и, указав на кирпич в третьем ряду снизу, сказал Тругле:

— Прямо здесь и проверим...

Остальные кроты с уважением закивали: их начальник сделал правильный выбор. Тругла достала деревянный молоточек и стала постукивать. Перекоп приложил ухо к земле под тем местом в стене, где она стучала, и внимательно слушал, не обращая внимания на ветер и мокрую траву. Когда он расслышал то, что хотел, он подал сигнал Тругле и поднялся.

Топотун с нетерпением спросил:

— Ну что, хурр-хурр? Там что-то есть?

Кротоначальник Перекоп поднял ветку и воткнул ее в том месте, где слушал, приложив ухо к земле.

— Прросто поверрить не могу, хурр-хурр, как я не догадался рраньше... Мы гадали, почему стена ррушится, а ответ был ррядом, хурр-хурр... Здесь, визиу, что-то есть... То ли подвал, то ли пещерра!

Толокун пожал Перекопу лапу:

— Я знал, что вы найдете ответ, хурр-хурр! Что теперь?

Незамысловатая морда Перекопа осветилась счастливой улыбкой.

— Надо бы доррыться до истины!

И двадцать сильных лап принялись рыть землю там, где была воткнута ветка.

Кто, хурр, копает лучше всех подземные топы?

Конечно, мы! Конечно, мы! Конечно, мы, крроты!

Длинношей постарался на славу. Две крысы, охранявшие палатку Дамуга Клыка, спали без задних лап рядом с опустошенными кубками. Коварная ласка предвидел, что одинокие стражи не смогут устоять при виде горячительного напитка в холодную ночь, и напоил их до бесчувствия. Удостоверившись, что парочка не проснется в ближайшее время, Длинношей пробрался к тайному месту встречи с Бором и Сигом.

Бор сжимал-разжимал рукоять кривого кинжала и притопывал от нетерпения:

— Ну что, братан, готово? Берег чист, мы можем двигать, а?

Длинношей кивнул и подумал про себя, что лучше бы он никогда не ввязывался в это дело, не договаривался с этими ненадежными зверями убить Острейшего. Но ответил:

— Да, берег чист, как ты говоришь. Но будьте осторожны, Дамуг спит чутко.

Сиг вытащил клинок и осторожно потрогал лезвие.

— Чутко спит, говоришь? А нам по барабану, потому что ему не суждено проснуться!

Длинношей произвольно дернулся при этих словах.

— Ребята, вы только не забудьте: если что — вы меня не знаете. Я свою работу выполнил, все вам рассказал, дальше — дело ваше. Я тут ни при чем!

Бор резко ударил когтистой лапой, и трус покатылся по земле. Сиг встал над Длинношеем и брезгливо сказал:

— Убирайся отсюда, червяк! Ты тут «при чем» еще как и утешиться можешь только тем, что мы не собираемся проигрывать. Катись, и держи на замке свой трусливый язык, понял?

Дрожжа и спотыкаясь, Длинношей побрел прочь. Лис кивнул в его сторону:

— Надо будет порешить братана. Дамуга предал — и нас предаст. Но сперва нанесем визит Острейшему!

Из-за толстого ствола дерева Дамуг и Грабля наблюдали за тем, как лис с горностаем беззвучно направляются к палатке. Как только тишину ночи пронзил ляг клинков о камень, который Дамуг завернул в одеяло и положил в палатке вместо себя, он по-

дал знак Грабле, и тот громко засвистел в костяной свисток. Тут же из кустов выскочили солдаты, сидевшие в засаде, и ворвались в палатку, окружив Бора и Сига.

Следующий день был по-настоящему весенним — теплым и солнечным. Грабле было позволено помочь Дамугу облачиться в боевые доспехи и плащ без петель; Острейший накинул его на плечо, небрежно приспустив одним концом на землю. Армия выстроилась при полном параде, ожидая Вождя Бродяг; все были вооружены до зубов и готовы выступить в поход. На мордах блестела свежая красная краска. Этот обычай сохранился у Бродяг с давних времен и преследовал две цели: во-первых, угрожающий красный цвет пугал тех, кого они атаковали, а во-вторых, яркая краска бросалась в глаза им самим, давая возможность не убивать друг друга в пылу сражения.

Дамуг поднялся на холм, откуда его было хорошо видно и слышно. Вытянув вперед меч, символ власти, он громко крикнул:

— Бродяги мои! Вы наелись? Вы отдохнули?

— Да, Острейший! — грянуло в ответ.

Дамуг довольно улыбнулся. Наконец-то его армия выглядела угрожающе. Как мало напоминала она сейчас скопище жалких, дрожащих существ, которых он вывел с побережья! Дамуг набрал побольше воздуха и крикнул еще громче:

— Готовы ли вы грабить и убивать во главе со мной, Острейшим Мечом всех Бродяг?

И вновь дружное согласие, от которого закладывало уши, было ему ответом. Дамуг выдержал паузу и приказал:

— Предателей сюда!

Застучал барабан, послышался звон оков, и вот появились они — три сторбленные фигуры, покрытые синяками и царапинами от побоев, прикованные друг к другу за шеи и задние лапы цепями, толкающиеся и спотыкающиеся. Это были Бор, Сиг и Длинношей. Их подтолкнули копьями, и они шмякнулись о землю перед Острейшим, а армия подалась вперед, чтобы расслышать приговор Вождя:

— Пусть эти трое послужат уроком всем, кто считает, будто меня можно обмануть. Они трусы и предатели, но я не приговорю их к смерти. Нет! Я дам им возможность искупить вину передо мной и перед вами, мои Бродяги. В первом же бою они докажут нам свою преданность, выступив первым флангом и сражаясь с врагом вот этими цепями. Цепи будут на них до тех пор, пока смерть не освободит их. А пока я запрещаю снимать с них оковы даже на время сна, равно как кормить их и поить. Чтоб ни один из вас не смел даже разговаривать с этой троицей! Это приказ Дамуга Клыка, Острейшего Меча всех Бродяг!

Предателям было велено поблагодарить его за спасение жизни и поцеловать лапу. Когда с церемонией было покончено, Дамуг произвольно ткнул концом меча в направлении солдат:

— Ты и ты, подойдите сюда.

Чихун подтолкнул локтем медлительного Чесуна:

— Иди, не видишь, что ли, Острейший показывает на тебя, не на меня!

Чесун подошел к основанию холма, на котором стоял Дамуг, и Чихун вздохнул с облегчением: что бы там ни было, отдуваться теперь будет не он. Другим зверем, на которого указал меч, был тот самый

толстый горноста́й, которого Чесун и Чихун так не любили.

Острейший обвел их мечом:

— Назовите мне ваши имена!

— Шашлык, господин. Все зовут меня Шашлыком, — ответил горноста́й.

— А я... а я... Чесун, Ваше Ос... Острейшество!

Дамуг пристально посмотрел на них:

— Шашлык и Чесун, я назначаю вас офицерами разведки вместо Бора и Сига. У каждого из вас будет по сорок солдат в подчинении. Идите с ними на север и докладывайте мне каждые два дня, что ожидает нас впереди.

Чихун был вне себя от злости. Подпрыгивая, он бежал рядом с Чесуном, крича во все горло:

— Это неправда! Лорд Дамуг показал на меня, а не на тебя! Как мог Острейший назначить тебя, скудоумного, офицером разведки! Он меня имел в виду, увалены!

Чесун приосанился и расправил плечи.

— Ты это... потише, приятель. Я никакой не скудоумный, я теперь важный чин, вот... Так что не дразнись больше. Лорд Дамуг указал на меня, ты сам сказал и сам меня подтолкнул.

Чихун побагровел от ярости и завизжал:

— Ничего я тебя не толкал! Я хотел отодвинуть тебя в сторону, чтобы пройти, а ты и не понял, потому что у тебя мозгов совсем нет! Вот я тебе покажу!

Но Чесун, слишком неповоротливый, чтобы драться, лишь выставил вперед лапу, загоразиваясь:

— Ну-у, ты чего! Тебе нельзя теперь меня бить, я — офицер!

Но Чихун упорно шел на него, угрожающе ухмыляясь:

— Да что ты говоришь? Нельзя бить? А кто меня остановит, а, болван?

Чесун схватил бывшего приятеля за шкирку и приподнял.

— Ты, это... зря так сказал. Это плохое слово, кто хочешь обидится... Я знаю, кто тебя остановит. Эй, Шашлык! Вот этот дразнит офицеров и обзывает их!

Толстый горностай подошел и с размаху пнул Чихуна в живот.

— Слушай меня, мусороед, не смей больше обзывать офицеров, если не хочешь съесть собственные слова! А ты, нытик, не давай ему больше дразниться!

Шашлык звонко стукнул крыс лбами друг о друга и ушел, оставив их потирать ушибленные места. Чесун очумело посмотрел на Чихуна.

— Тебе, это... урок впредь, вот... — пробормотал он. Через некоторое время офицеры разведки с отрядами двинулись в путь; огромная армия выступила следом. Били барабаны, печатали шаг Бродяги, и долго еще стояла в воздухе пыль, поднятая тысячами лап всего в трех днях пути от южной границы Страны Цветущих Мхов.

16

Володенькая зайчиха Шишечка ждала на вершине холма на западном побережье, покусывая весенний одуванчик и вглядываясь в движущуюся точку на горизонте. Она знала, что это Альгадор Быстроскок, второй скороход Саламандастроны после своего брата Перехлеста из Дозорного Отряда. Равномерными скачками он то взмывал на вершину дюны, то исчезал внизу и снова появлялся в поле зрения. Зайчиха взмахнула лапкой и разглядела ответное приветствие. Она улыбнулась и села на песок, подставив спину солнцу.

Альгадор перемахнул через последнюю дюну так же резво, как бежал весь день, и опустился на песок рядом с Шишечкой. Его дыхание было ровным, словно он шел размеренным шагом.

— Привет! Так значит, сегодня ты — моя сменщица в дозоре? Хорошо, передаю эстафету в надежные лапы. Ты уже который раз в этом сезоне бежишь, третий?

Шишечка встала, разминаясь:

— В пятый. Сколько ты прочесал, Альджи?

Альгадор широко взмахнул лапой:

— На северо-восток от сих до сих. Никаких следов майора Ловкача Леволаса и никаких признаков Бродяг или других врагов.

Шишечка вглядывалась вдаль, оценивая расстояние.

— Хорошо, Альджи, я сперва побегу по твоим следам, затем поверну на запад и вернусь по берегу.

Альгадор встал и посмотрел на возвышающуюся у линии прибоя гору-крепость Саламандастрон. Светло-бурого цвета, с полосками зеленого леса на скалистых склонах, издалека она была похожа на огромного барсука. На плоской вершине пенился в облаках потухший кратер вулкана.

— Как поживает Красноокая Крегга? Уже выходит? — спросил заяц, кивнув в сторону горы.

— Увы, пока что нет, — ответила Шишечка. — Боюсь, тебе придется рапортовать перед дверью. Госпожа Крегга никого к себе не пускает, когда кует новое оружие. Помнишь, как она лишилась любимого копья?

Альгадор рассмеялся:

— Еще бы не помнить! Такое не забывается! Стоя по горло в воде, она на моих глазах потопила два вражеских корабля, вот это было зрелище! Но когда

ее копые сломалось и ушло под воду вместе с ними, я испугался, что она взорвется от ярости.

Шишечка пустилась в путь, крикнув на прощание:

— Мне пора, а то с тобой проболтаешь весь день и не заметишь!

Альгадор махнул ей лапой на прощание:

— Счастливого пути! И будь осторожнее на берегу, когда побежишь обратно!

Солнце клонилось к закату, придавая морским волнам огненно-медный цвет, когда Альгадор добрался до Саламаидастроны. Не сбавляя темпа, он преодолел ряд длинных коридоров, несколько лестниц и большой зал, словно это были все те же дюны, холмы и равнины. Вверх-вниз, вверх-вниз... Иногда он кивал старым знакомым, иногда звонко отвечал на их приветствия, иногда щурился от лучей заходящего солнца, бьющих сквозь узкие окна в каменных стенах. Наконец он остановился перед тяжелой дубовой дверью, перевел дух и мысленно еще раз повторил рапорт. Потом, расправив плечи, он решительно постучал. Ответа не последовало, хотя он отчетливо слышал, что в кузнице кто-то есть. Альгадор выждал минуту и снова постучал, сопроводив стук громким покашливанием.

Низкий суровый голос разнесся под сводами кузницы и прилегавших помещений:

— Я же сказала — не беспокоить меня! Что вам надо?

Альгадор машинально сглотнул прежде, чем ответить:

— Скорород Девяти Сезонов прибыл с рапортом, сдал дозор на северо-западной границе!

После недолгого молчания кто-то проворчал:

— Входи.

Альгадор вошел в кузницу и осторожно прикрыл за собой дверь. Он был здесь всего во второй раз в жизни. Распахнутое окно с подоконником, вогнутым так, чтобы на нем удобно было сидеть, впускало длинные лучи заходящего солнца. Шершавые каменные стены украшала богатая коллекция оружия: огромные луки, стрелы, остроги, дротики, кинжалы, кортики, сабли и мечи. В центре стояла черненная наковальня, тут же лежали кузнечные мехи, дым от раскаленных углей поднимался через широкий медный дымоход.

Но взгляд Альгадора был прикован к гигантской фигуре с молотом в лапах, возвышающейся над наковальней. Это была Красноокая Крегга, Великая Барсучиха — правительница Саламандастрона.

Ее размеры впечатляли: даже кузнечный молот смотрелся щепкой в огромных лапах. Поверх домотканой туники на ней был надет тяжелый, рубцеватый, весь в заклепках, рабочий передник. Отсвет наковальни придавал ее глазам ярко-красный цвет. Великая Госпожа посмотрела на Альгадора с высоты своего роста, и лапы зайца непроизвольно задрожали — он ощутил себя желудем у подножия дуба. Крегга молча кивнула, и Альгадор, вытянувшись по стойке смирно и не помня себя, отрапортовал:

— В течение двух дней вел наблюдение за северными и восточными землями, пролегающими за дюнами. Следов майора Ловкача Леволапа не обнаружил. Следов врагов также нет. Только следы землероек.

Крегга прислонила молот к горну.

— Ты не говорил с землеройками Партизанского Союза Гуосима?

— Нет, к сожалению, не говорил.

Крегга взяла щипцы, перекинула кусок металла, над которым она трудилась, с наковальни в горнило и раздула мехами огонь.

— Да, обидно, что тебе не удалось поговорить с ними. Лог-а-Лог, их предводитель, мог сообщить нам важные новости. Ну ничего, ты все равно молодец, ступай... Да, и пригласи ко мне полковника Ясноглаза.

— Слушаюсь! — ответил заяц, продолжая стоять по стойке смирно, словно он прирос к полу.

Госпожа Крегга вновь посмотрела на него и неожиданно улыбнулась:

— Простойшь так еще пять минут — корни пустишь! Иди уже — я тебя отпустила.

Альгадор отдал честь и выскочил как пуля. У офицерской столовой он встретил другого зайца с подносом и кружками.

— Добрый вечер, Пушистик. Полковник у себя? Мне нужно передать ему кое-что важное.

Пушистик был, как и Альгадор, молод, весел и очень исполнительен. Он тут же поставил поднос на окно и качнул ухом в сторону кабинета полковника.

— Жди здесь. Я мигом!

Потом распахнул дверь настежь и, прикрыв глаза, что было мочи крикнул:

— К вам Скорород Девяти Сезонов с докладом!

Полковник Ясноглаз был военным до мозга костей. Среднего роста, с головой, посеребренной долгими сезонами, заяц всегда был строг и подтянут и носил простой зеленый мундир. Он оторвался от свитков, которые пристально изучал, склонившись над столом, и тихо сказал, ошетилив усы:

— Я не глухой, молодой человек. Пригласите посетителя.

Альгадор вошел и доложил:

— Полковник, я с поручением от госпожи Крегги. Она хочет видеть вас.

Полковник быстро застегнул верхнюю пуговицу мундира и поднялся.

— Хорошо, я иду.

Он быстрым взглядом окинул докладчика и улыбнулся:

— Так ты уже Скороход Девяти Сезонов? Молодчина. Видимо, тебе пришлось по душе эта работа, а юный Альджи?

— Да, очень! — радостно ответил тот.

Полковник с одобрением похлопал его по плечу.

— Так держать, сынок. Если будешь стараться, то не успеешь оглянуться, как начнешь выполнять поручения Дозорного Отряда вместе с братом.

Ясноглаз быстро удалился, оставив Альгадора сияющим от гордости.

Крегга кивнула полковнику на кресло у окна и налила по бокалу мятно-одуванчикового лимонада. Полковник сидел, медленно потягивая прохладительный напиток; Крегга осушила бокал залпом.

— Да, эта работенка способствует жажде, — улыбнулся полковник.

Крегга сверкнула глазами.

— Не это будет темой нашего разговора, полковник. Я выслушала рапорт Скорохода Девяти Сезонов. Он меня не порадовал. Никаких следов майора Ловкача Леволаса. Никаких следов бродяг. Все слишком тихо! А мой внутренний голос говорит мне, что зреет беда.

Полковник ответил, осторожно выбирая слова:

— Но, простите, у нас нет доказательств. Может, как раз к лучшему, что все тихо? Нет новостей — и ладно...

Полковник осекся, потому что Крегга повернулась с таким видом, что на миг он испугался. Глаза барсучихи метали молнии, она с размаху швырнула бокал в окно и рыкнула во все горло:

— Гормад Тунн и его отродья там! Они замышляют новый поход! Я уверена!!!

Полковник ответил все тем же ровным голосом:

— Тунн с армией мог осесть где угодно — на севере, на юге... Мы можем охранять лишь западные земли и море у Саламандастрона. Не двинемся же мы в поход по всей земле в поисках Бродяг?

Крегга схватила щипцы, запустила их в горнило и, выхватив кусок металла, который она обрабатывала, бросила его на наковальню.

— Полковник, сколько зайцев потребуется для охраны Саламандастрона и его берегов? — спросила она, беря в лапы молот.

— Простите?

Бумм-м-м!

Искры полетели в разные стороны от удара по раскаленному металлу.

— Ответьте на вопрос! Сколько потребуется зайцев и в состоянии ли вы лично возглавить их?

Ясноглаз порывисто встал и отчеканил:

— Половина гарнизона нужна для того, чтобы защитить Саламандастрон. Что же до второго вопроса, то я отвечаю «да». Однако хотелось бы узнать, что Вы имели в виду, задавая его, — мое физическое состояние или мою компетентность?

Барсучиха отбросила молот и подошла к полковнику:

— Друг мой, простите. Я не хотела вас обидеть. Вы — моя правая лапа, и я ничуть не сомневаюсь в вашей компетентности. Я сказала сгоряча. Извините меня.

Когда полковник заговорил, в его голосе звучали отеческие нотки. Он указал тростью на Креггу:

— Всю жизнь я служил верой и правдой, и, будь на вашем месте кто-то другой, он не миновал бы дуэли со мной, каковы бы ни были его рост и репутация, если бы он поставил под сомнение мою компетентность как командира. Но Вас я прощаю, хотя забыть — не забуду. Ваша беда в том, что Вы дали волю ненависти к Гормаду Тунну и его последователям и она пожирает вас. Я прав?

Крегга отвела глаза, вглядываясь в ночное море за окном.

— Да, вы правы, полковник. Я все время думаю о доблестных зайцах, которых мы потеряли в том сражении всего за три дня. И ради чего? Ради того, чтобы шайка во главе с Гормадом Тунном поняла, что Саламандастрой им не по зубам! Чтобы они поняли, что не могут покорить нас, как покорили других несчастных, менее защищенных и слабых! Нет, я не могу этого забыть!. Скоро я закончу новое копье, и, если к тому времени ничего не изменится, я возьму половину наших зверей и отправлюсь в поход. Мы найдем Бродяг и уничтожим! Я хочу, чтобы они исчезли с лица земли как страшный сон.

Полковник молча вышел из кузницы. Если Красноокая Крегга уже приняла решение, ее ничто не собьет с пути.

А в это время внизу, в столовой, Альгадор ужинал вместе с друзьями, такими же молодými зайцами. Пу-

шистик наложил себе огромную плоскую салат и теперь говорил с набитым ртом, благо поблизости не было офицеров:

— Слушайте, а когда бушет новый набор рекрутов в Дозорный Отряд?

Чива бросила в него кусочком овсяной лепешки:

— Папа говорит, в начале лета. Надеюсь найти себя в списках. А первым, я думаю, будет Альджи, правда же?

Альгадор налегал всюю на огромную морковку и ватрушку с зеленью.

— Правда? Да я все соки выжму из майора Ловкача Леволаса, пока он не примет меня! Я мог бы потягаться даже с братом Перехлестом!

Тут столы задрожали и уши заложило от такого звона, что звери повскакивали с мест. Альгадор крикнул полковнику Ясноглазу, проходившему мимо:

— Эй, что это за шум, не знаете? С ума, что ли, кто-то сошел?

— Не знаю! — бодро ответил полковник. — Полагаю, какая-то барсучиха в кузнице. Иди, скажи ей, чтобы прекратила!

Он весело посмотрел на улыбающиеся морды.

— У меня такое чувство, ребята, что вы окажетесь в Дозорном Отряде даже раньше, чем рассчитываете!

При этих словах зайцы завизжали от восторга и запрыгали вокруг столов. Они готовы были к службе хоть сейчас, их глаза сияли — они не боялись того, что ждет их впереди.

Тум-ттурурум! Тум-ттурурум! Тум-ттурурум-тум-тум-тум-тум!
Руса недовольно выглянула из-под плаща, служившего ей одеялом:

— Эй, барабанщик, спрячь-ка на время свой барабан!

Но Руббадуб ее не слышал. Сияя улыбкой, он подошел к сонной белке, поставил перед ней тарелку с завтраком и, нагнувшись, радостно добавил:

— Бумм! Бумм!

Таммо и остальные смеялись, наблюдая за этой сценой, но не забывали и о каше с медом, орешками и сухофруктами.

Сержант Ястреб принялся изображать мамочку, которая будит своего малыша:

— Просыпайся, соня-лежебока! Петушок давно пропел! Пора умываться и садиться за стол!

Мидж Маскировщик стал подпрыгивать как малыш, приговаривая тоненьким голоском:

— Мам, а, мам! Можно, я пойду гулять? Я наберу тебе ромашек!

Сержант продолжил играть роль мамы:

— А ну-ка быстро садись. Позавтракаешь — и пойдешь. А до завтрака я тебя не пускаю!

Обмахнув губы безукоризненно белым платком, майор Ловкач Леволап пристегнул саблю и размял лапы.

— Эй, слушай мою команду! Мы двинемся на юг, осмотрим равнины. Будьте осторожны и смотрите по сторонам. Если враги нас заметят, они могут снова напасть.

Снаряжение было упаковано по рюкзакам, оружие приведено в боевую готовность. Сержант отдавал команды:

— Соб-ббирайсь! Стр-рройсь! Пот-тторавливайсь!

Стрекотали кузнечики, жужжали пчелы, собирая пыльцу с вереска, и ярко светило солнце. Утро было прекрасно. Таммо шел между Руссой и Валери. Белка держала в лапах посох, а зайцы несли по праще. Майор Ловкач Леволап шел впереди всех, переговариваясь на ходу с Перехлестом. Но глаза его внимательно следили за местностью.

— Какие четкие следы! Похоже, вражье племя даже не пытается их замести.

— Похоже, так. Видимо, они что-то задумали. Надо быть осторожнее с той горкой впереди.

Майор нахмурился, глянув в сторону:

— Или вот с этим холмом слева... Ложись!!!

Отряд бросился на землю, и стрела со свистом пролетела над ним. Лейтенант Морион вскочил первым:

— Это один их них, господин! Вон он!

Стрелявшая крыса как раз выскочила из засады и бросилась бежать по направлению к горке. Майор тоже поднялся. Желваки так и заходили на его щеках, когда он заметил, что стрела порвала бархат рукава элегантного зеленого мундира.

— Нет, вы только посмотрите! Ах мерзавец... Срежь его, Гром!

Гром Стальная Челюсть вставил стрелу в лук, наминавший размерами небольшое деревце, и пустил ее в направлении врага. Крыса как раз приостановилась, обрадованная тем, что нет погони, и тоже начала неторопливо вставлять стрелу в лук, но тут же рухнула, сраженная Громом.

Огромный заяц лишь покачал головой:

— Какая глупость с его стороны! Вот если б он продолжал бежать... Смотрите-ка, еще!

Четыре крысы показались в поле зрения и, запустив в зайцев по паре камней, бросились к горке. Наплевав на приказ начальства не наводить Дозорный Отряд на лагерь, крысы бежали к своим. Никто не хотел в плен.

Майор крикнул Молнии и Перехлесту:

— Перережьте им путь! Возьмите хотя бы одного живым! Гром с Миджем — обходи гору, остальные — кругом!

Таммо бросил растерянный взгляд на Руссу:

— Что значит «кругом»?

Сержант Ястреб грубо развернул Таммо:

— Не обсуждать приказы, а исполнять!

Шайка врагов летела на отряд со стороны леса. Таммо и Валери раскрутили пращи. Майор крикнул:

— По моей команде — две пращи, луки и одно копьё! Потом врукопашную! Сейчас замрите и подпустите их поближе!

Таммо почувствовал, что зубы начинают выбивать дробь. Он сжал челюсти изо всех сил, но тогда затряслась голова. Вражьи лица были красного цвета, вымазанные каким-то ярким минеральным красителем. Визжа, рыча и потрясая страшным оружием, они неслись вперед, взрывая землю мощными лапами. Ловкач Леволап выхватил шпагу и бросил почти небрежно:

— Ну что ж, зададим им жару, ребята?

Сперва Таммо промахнулся: перестаравшись, он слишком сильно раскрутил пращу. Вторым броском он попал по лапе горностаю, и тот с воплем выронил дрютик. А затем Таммо почувствовал, что он — часть Дозорного Отряда и они сражаются как одно целое. Воинственный клич грозных зайцев сорвался с его губ, слившись с криками товарищей. Кричали все, даже Русса:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!! Еу-ла-ли-а!!!

И бой начался. Майор тут же сразил наповал пару, бежавшую впереди, — они не успели и глазом моргнуть. Таммо прыгнул вперед и промахнулся; ласка с кортиком сделала обманный выпад, Таммо отпрянул, а враг подставил ему подножку. Заяц упал. Краешком глаза он увидел, как ласка изготовилась и взмыла вверх, тогда он сам быстро перекатился, выставив лапу с кинжалом, и враг приземлился прямо на острие.

Высвободив оружие, Таммо поднялся и обнаружил, что остатки вражеской шайки уносят лапы. Майор Ловкач Леволап бодро шел ему навстречу, вытирая саблю комочком травы.

— Молодчина! Тоже сразил одного, как я вижу?

Таммо не мог смотреть на убитого врага. Голова снова начала трястись. Майор снял мундир и еще раз осмотрел порванный рукав.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Тамм. Но если бы ты не убил его, он убил бы тебя. Вот, — он вытащил кортик из-под ласки и протянул его Таммо, — видишь насечки на этом оружии? Сосчитай.

Таммо насчитал восемнадцать. Майор забрал у него кортик и с отвращением выбросил.

— Эти насечки означают убитых зверей. Но не все звери были такие, как мы с тобой. Маленькие насечки означают стариков и младенцев — тех, кого нетрудно было убивать, потому что они не могли защищаться. Так что не трать сочувствие понапрасну и перестань дрожать как осиновый лист. Лучше улыбнись пошире, как умеют все в вашем роду Де Формелло Кочек. Эй, Руббадуб, созывай ребят к горе!

Руббадуб блеснул ровными белыми зубами и бодро направился к подножию, выбивая общий сбор:

— Тум-турурум! Тум-турурум! Тум-турурум-тум-тум-тум-тум! Бумм!!!

Леволап и Таммо еще с минуту серьезно смотрели друг на друга — и вдруг расхохотались.

Все поднялись на вершину, где сделали привал. Валери перевязала незначительные царапины, полученные в бою. Молния полоснула воздух рапирой:

— Простите, майор, что не смогли взять пленных, но эти звери дрались насмерть, и нам с Перехлестом пришлось отбиваться до последнего.

Майор следил сверху за тем, как остатки вражеского отряда исчезают за горизонтом.

— Ничего, мы можем идти по их следу. Главное, истребить их прежде, чем они доберутся до аббатства... Что ты думаешь о наших врагах, Русса? Неплохо они соображают, а?

Белка кивнула, жуя яблоко:

— Да, они сделали недурной ход... Хитрый... Добрались сюда, оставив четкий след для нас, а затем вернулись и обошли с тыла. Да еще догадались посадить пару стрелков справа и слева, чтобы отвлечь наше внимание.

Гром Стальная Челюсть считал удалявшихся врагов.

— Надо же, их еще достаточно осталось, чтобы навредить. По моим подсчетам, их было около пятидесяти, когда мы впервые столкнулись, а сейчас, если не ошибаюсь, тридцать два.

— Вряд ли это много для нас, одиннадцати, — презрительно фыркнул Перехлест. — Тринадцати даже, если считать Тамма и Руссу. Кстати, тринадцать, кажется, несчастливое число.

— Конечно несчастливое, — откликнулся майор Ловкач Ловолап. — Несчастливое для них, когда они с нами встретятся. Ну что, все готовы, все здоровы, а, Валери?

Красивая зайчиха завязала аптечку:

— Да. У Миджа был порез на щеке, а Торри чуть не лишился кончика уха, но теперь все в порядке, за исключением мундира. Им я займусь вечером.

Близнецы Тарри и Торри немилосердно дразнили Таммо:

— Держу пари, он предпочел бы, чтоб и его ранило, а Валери повозилась бы с ним, обматывая бинтами и промывая раны!

— Я бы на его месте отрезал себе нос, это привлекло бы ее внимание, точно!

— Ага, и она бы сказала: «Ой, какая жалость! Такой был носик! Такой очаровательный свисток!»

Валери подхватила игру. Схватив Торри, она сделала вид, что собирается развязать бинт на его ухе, изображая ярость:

— Эй, что это с твоим ухом? Что-то я слабо его забинтовала! А ну-ка иди сюда, я подтяну потуже!

— Пусти ухо! Ты мне кровь перекрыла! Оу-у-у!

Сержант Ястреб вырос над развеселившейся молодежью:

— Я всем вам уши отрежу и сварю их на обед, если вы сейчас же не соберетесь. А ну встать! Где вы, по-вашему, находитесь — на празднике веселых зайчат? Вперед!

Валери маршировала в одном ряду с Таммо. На повороте она улыбнулась и помахала сержанту. К своему удивлению, Таммо заметил, что и тот улыбнулся в ответ.

«Интересно, он всегда так? — подумал Тамм. — Сейчас кричит, а в следующую минуту уже улыбается?»

— Сержанты все одинаковы, — рассмеялась Валери, словно прочтя его мысли. — Больше угроз, чем наказания. Ястреб — мой любимый сержант, он всегда рядом в трудную минуту.

Встаток дня прошел тихо. Отряд шел по следу врага и к вечеру оказался на берегу большой реки. Майор Ловкач Лволап дал команду остановиться.

Все залегли в зарослях папоротника. Зеленый живописный берег манил к себе, солнце отбрасывало свои последние лучи на прохладную воду, деревья низко склонялись над речной гладью. Таммо удивился, что они прячутся, но тут до него донесся обрывок разговора майора и Молнии:

- Выглядит заманчиво, правда?
- Да уж, идеальное место для засады.

И тут Таммо вспомнил, как он в последний раз купался. Да, друзья правы: надо быть осторожнее.

Майор шепотом отдавал команды:

— Сержант, вы с Валери проверьте местность вниз по берегу. Капитан Молния, пойдти вниз по берегу, возьми кого-нибудь в помощь.

— Возьми меня! — взмолился Таммо тоже шепотом. — Пожалуйста! Дай мне шанс по-настоящему помочь Дозорному Отряду!

Молния не смогла сдержать улыбку при виде такого рвения.

— А ты проворный малый, как я погляжу. Ну что ж, один доброволец стоит десяти солдат, идущих по приказу. Хорошо, Тамм, я беру тебя.

Вынырнув из зарослей папоротника, Молния опустила рапиру и пригнулась.

— Иди за мной, пригибайся и петляй, пользуйся любым укрытием, которое встретится на пути, смотри на меня и повторяй все, что я буду делать. Если отдам приказ, исполняй не раздумывая.

Таммо понравилось учиться мастерству разведки у профессионала. Он послушно пригибался, прячась за холмики, быстро полз на животе, оказавшись на открытом пространстве, и неподвижно замирал, сливаясь с кустарником, по сигналу Молнии. Они осмотрели берег, придерживаясь леса, зигзагообразно петляя и не высываясь. Наконец Молния решила, что можно возвращаться. На какой-то момент Таммо совсем потерял ее из виду, когда она слилась со стволом карликовой яблони, всматриваясь в заросли.

— Как ты это делаешь?! — восторженно прошептал он, когда она снова отделилась от дерева. — Я ду- мал, ты растворилась... Научи и меня так!

— Попроси лучше Миджа Маскировщика, он тебя и не такому научит. Я ему в подметки не гожусь. Ладно, теперь пошли к реке. Вроде бы все тихо, но на всякий случай будь осторожен и держи кинжал наготове.

Они спустились к реке и напились чистой прохладной воды, а потом пошлепали вдоль кромки берега, остужая разгоряченные лапы. Таммо обратил внимание, что в одном месте в реке растет жеруха — вкусная и очень полезная водоросль, и запомнил белый известняк под водой, но останавливаться не стал, послушно следуя за Молнией. Обратный путь оказался легким и приятным, и, когда тени начали вытягиваться, они вернулись к Отряду.

Капитан Молния доложила о результатах разведки:

— Берег чист, а вы, как я вижу, хорошо отдохнули, пока мы с Таммо это выясняли!

Сержант Ястреб и Валери тоже вернулись с хорошими новостями:

— Впереди река сужается, камни выступают на поверхность. Должно быть, враги пересекли ее именно там, мы видели мокрые следы. Можем догнать их к полуночи, если выступим сейчас.

Майор Ловкач Ловолап прищурился на солнце, что-то прикидывая.

— Думаю, разобьем лагерь, сержант. Нет смысла гнаться прямо сейчас. Выступим завтра на рассвете и догоним врагов к полудню. Привал!

Мошкара кружилась над водой, жарко полыхал костер. Таммо и Русса открыли рюкзаки, и белка выложила оставшиеся блинчики:

— Их надо подогреть и съесть. Угощайтесь!

Гром Стальная Челюсть свернул блинчик конвертиком, нацепил на прутик и поднял над огнем:

— Эй, Руббадуб, как там поживает суп?

Капрал Руббадуб попробовал то, что было в котелке, и поморщился:

— Брррр-бн-бн-фффф!!!

Лейтенант Морион удивленно поднял бровь:

— Неужели так плохо?.. И что, ничего нельзя добавить?

Таммо вскочил и подмигнул:

— Я знаю, что делать, я видел жеруху неподалеку. Подождите — всех накормлю!

Сначала ему было немного страшно одному в сгущающихся сумерках, но он все же быстро мчался вверх по реке. Раз ему послышался какой-то шорох, он остановился, но шорох не повторился, и Таммо решил, что это просто журчит вода.

— Давай не трусь! — сказал он сам себе вслух. — Нечего вести себя, как пугливый зайчонок!

Наконец показалось то место, которое он запомнил днем. В темноте известняк белел под водой холодным бликом. Таммо зашел в воду и принялся быстро срезать жеруху, работая острым кинжалом. Набрал полную охапку, он вылез на берег и, воткнув кинжал в ствол, попытался связать водоросли в пучок.

Четыре темных силуэта отделились от ветвей и беззвучно упали на плечи Таммо, повалив его на землю. Прежде чем он собрался с силой, ему на шею набросили петлю и туго затянули, а потом быстро скрутили лапы. Задыхаясь, Таммо даже не мог крикнуть, чтобы позвать на помощь. Он попробовал было пнуть одно из жутких привидений, но тут же получил сильный удар в живот, и, пока жадно хватал ртом воздух, его быстро

впихнули в люльку из сплетенных ветвей и словно на крыльях подняли вверх, в глубь листвы. Там ему заткнули рот кляпом и слегка ослабили петлю.

Таммо открыл глаза и быстро закрыл их снова: вокруг были жуткие черно-зеленые морды, да так много, что ему показалось, на свете ничего не осталось, кроме этих отвратительных морд!

— Ужо пошевелись-сь-сь, ужо пошевелись-сь-сь! Хорош-ш-ший шверь, тих-х-хо лежишь-шь-шь! Пошевелишь-шь-шься — и мы тебя ш-ш-шъедем!

Чья-то лапа подняла Таммо за ухо, и послышался сиплый голос:

— Сь-сь-сьсьсь, пош-ш-шморите! Теперь он наш-ш-шшш! Теперь он наш-ш-шшш!

В нем, когда распогодилось, аббатство забурлило. Вооружившись топорами, пилами и секаторами, рэдловльцы принялись за дерево, рухнувшее на и без того осыпавшуюся южную стену. Арвин и Шэд, Смотритель Ворот, двуручной пилой взялись пилить самую толстую ветку.

Фиалка Полевка, медсестра, стояла неподалеку с аптечкой на случай каких-либо повреждений, потому что настоятельница Пижма разрешила всем от мала до велика участвовать в распиливании и подъеме бука.

— Мне кажется, так будет лучше, — сказала она, советуясь с Краклин, — все будут дружно делать одно дело.

— Не знаю, — ответила Краклин, — по-моему, нужно как-то иначе все организовать. Смотрите! Слоечка и Губби стучат топориками по ветке, на которой сидят Вот глупыши!

— Ничего страшного, у них все равно силенок не хватит, чтобы ее разрубить, — улыбнулась Пижма.

Но Краклин взволнованно указала лапой на дерево:

— Но выше, на той же ветке, видите? Это брат Трудолюб и сестра Горошина! И они сейчас сплят эту ветку... спилили... Ой!

Ветка с треском надломилась и упала, Трудолюб и Горошина отскочили в сторону с радостными возгласами, а малыши полетели вниз.

Командор отбросил топор, подскочил к ветке и уже у самой земли подхватил Слоечку и Губби на сильные лапы:

— Оп-па! Поймал!

Командор сел, потирая голову:

— Ах вы, шалуны! Смотрите в следующий раз, где можно махать топориками, а где нельзя.

Тут подоспела Фиалка Полевка с аптечкой:

— Я так и знала, я так и знала, что кто-нибудь пострадает! Ну-ка идемте отсюда, проказники. А вы, командор! Как не стыдно — валяться с малышами, словно вы годоводки, — суетилась она. — Ну-ка, вылезайте!

Фиалка подхватила Слоечку, но мышка, все еще державшая в лапках игрушечный топорик, случайно стукнула медсестру по голове. Фиалка пошатну-

лась и села. Набежали другие малыши, и командор, покатываясь со смеху, направил их энергию в нужное русло:

— Эй, друзья мои, вот перед вами сестра Фиалка Полевка. Она очень тяжело ранена. Ее надо срочно перевязать!

Малыши, смекнув, что им разрешено пошалить, не заставили себя долго ждать. Фиалка не успела и глазом моргнуть, как ей залили голову тягучей мазью и забинтовали с ног до головы так, что она не могла пошевелиться. Пижма и Краклин вынуждены были убежать подальше, потому что не могли сдержать громкий смех.

Настоятельница заметила Матушку Хлопотунью и подозвала ее.

— Пожалуйста, позови хранительницу запасов Порцию и накройте стол прямо на лужайке. Сегодня у нас достаточно веток для костра, можно приготовить ореховое рагу и маленькие пирожки с зеленью. А мы с Краклин поможем. Да-да, мы приготовим яблоки с медом и кленовым сиропом! Кстати, не осталось ли у нас в погребе клубничной шипучки? Она очень подняла бы настроение нашим работягам!

Мягко переваливаясь с лапы на лапу, Хлопотунья заспешила за Порцией.

— И чего им понадобилось есть на улице? — ворчала белка. — Как я буду готовить без печки? И на сколько зверей готовить — кто их сейчас разберет? Идем, Порция, посмотрим, что тут можно сделать.

Когда они проходили мимо забинтованной Фиалки, хранительница запасов неодобрительно покачала головой:

— Однако, сестра, негоже это... Что ж это ты представляешь себя на посмешище, играя с малышами, как маленькая? Видела бы ты себя со стороны!

Командор и его команда вместе с Арвином и другими обитателями Рэдволла работали дружно и слаженно. Срубая, отпиливая и обтесывая ветки, они на ходу сочинили песню и теперь дружно ее пели:

Корни пустит семя,
Дайте только время,
А потом пойдут ростки,
Ствол, и ветки, и листки.
И, приняв свое лицо,
Вырастает деревцо.
Чтоб не мерзнуть поутру,
Одевается в кору.
Украшают нам сады
Их цветы и их плоды.
Утешает в знойный день
Их спасительная тень.
А еще, когда зимой
С холода придем домой
После трудового дня,
Лапы греем у огня.

Но не успели они закончить последний куплет, как откуда-то снизу, из-под ветвей, донесся голос:

— Не понимаю, зачем было рубить дерево.

Командор с удивлением посмотрел на Арвина:

— Это ты сказал?

— Нет, я думал, это ты.

Голос повторил, на этот раз раздраженно:

— Я говорю, незачем было рубить дерево. Я не могу выбраться отсюда!

Командор бросился разгребать лапами листву:

— Мне кажется, где-то там находится птица-сова. Возмущенный голос донесся снова:

— Послушай, я же не называю тебя выдра-зверь? Не называю. Вот и ты, будь любезен, запомни, я — сова. Повтори: со-ва!

Командор передернул плечами:

— Хорошо: со-ва.

— Спасибо большое. А теперь, может быть, вместо того чтобы болтать там с друзьями, вы вытащите меня отсюда?

В глубине листвы оказалась старая ветка с дуплом, в котором и находилась обладательница недовольного голоса. Это была небольшая сова, из тех, которых называют карликовыми. У нее были широкие серые брови и огромные желтые глаза, которые смотрели на всех с неодобрением.

Арвин взобрался по ветке и любезно приветствовал сову:

— Добрый день. Извините, конечно, но это не мы срубили ваше дерево. Его сломал ураган.

Сова обиженно крутила головой из стороны в сторону:

— Не знаю, не знаю. Мне все равно, кто в этом виноват. Я сидела себе спокойно на яйцах, Таунок полетел собирать жуков, и вдруг весь мир рухнул, я потеряла сознание! Только сейчас и пришла в себя от вашего пения и стука!

Командор виновато опустил топор:

— Но сейчас вы в порядке?

Сова хоть и была карликовой, но, нахохлившись и придвинувшись к свету, заслонила собой все дупло:

— И это вы называете «в порядке»? Да вы посмотрите на меня — заперта в этом перевернутом дупле, чуть ли не вниз головой, едва удерживаясь одним крылом и удерживая яйца другим, чтобы только они не вывалились и не разбились, — и это вы называете «в порядке»?!

Тут подоспели Пижма и Краклин.

— Ах, бедная птица! Целых три яйца без птенцов, а дом — родное гнездо! — уничтожен... Подождите минутку, сейчас мы вам поможем.

— Фиалка, сюда! Арвин, командор, держите эту ветку. Не двигайтесь, дорогая, сейчас мы вытащим и вас, и ваших будущих деток.

Все бросились на помощь и очень осторожно извлекли птицу и яйца из гнезда. Сову звали Орокка. Ее отнесли к костру, а яйца бережно уложили рядом на мягких одеялах. Орокка была хоть и маленькой, но сильной и строгой. Она оправила перья и чинно уселась на яйца, недовольно поглядывая на обступивших ее зверей большими глазами, в которых сейчас отражались языки пламени.

Матушка Хлопотунья принесла ей каленых орешков, засахаренных фруктов и клубничной шипучки.

— Вам надо есть побольше сладкого, дорогая, чтобы оправиться после такого тяжелого потрясения, — приговаривала она, расставляя перед Ороккой угощения.

Когда сова принялась поглощать сладкое, к ней попробовала приблизиться Фиалка с мазью и бинтами, но Орокка так глянула на нее, что медсестра поспешно отошла в сторону и спряталась за спину командора, только оттуда осторожно спросив:

— А когда вылупятся совята?

Последовал сухой и лаконичный ответ:

— Когда захотят, тогда и вылупятся.

К костру подошел Кротоначальник Перекоп с командой и радостно хлопнул большими лапами:

— Хурр, вы только посмотрите, сколько тут вкуснятины! Вы не возражаете, если я и мои приголовавшие ребята присоединимся к вашему пирру?

Ко всеобщему изумлению, Орокка приветливо улыбнулась и кивнула кротам:

— Конечно-конечно, присаживайтесь. Я люблю кротов — они не тратят слов по пустякам и не задают глупых вопросов, в отличие от некоторых.

Кроты сели и стали накладывать себе еду. Арвин ошарашенно спросил:

— В чем твой секрет, Перекоп? С нами она вообще не хотела говорить!

Простая морда Предводителя растянулась в улыбке.

— Уу, хурр-хурр, это все мое обаяние.

Стараясь сохранить серьезное выражение, Арвин сел рядом с Перекопом.

— А, ну тогда понятно. Кстати, кроме того, что ты нашел себя обаятельным, многоуважаемый Перекоп, нашел ли ты еще что-нибудь?

Крот налил себе шипучки.

— Мы ррыли... И кое-что наррыли!

Позже вечером Арвин заглянул в спальню, где Пижма и Матушка Хлопотунья укладывали малышей. Он замер в дверях, вспоминая то время, когда и он был маленьким, глядя на то, как, лежа в кроватках, крошки повторяют за Пижмой старое-престарое стихотворение. Когда-то и Арвину читала его перед

сном Аума, старая барсучиха, но это было так давно... Он мысленно стал повторять вместе с малышами:

Затухает небосвод,
Ночь на цыпочках идет.
Пчелы в ульях, и, полна,
Светит на небе луна.

Над покоем сонных гнезд
Блещут сонмы ясных звезд.
Нашим глазкам спать пора
До рассвета, до утра.
Сны придут в ночной тиши —
Тихо спите, малыши.

Хлопотунья осталась с засыпающими и сладко позевывающими малышами, а Пижма тихонько выскользнула за дверь, к Арвину. Вместе они спустились по лестнице и вышли на воздух, пронизанный вечерними весенними запахами. Только тогда Арвин объяснил, зачем он пришел:

— Перекоп и кроты нашли то место, с которого началось осыпание южной стены. А сегодня, пока мы занимались деревом, они прорыли туннель под стену. Пойдемте, он обещал показать, что они там обнаружили.

Перекоп и кроты с зажженными фонарями ждали у входа в шахту. Предводитель приветствовал настоятельницу поклоном.

— Добрый вечерр. Мы нашли кое-что... Хурр, я полагаю, Вам надо посмотрреть. Я пойду вперре-ди, потом Вы, а за Вами — мои рребята. Дерржитесь кррепче...

Вдоль стен шахты кроты предусмотрительно натянули веревки, так что получилось что-то наподобие

ВОЕННЫЙ СБОР

**КНИГА
ВТОРАЯ**

И Шашлык, ни Чесун не представляли себе, что такое разведка. Их внезапное возведение в ранг офицеров было встречено солдатами с недовольством и пренебрежением. Весь день они шли на север, причем ни один из восьмидесяти подчиненных не выполнял их команд. Бродяги-разведчики отбегали в сторону, когда им хотелось, и вообще делали все, что взбредет в голову.

Толстый зловредный горноста́й Шашлык совсем затюкал и запугал Чесуна. Он использовал любую возможность, чтобы поиздеваться над собратом-офицером. Чесун подхалимничал и вы-

служивался, как плохой лакей при грозном хозяине.

Около полудня они подошли к горке, сбегаящей к широкому ручью. Шашлык тут же на глазок оценил положение:

— Ага, это нам подойдет для лагеря. Вода есть, место есть. Что еще надо Дамугу?

Чесун несмело возразил:

— Да вроде это... не хватает укрытия. Что если пойдет дождь?

Шашлык смазал ему по уху:

— Если пойдет дождь, болван, все промокнут — вот что! Ты же не предлагаешь строить уютные домики, э?

Чесун с минуту подумал.

— Ну, для этого понадобился бы лес... И даже если бы он был, то кто потащит бревна?.. Ау-у-у!

Он отлетел в сторону, получив хороший пинок. Шашлык свирепо смотрел на него:

— Если заставить тебя питаться собственными мозгами, ты умрешь с голоду!

Их прервал взлетевший на горку горностаф, тяжело переводящий дыхание. Он отсалютовал и доложил скороговоркой, указав на дальний изгиб ручья:

— Впереди лодки, господин. В них мыши, господин. Воинственного вида, господин.

Шашлык напыжился.

— Ага, вот ты как заговорил... Сразу «господин», стойка смирно... Вспомнил, кто здесь офицер, как только страшно стало! Ладно, сколько их?

Чесун старался изо всех сил вести себя, как положено офицеру. Он повторил, в точности копируя Шашлыка:

— Вот-вот, скажи нам, сколько их?

Но Шашлык так глянул на него, что крыса замолчала. Офицер повернулся к солдату:

— Иди сосчитай и доложи потом мне. Собери остальных. Встречаемся внизу. И пошевеливайся!

Оба офицера залегли в ложбине неподалеку от берега и молча следили за лодками, выплывающими из-за поворота. Их было шесть, каждая была выдолблена из большого древесного ствола, с двумя рядами весел, за которыми сидели небольшие зверьки с жесткой, топорщащейся шерсткой. У каждого из них была яркая повязка на голове, каждый носил килт с широким поясом, на котором висела небольшая шпага. Остальные сидели на носу и на корме на мешках с провиантом. Зверьки производили впечатление вспыльчивых и раздражительных, они кричали и спорили друг с другом. Только тот, который был постарше и покрупнее, оставался невозмутим, стоя на носу первой лодки и осматривая реку. Всего зверьков было около семидесяти.

Шашлык потер лапы. Злобно ухмыляясь, он обернулся и увидел, что к ним направляются еще тридцать Бродяг. Что ж, ему вполне хватит этого, чтобы расправиться с какой-то мелюзгой. Он показал кулак Чесуну:

— Слушай мою команду! Всё проще пареной репы. Ты останешься здесь, а я пойду выбью дух из этих мышей. Будь готов броситься ко мне по первому зову, болван!

Неторопливо, с самодовольной ухмылкой он направился к берегу и крикнул тому, что был постарше:

— Эй ты! Скажи своим — толкать лодки сюда! Хочу посмотреть, что у вас там в мешках. И поторапливайся, если хочешь остаться в живых!

Взгляд у небольшого зверька был такой, что в пору гиганту испугаться. Он поднял лапу, весла опустились. Отгалкиваясь длинным шестом, он развернул лодку и подождал, пока она подойдет к берегу, а потом, пользуясь тем же шестом, перелетел на сушу.

Держа одну лапу на эфесе, а другую заткнув за пояс, он смерил горностаю взглядом. Потом заговорил, и голос его оказался глубоким и хриплым:

— Теперь слушай ты меня, болотная жаба. Я сам разберусь, что мне делать, а что — нет. Ты мне не указ. И то, что у нас в мешках, — не твое склизкое дело, так что проваливай.

Шашлык онемел от такой дерзости. Надувшись от гнева, он тяжело опустил лапу на шашку:

— Да ты хоть знаешь, с кем говоришь, малявка? Я — офицер Разведки огромной армии Бродяг самого Дамуга Клыка!

Но «малявка», казалось, нисколько не удивился, только спокойно вытащил шпагу и ответил:

— Тогда прочисти уши, важный, и слушай еще раз: я не знаю ни тебя, ни твоего Дамуга-как-его-там, и мне нет до вас никакого дела. Меня зовут Лог-а-Лог, и я командир Гуосима — Партизанского Союза землероек. Так что если ты все еще хочешь сразиться со мной, — вперед!

Шашлык выхватил саблю и с рычанием бросился на Лог-а-Лога.

К Чесуну, сидевшему в засаде, подполз один из солдат-Бродяг и потянул его за пояс:

— Раз уж на то пошло, мы тоже должны атаковать, а?

Но Чесун только с усилием отцепил его лапу от пояса:

— Н-нет, повременим, надо посмотреть, чем у них кончится.

Лог-а-Лог подождал, пока горноста́й подлетел к нему почти вплотную, и, сделав небольшой шаг в сторону, подставил Шашлыку подножку. Тот упал, хлестко получив шпагой по спине.

Командир землероек обошел его, насмешливо прикрикнув:

— Вставай, слизьяк, я лежачих не убиваю!

С перекошенным от злости лицом Шашлык вскочил и начал изо всей силы размахивать шашкой, бросаясь на Лог-а-Лога. Но каждый раз, когда шашка опускалась, проворный зверек оказывался то сбоку, то за спиной у горноста́я. Землеройки спокойно сидели в лодках, наблюдая, как их ловкий командир выставляет на смех большого врага.

Иногда Лог-а-Лог отражал тяжелые удары шашки легким взмахом шпаги, продолжая дразнить горноста́я:

— Плохи же дела у твоего Дамуга, раз он так отвратительно тренирует своих офицеров! Ну же, сосредоточься, покажи, на что ты способен!

Пуская слюни и тяжело дыша, Шашлык бросился напролом, держа шашку двумя лапами. Лезвие врезалось в камень, горноста́й пошатнулся и рыгнул. Потом, слегка опомнившись, он снова развернулся в сторону Лог-а-Лога и изо всей силы плюнул:

— Я выпотрошу тебя, как лягушку, и сошью из тебя рюкзак!

Лог-а-Лог смахнул слюну с яркой повязки, и глаза его угрожающе сверкнули.

— Ни один, плюнувший на меня, еще не выжил. Я мог проткнуть тебя уже десять раз. Здесь! Здесь! Или здесь!

Кружа вокруг опалевшего горноста, он каждый раз подтверждал слова уколом шпаги. Наконец, оставившись, он еще раз посмотрел на врага, брезгливо поморщился и пошел прочь, бросив на прощание: — Убирайся и не попадайся мне больше! Ты опозорен на всю жизнь!

Высоко подняв пашку, Шашлык бросился на незащищенного Лог-а-Лога со спины. Еще бы секунда... но в самый последний момент зверек быстро обернулся и сделал резкий выпад, пронзив горноста насквозь. Последнее, что услышал Шашлык, было:

— Ни чести, ни ума... Ни жизни.

У КОМПО

ВЫ

ВЕЛОМ

Дем же вечером, как только барабанный бой стих, Дамуг сел на один из барабанов и посмотрел на равнину с горки. Напротив него выстроились остатки разведотряда во главе с Чесуном.

Острейший вновь покачал головой, не веря ни единому слову провинившихся.

— Так вы утверждаете, там было триста землероек на двадцати огромных лодках?

Чесун энергично закивал — его жизнь зависела от этого. Остальные тоже закивали, слегка птясь.

— Я все как-то в толк не возьму, — продолжал Дамуг. — Вы говорите, они окружили вас, убили тридцать солдат и офицера, а потом бесследно исчезли?

В ответ и без того низко опущенные головы снова закивали.

— И ни один, ни один из землероек не был ни убит, ни взят в плен?

Опять молчаливое подтверждение.

Великокрыс прикрыл глаза и потер виски. Он устал. Вот уже в четвертый раз он пытался вывести их на чистую воду, но они упорно придерживались первоначальной версии. Он обернулся на мертвые тела, валяющиеся в ручье и на берегу, — тупые создания, позволившие себя убить так легко.

Вновь переведя взгляд на живых во главе с Чесуном, он устало вздохнул.

— Триста землероек, двадцать лодок, да? Ну что ж, помяните мое слово, я еще докопаюсь до правды, и, если она окажется такой, как я думаю, вы будете молить меня прикончить вас поскорее! Ясно?

Разведчики задрожали, но не проронили ни звука.

Дамуг указал на убитых.

— Выройте яму глубиной в двадцать мечей, а когда похороните этих, войдете в реку и будете всю ночь стоять по горло в воде. Ни пить ни есть без моего разрешения! Грабля, отряди двух офицеров присматривать за ними.

Остатки костров догорали, отбрасывая последние отблески света на долину и реку. Звезды зажглись на безлунном небе, подул легкий ветер.

Сиг скрипнул зубами — напильник задел по шее.

— Не дергайся! — прошипел Бор ему в ухо, продолжая работать над цепью, приковывающей их друг к другу. — Уже немного осталось.

Длинношей был уже освобожден, это именно он сумел раздобыть напильник. Он с опаской прошептал:

— Надо бы скорей, времени мало.

Бор надавил на ошейник обеими лапами — цепи звякнули и упали. Лис потер шею, сверкнув глазами в темноте.

— Закрой свою трусливую пасть, ласка! Давайте пошевеливайтесь! К рассвету надо пересечь ручей и уйти подальше.

Хватаясь за камни в середине ручья, Чесун и сорок разведчиков изо всех сил боролись за то, чтобы удержать головы над водой, отплеываясь и ругаясь. Холод сковывал лапы, течение пыталось увлечь за собой. Некоторые послабее уже утонули под тяжестью тех, кто пытался опереться на них, сражаясь за собственную шкуру.

Два надзирателя сидели у костра и клевали носом.

— Вы только посмотрите на них: сидят греются, похрапывают, а мы тут замерзаем и тонем. Это несправедливо! — сказал, сжав клацающие от холода зубы, один хорек.

Цепляясь за скользкий камень и выплевывая воду, Чесун ответил:

— Уфф-ффрр... Может, это... хоть под утро пустят нас на берег, а?

— Кого ты хочешь обмануть, браток, себя или нас? Думаешь, кто-то доживет до завтра? Да мы все тут приговорены! — ответила ему другая окоченевшая крыса.

Надзирателям не суждено было увидеть рассвет. Они только дернулись и тихо опали, когда цепи Бора и Сига затянулись вокруг их шей. Потом беглецы забрали их одежду и оружие, Бор схватил моток веревки и направился к тому месту, где замерзали в воде остатки отряда разведчиков. Прикрепив веревку одним концом к острому выступу, он крепко сжал ее и зашептал, переходя реку вброд:

— Вы знаете меня и Сига — мы бывшие офицеры. Мы уходим, и, если кто-то хочет уйти с нами, присоединяйтесь. Дамуг — уже не тот Острейший, каким был его отец, и нам с ним делать нечего!

Бор и Сиг осторожно двинулись вперед с веревкой в лапах; один из стоявших в воде сказал, цепляясь за веревку:

— Я с ними! И всем вам, ребята, советую поступить так же. Дамуг Клык относится к нам хуже, чем к врагам. Веди, Бор!

Раздался одобрительный шорох голосов, но Сиг велел замолчать.

— Я перейду на тот берег и закреплю веревку. По ней вы сможете подняться и выбраться из воды. Но все надо делать очень быстро, у нас мало времени!

Один за другим звери перешли реку и выбрались на противоположный берег. Последним шел Длинношей, но, когда очередь дошла до него, Бор оттолкнул его в сторону:

— А ты-то куда собрался, узконос?

Ласка даже взвизгнул от удивления:

— Да как же?! Это же часть плана — мы сматываемся все вместе, братан!

Бор хищно оскалился, оглядываясь по сторонам, — бежать ласке было некуда.

— Никакой я тебе не братан. А план я только что изменил: нам не нужны трусы и предатели, поэтому ты остаешься здесь.

С этими словами Бор размахнулся цепью, и, прежде чем Длинношей успел возразить, его тело безжизненно упало в реку.

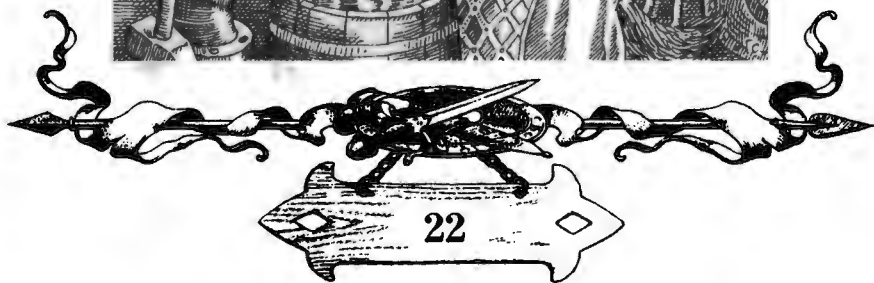
Стоящий рядом Чесун был поражен жестокостью Бора.

— Эээ! Ты зачем это сделал? Он же был одним из нас!

Бор не собирался спорить. На берегу остались только он и Чесун. Он снова размахнулся цепью, и Чесун повалился на влажные камни.

— Прости, — усмехнулся Бор, — но если ты не с нами — ты против нас.

Вымясь и шипя, огромный раскаленный кусок железа опустился в чан с холодной водой. Красноокая Крегга подождала, пока он окончательно остынет и затвердеет. Потом медленно и осторожно она извлекла его на свет. Это было необычное оружие в форме пики, боевого топора и крюка одновременно, с большим острым наконечником наверху и широким тяжелым обухом сбоку. Обух был с толстой ножкой, но сужался к краю, верхняя часть которого переходила в острый крюк. Настоящая алебарда вместе с топором-крюком — оружие, которое называется «бердыш».

Барсучиха повернула его так и эдак, поднимая, опуская и взвешивая в лапах. Потом, удовлетворенная полученным результатом, она перешла к следующему этапу. Теперь оружие надо было вновь закалить и сделать острым. Но не заточить, а выковать, да так, чтобы ни один из элементов не сломался и не сточился, налетев на камень.

Она разогнулась, только когда услышала настойчивый стук в дверь, а следом голос Шишечки:

— Скороход Десяти Сезонов явился, чтобы доложить о результатах патрулирования западного берега!

Крегга ждала этого два дня. Она крикнула:

— Ну так не стой там, входи, входи!

Зайчиха стремительно вошла, хлопнув дверью, и энергично отдала честь:

— Патрулировала с севера на запад! Следов врага нет, следов майора Ловкача Леволapa нет. Встретилась пара береговых жаб, они держали дистанцию. Все!

Крегга слушала, на какое-то время забыв о работе, решительно кивая большой полосатой головой.

— Хорошо, Скороход. Это все, что мне нужно было узнать. Вольно!

Шишечка приняла положение «вольно» и уставилась на оружие, которое Крегга приподняла большими щипцами.

— Ну что, как тебе это нравится? — спросила Крегга. — Теперь я буду сражаться вот этим.

Зайчиха смотрела во все глаза:

— Грозное оружие. Страшное.

Оставив его на наковальне, Крегга искоса взглянула на Шишечку:

— Скажи мне честно, малышка, ты готова стать солдатом Дозорного Отряда?

Зайчиха мигом выпрямилась, выпалив:

— Что?! Ну конечно! То есть да!

Огромная лапа ласково опустилась Шишечке на плечо.

— Да, мне тоже кажется, что ты готова. У тебя есть оружие?

— Оружие? Боюсь, нет. Только праща и небольшой нож. Полковник не советует Скороходам носить тяжелое оружие.

Крегга обвела лапой стены кузницы.

— Ну тогда выбирай. Но не торопись, — приостановила она Шишечку, — помни о том, что от выбора оружия зависит жизнь.

Зайчиха медленно пошла вдоль стены, слегка касаясь лапой то лезвия, то наконечника копья и рассуждая вслух.

— Так, это слишком тяжелое для меня... Я никогда не вырасту такой, как Гром Стальная Челюсть. Мне надо что-то полегче, чтобы его можно было повсюду носить с собой и быстро доставать в случае необходимости... Ага! Вот эта небольшая сабля, я думаю, в самый раз.

Крегга одобрительно улыбнулась.

— На твоём месте я выбрала бы то же самое. Что ж, снимай ее и попробуй на вес.

Шишечка благоговейно сняла саблю с гвоздя, ощутив приятную легкость длинного, слегка загнутого лезвия. Ручка была удобной, оплетенной мягким плисом, с выгнутым эфесом для защиты лапы. Сабля была так хорошо наточена, что, когда ее счастливая обладательница слегка рассекла воздух, раздался тонкий свист.

Внезапно Крегга выросла совсем рядом, приняв фехтовальную стойку и держа в лапах кочергу вместо шпаги:

— Защищайся!

Шишечка со звоном отразила удар, и поединок начался. По мере фехтования Крегга комментировала выпады Шишечки и подбадривала ее:

— Так, неплохо! Шаг, шаг, пригнись! Шаг, шаг, выпад! Назад, в сторону! Лапу выше! Помни: сабля — продолжение лапы, не держи ее в одном положении, она должна жить! И раз, и два, и выпад, и закрылась! Встречный удар, шаг, шаг, восьмерка на уровне плеча! Лапы не опускать, выше, выше!

Быстрым встречным ударом барсучиха обезоружила ученицу; сабля отлетела, вонзившись в дверной косяк.

— Довольно, довольно! Где ты научилась так хорошо фехтовать? Ты меня удивила!

— У лейтенанта Мориона, моего дяди. Но, как видно, не так уж хорошо.

Крегга вытащила саблю и протянула ее Шишечке эфесом вперед:

— Брось! Если бы ты фехтовала лучше, я бы уже была убита. Ты что, хотела в первом же поединке победить саму правительницу Саламандастрона?

Зайчиха приняла саблю с широкой благодарной улыбкой.

— Ну что Вы. Спасибо Вам за оружие и за урок.

В ту же ночь список рекрутов Дозорного Отряда был вывешен на дверях Большой Столовой. Все толпились тут же, шумя и проталкиваясь вперед в надежде найти свое имя. Сержант строевой подготовки Удар Булава, отвечающий за подготовку и дисцип-

лину новобранцев, сидел в офицерской Столовой рядом с полковником Ясноглазом и посматривал через дверной проем в соседний зал. Он и полковник были старыми друзьями, ровесниками, отслужившими бок о бок не один сезон.

Ясноглаз слегка постукивал тростью об угол стола.

— Лучше бы уж Госпожа Крегга поручила составлять этот список кому-нибудь другому, а не мне. У меня сердце кровью обливается, когда я смотрю на этих зеленых юнцов, рвущихся в бой. Наслушались историй, а жизни не представляют.

Сержант понимающе кивнул, потягивая пиво.

— Да, в наше время все было не так. Надо было вырасти, а уж потом служить. Помнится, отец говорил: «Вот когда будешь наклонять голову, входя в дверь, тогда и пойдешь в рекруты». Этим ребятам надо расти еще сезон, а то и два, прежде чем они начнут нагибать головы. Да...

Полковник указал глазами наверх, туда, где была кузница:

— Это все Госпожа Крегга. В жизни не видел никого, более одержимого мезтью. Она мне лично призналась, что не успокоится до тех пор, пока не уничтожит Гормада Тунна и армию Бродяг. Она готова идти за ними хоть на край света. Слыханное ли дело: правительница Саламандастропа покидает свою гору, чтобы сражаться неизвестно где. Хорошо, что она берет только часть гарнизона. Если бы не я, она всех заставила бы идти за собой.

Сержант допил пиво и решительно поднялся.

— Простите, полковник, но мне пора. Надо построить их перед ужином. Ох, смотрите-ка, малышка Чива рыдает... Понятно, ее, видимо, не включили в список.

— Я в курсе. Мы с ее отцом решили, что она еще слишком мала для этого. Лучше Чива поплачет сейчас, чем мы будем оплакивать ее потом. Идите, сержант, и не волнуйтесь. Я поговорю с ней.

Сержант строевой подготовки Удар Булава вошел в Большую Столовую, громко скомандовав:

— Внимание, новобранцы! Все, включенные в список, станю-вись! Пойдете со мной. Я представлю вас Госпоже Крэгге и подберу оружие каждому. Вести себя прилично, отставить разговоры! Особенно это относится к тебе, Словохот. А теперь внимание! Шагом марш!

Когда зал опустел, полковник Ясноглаз подошел к Чиве, захлебывающейся от слез в уголке. Старый воин протянул ей большой носовой платок в красную крапинку.

— Ну-ну, успокойся, не надо так убиваться... Хватит, ты затопишь слезами весь зал. Давай-ка высморкайся и расскажи спокойно, в чем дело.

Чива раскачивалась взад-вперед, всем телом сотрясаясь от рыданий.

— Ву-у-ху-ху-ху... Ммм... меня... ннн... не внесли... в... в... в список.... Ву-у-ху-ху-ху!

Ясноглаз выпрямился и сказал как можно строже:

— Естественно, не внесли! Мы совершенно сознательно решили оставить тебя здесь. Хочешь узнать почему?

— Ппп... потому что... я еще очень... ммм... маленькая... Ву-у-ху-ху-ху!

Коротко подстриженные усы полковника оцетинились.

— Кто сказал тебе такую нелепость?! Мы решили оставить тебя потому, что в крепости тоже нужны воины, смелые и отважные, как ты. Что если нападут

Морские Крысы или пираты? Госпожи Крегги и Дозорного Отряда не будет, кто же защитит крепость, а? Чтобы быть воином и защитником, не обязательно патрулировать с Дозорным Отрядом. Шишечка, ты согласна?

Полковник незаметно подмигнул Шишечке, сидящей неподалеку и полирующей саблю.

— Совершенно согласна, господин! Я была бы вне себя от радости, если бы меня оставили охранять крепость.

Чива наконец-то подняла заплаканную мордочку.

— Ппп... правда?

Шишечка хмыкнула так, словно ответ подразумевался сам собой.

— Еще бы! Радовалась бы вовсю! Чем скакать с места на место с Дозорным Отрядом, лучше уж тренироваться здесь. Может, оставите и меня, а, полковник?

— Извини, Шишечка, приказ есть приказ. Вот отправлю вас, новобранцев, и начну делать из Чивы настоящего офицера. Итак, Чива, вот тебе первое задание: иди и умойся холодной водой. Вовсе не обязательно, чтобы каждый видел будущего офицера, заливающего зал горячими слезами. Ты согласна со мной?

Окрыленная Чива быстро вскочила, скомкала платок и, чуть ли не смеясь от радости, побежала умываться. Полковник благодарно улыбнулся Шишечке.

— Спасибо, деточка, ты мне очень помогла. Удачи тебе, да смотри — не протри свою саблю до дыр, уж больно усердно ты ее чистишь!

После ужина все рекруты положили лапы на стол и принялись так громко стучать, что столовая задрожала. Так традиционно начиналось веселое посвящение в рекруты Дозорного Отряда.

Полковник Ясноглаз исполнял свою роль превосходно. Решительно выйдя из офицерской столовой, он поднял трость вверх, призывая всех к тишине. Когда зайцы смолкли, он произнес, и это тоже была часть традиции:

Что за странные ребята здесь, в Большой столовой,
Сотрясающие воздух шумно и упорно?

Пушистик встал и продекламировал в ответ:

Мы не странные ребята, мы служить готовы
И в Отряд Дозорный рвемся, грозны и суровы.

Полковник кивнул и ушел обратно в офицерскую столовую, откуда донесся его зычный голос, обращенный к ожидавшему сержанту:

Просыпайтесь-ка, сержант.
Ваши рекруты спешат!

Появление сержанта Удара Булавы в дверях столовой было встречено всеобщим ликованием. Он вылетел, изображая свирепость и непреклонность, — настоящий сержант строевой подготовки из детского кошмара! Сержанты всегда одевались как-нибудь особенно по такому случаю, и Удар Булава не был исключением. Его талию украшал широкий пояс со свисающими пучками сушеного щавеля — эти пучки были как бы ушами рекрутов, которые он струбил за неподчинение. Вокруг задних лап обвивались длинные белые коренья, символизирующие выпотрошенные внутренности новобранцев, а через плечо свисали шарики хлопка — «хвосты». Вся форма сержанта была обильно украшена образцами флоры и фауны, и каждый элемент символизировал рекрутское наказание.

Но вот дикое поведение сержанта Удара Булавы резко прекратилось, и уже в следующую минуту он сердечно пожимал лапы обступившим его зайцам, тепло приветствуя их:

— Добро пожаловать в Дозорный Отряд, ребятки! Надеюсь, вы нас не посрамите!

Красноокая Крегга нашла древко для нового наконечника. Это древко было толстым, крепким и высоким — выше самой барсучихи. Из темной гладкой древесной породы, наподобие той, из которой был посох Руссы Бездомы, это древко было выброшено на берег волнами много сезонов назад. Все это время оно хранилось в кузнице и вот теперь пригодилось. Крегга заработалась за полночь, прилаживая, подгоняя и прибывая устрашающий наконечник к древку и приговаривая:

— Спи-спи, Гормад Тунн. Спите и вы, Дамуг, и Бирл, и все Бродяги. Недолго вам осталось, потому что я уже иду и несу вам сон, от которого вы никогда не проснетесь, разорви меня горностаи!

Ваммо не было слишком долго, и Русса начала волноваться. Она потянулась за посохом и, поймав на себе взгляд Ловкача Ловолапа, пояснила:

— Нарвать водорослей — не такое уж долгое занятие. Там что-то не так, майор, пойду проверю.

Майор взялся за саблю:

— Тарри, Торри, Руббадуб, вы останетесь охранять лагерь и припасы. Остальные — со мной!

Быстро и молча они обследовали берег и опушку леса и очень скоро напали на след Там-

мо. Капитан Молния нашла тот камень, у которого она, как и Таммо, заприметила жериху. Валери, немного отойдя в сторону, махнула лапой, подзывая всех поближе.

— Вот смотрите, охалка жерихи, перевязанная его поясом. Он был здесь, — сказала она шепотом.

Мидж Маскировщик обследовал дерево, растущее тут же, и быстро обнаружил зарубку на стволе:

— А вот сюда был воткнут его кинжал. Точно, он был здесь!

В этот момент камешек стукнул Грома Стальную Челюсть.

— Эй! — крикнул он. — Здесь кто-то кидается камнями!

И тут целый залп обрушился на отряд сверху, из темноты деревьев, и оттуда донеслись шушуканье, смех и шепелявые голоса:

— Ужо испугалисьсь-сь-сь, ужо испугалисьсь-сь-сь! Где жже Таммо, где жже Таммо? Сь-сь-сьсьсь!

Русса громко крикнула:

— Уходим!

Майор бросил на нее удивленный взгляд:

— В смысле «отступаем»? «Убегаем»?

С трудом закрываясь лапой от каменного дождя, Русса крикнула:

— Именно так, майор! Бежим, пока нас не забили насмерть!

Тут Ловкач Ловолап смекнул, что к чему, и побежал, громко призывая всех за собой:

— Отряд, отступаем! Все назад!

И, хотя Дозорный Отряд никогда не отступал, зайцы подчинились команде. Они бросились в кустарник на берегу, пробежали немного и остановились.

Молния повернулась к майору Ловкачу Ливолапу, ее рапира поблескивала в лунном свете.

— Почему мы отступили? Разве страшны нам какие-то камушки? Мы же не стайка береговых ласточек, мы можем постоять за себя!

Майор указал на Руссу:

— Все вопросы к ней.

Белка переводила взгляд с одного зайца на другого.

— Так, если вы на секунду успокоитесь и перестанете выставлять ваше благородство напоказ, я все объясню. Да, я виновата. Виновата в том, что забыла о Крашенных, хотя уже путешествовала раньше в этих краях, иначе я бы вас предупредила и мы ни за что не стали бы разбивать здесь лагерь.

Молния убрала наконец рапиру.

— Крашенные?

Русса сердито распушила хвост:

— Да, Крашенные. Племя мелких древесных крыс. Они красят шерсть в черно-зеленый цвет и живут высоко на деревьях, скрываясь в листве. Ха, некоторые даже привязывают себе хвосты наподобие беличьих, хотя они не достойны даже нашего коготка! Однако Крашенные свирепы и опасны. Кроме того, их почти невозможно разглядеть — среди листьев они становятся как будто невидимы. Так что, если вы хотите знать мое мнение, Таммо попал в беду!

Лейтенант Морцион угрюмо кивнул.

— Понятно. Но, я полагаю, у тебя есть план?

У Руссы он был. Она объяснила всем, какова стратегия, объяснила роль каждому и заскользила между деревьев исполнять свою часть плана.

Вложив саблю в ножны, Ловкач Ловолап начал собирать плоские камни.

— Всем приготовить пращи! Зададим-ка им веселый ужин!

А Таммо в это время лежал связаный, с кляпом во рту. Вожак Крашенных с удовольствием покалывал зайца кончиком его же кинжала, ехидно хихикая каждый раз, когда пленник дергался.

— Съ-съ-съсьсь! Где шше твои друшья, ишпугались-съ-съ-съ? Ишпугались-съ-съ-съ! Шкоро мы тебя прирешшем твоим шше ношшом и шъедим! Шъедим!!!

Да, Таммо слышал, как Русса и другие зайцы пришли было ему на помощь, но потом почему-то испугались и бросили его одного. Горько это признавать, но его явно оставили на растерзание мелким древесным садистам.

Вдруг его сердце радостно подскочило — он услышал такой долгожданный, такой знакомый боевой клич:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!! Еу-ла-ли-а!!! Заряд!!!

И тут, свистя и сшибая ветки, на них обрушился град камней. Один, размером с булыжник, сбил сразу несколько веток рядом с Таммо.

«Ай да Гром Стальная Челюсть» — подумал тот.

Повернув голову, Таммо увидел, что черно-зеленые отвечают ответным залпом, бомбя сверху незащищенного противника.

Но Русса уже успела добраться до дальних деревьев, она проворно вскочила на старый вяз и прислушалась к шуму битвы. Потом, крепко зажав в зубах посох, она рванула вперед, чувствуя себя среди вет-

вей как рыба в воде. Она неслась, пронизывая зорким взглядом густую листву, ничто не могло ускользнуть от ее внимательных блестящих глаз. Наконец она увидела первого Крашеного. Она тут же схватила в лапы посох, перелетела с ветки на ветку, ударила его между ушей и, почти не сбавляя скорости, помчалась дальше, сметая всех и вся на своем пути.

Посох в ее лапах жил, казалось, сам по себе, молниеносно нанося удары по головам и спинам. Где-то над головой сверкнула сталь, откуда доносились команды:

— Ссс-схватить ее ссс-сейчассс жже!!! Убить ее ссс-сейчассс жже!

Бросившись наверх, она налетела на двух крыс и нанесла им по точному удару в челюсть, а затем бросилась на Вожака Крашенных и уложила его с ходу одним лишь легким ударом по голове.

Отбрав у него кинжал, она распоролa веревки, связывавшие Таммо.

— Хватайся за меня, ну, быстро! — проговорила Русса и, скинув Вожака вниз пробивать дорогу сквозь ветви, тут же камнем бросилась следом, увлекая за собой Таммо, захлебывающегося криком:

— Мы па-а-а-а-да-а-а-а-е-е-е-м!!!

Листья, сучья, ветви промелькнули, как в чернобуро-зеленом калейдоскопе, и уже в следующую минуту все трое свалились в кусты.

Майор Ловкач Ловолап только что разрядил пращу вверх и, глянув на свалившихся, удивлено воскликнул:

— А вот и вы наконец! Добро пожаловать на землю!

Разжав лапы, Таммо отделился от Руссы и с опаской встал. Странно, он почти не пострадал, не считая мелких царапин. Русса подтолкнула полуживого Во-

жака к Грому Стальная Челюсть, приподнявшему его на огромных лапах, и крикнула:

— Эй! Кто-нибудь! Света мне!

Ей тут же подожгли факел. Русса осветила Вожака и прокричала, высоко задрав голову:

— Смотрите сюда, шушукалки! Ваш Вожак у нас, и, если вы бросите еще хоть один камень, мыотрежем ему голову!

Обстрел тут же прекратился и из ветвей донеслось:

— Ссс-стой! Ссс-стой! Не режжжж! Не режжжж Шшавакку!

Гром Стальная Челюсть гаркнул в ответ:

— Что еще за Шавакка? Его так зовут, вашего Вожака? Ну и имя!

Сержант Ястреб усмехнулся и приказал:

— Отнеси этого Шавакку в лагерь. С ним нас не тронут, как ты считаешь, майор?

— Отличная мысль! Но на всякий случай будем нести дежурство. Таммо, ты в порядке?

Таммо слегка прихрамывал.

— Ничего страшного, господин. К утру буду крепок, как морковь.

Зайцы двинулись к лагерю, угрожающе обращаясь к верхушкам деревьев:

— Вы нас слышали! Оставьте нас в покое, иначе не увидите больше Вожака! Мы его «шшъедем», как вы выражаетесь!

— Нет, нет! — донеслось сверху. — Не ешшьте Шшавакку! Не ешшьте Шавакку!

— Ага, не нравится? Тогда держитесь от нас подальше, не то приготовим его на завтрак!

— А я так предпочел бы пирог с крысиной начинкой! Что скажешь, Гром, хватит на начинку?

Остаток ночи прошел тихо, хотя Отряд и знал, что за ним следят сотни глаз. Зайцы дежурили парами, присматривая за костром и пленником, который все еще оставался без сознания.

Таммо и Валери дежурили вторыми. Они сидели рядышком на бревне, подкладывая в костер ветки и сухой мох.

Таммо искоса взглянул на пленника.

— Валери, как ты думаешь, он придет в себя к утру? Вид у него какой-то неживой. Может, он слишком сильно ударился при падении?

Валери присела рядом с Шаваккой и проверила пульс. Потом, взяв травинку, поднесла ее к ноздрям пленника, чтобы понять, дышит он или нет.

— Все в порядке, — успокоила она Таммо, — он жив. Хотя после того, как вы с Руссой приземлились на него, он вряд ли будет скакать по веткам, как раньше. А теперь дай-ка я взгляну на твою лапу, на которую ты прихрамываешь.

Таммо отмахнулся:

— Да ладно, ерунда! Все в порядке, правда.

Но Валери открыла аптечку и достала необходимые травы и чашечки.

— Прости, но на слово верить не могу. Я все должна увидеть своими глазами. Майор дал приказ, я подчиняюсь, тем более что завтра путь предстоит неблизкий. Так что показывай.

Растерев листья щавеля и стебли генциана, Валери влила в чашечку немного теплой воды и, дав травам настояться, привязала компресс к лапе. Таммо остался доволен: повязка не жала, но держалась хорошо. Он мог двигаться беспрепятственно, а дергающая боль, в которой он не сознавался, прекратилась.

— Вот это да! — воскликнул он. — У меня как будто новая лапа, спасибо.

Валери похлопала ресницами:

— А при чем тут «спасибо»? Вот если у тебя осталось еще немного блинчиков, тогда ты и вправду можешь меня отблагодарить.

Шавакка пошевелился.

— Шшавакка сссь-сильно уш-шшибся, сссь-сильно уш-шшибся!

Валери снова открыла аптечку.

— Сильно ушибся он, а? Да я бы сбила тебя на-
смерть, долети до тебя мой камень. На вот, выпей это.

Шавакка повернул голову, отворачиваясь от ча-
шечки, но Валери позвала Таммо. Тот потянул плен-
ника за голову сзади, разомкнув челюсти.

— Давай теперь вливай ему прямо в глотку! На-
деюсь, лекарство достаточно горькое для такого зло-
дея!

Вместе они умудрились перевязать и обработать
все раны, которые Шавакка получил при падении.
Но, стоило Валери отвернуться, Таммо дал ему хоро-
шего пинка. Пленник застонал. Добрая зайчиха, ре-
шив, что ему все еще плохо, решила влить в него еще
лекарства и не пожадничала, в то время как Таммо
приговаривал:

— Да не стони ты так, Шавакка! Ты должен быть
счастлив, что тебя лечат цивилизованные зайцы, а не
какие-то древесные крысы.

Утро выдалось теплое; день обещал быть жарким.
Над рекой еще клубился туман, когда капрал Рубба-
дуб пробил подъем:

— Тум-ттурурум! Тум-ттурурум! Тум-турурм-
тум-тум-тум-тум!

Вожак Крашенных вскинул обе лапы к больной
голове и жалобно посмотрел на Руббадуба, который,
мило улыбнувшись, склонился к самому уху Шавак-
ки и изо всей силы гаркнул:

— Бум-буду-бум-буду! Бум! Бум! Бум!

Майор Ловкач Лволоп потянулся, одновременно
скомандовав:

— Отряд! Подъем! Мы не можем валяться и ждать,
пока эти твари сверху придумают план освобождения
Вожака и набросятся на нас. Так что перейдем реку

ниже по течению и тогда сможем вернуть пленника. Сержант, собирай лагерь.

Сержант Ястреб был свеж, как утренний цветок. Он бодро отозвался:

— Слушаюся! Мидж, Перехлест, а ну поживее! Торри и Тарри, проверьте, хорошо ли загасили костер. Гром, поднимай раненого на плечо, тебе опять его нести. Всем сбор!

Отряд перешел реку вброд — большие камни, выступающие из воды, были словно ступени. За спиной листва шелестела и шуршала — Крашенные волновались за Вожака. На последнем камне Шавакку оставили, но майор вытащил саблю и громко крикнул с берега:

— Эй вы, слушайте внимательно! Меня зовут Ловкач Леволап, но левой лапой я владею клинком так искусно, как вам и не снилось! Если вы сейчас же не уберетесь со своим Вожаком, мы будем преследовать вас, пока не догоним и не съедим. Его мы не съели только потому, что он трус и его мясо, должно быть, дурно пахнет. На вашем месте я сегодня же избрал бы другого Вожака. А пока спасайте его и проваливайте!

И, отсалютовав саблей, майор развернулся на одной лапе и присоединился к Отряду.

Сержант Ястреб восторженно воскликнул:

— Ну разве не приятно видеть храброго воина с поднятой саблей над поверженным врагом и злодеем, а, Гром?

Гигант отряхнул плечо, словно до этого нес мусор, и ответил:

— Спрашиваешь!

Завтрак прошел в тишине и покое. Двинувшись дальше, Дозорный Отряд быстро вышел на след врага и теперь маршировал по весенним полям.

В два часа дня показался лес — густой, с высокими деревьями. Русса, шагавшая рядом с Таммо, счастливо улыбнулась:

— Вот и Лес Цветущих Мхов, а за ним аббатство. Идти осталось пару дней. Ты рад?

Но, прежде чем Таммо смог ответить, майор Ловкач Ловолап воскликнул:

— Пару дней до аббатства?! Ух, слишком близко мы подпустили врага!

Отряд рванулся вперед и очень скоро оказался под зеленой сенью Леса Цветущих Мхов.

Первое, что заметил Таммо, была необыкновенная тишина. Она была такой абсолютной, что, когда неожиданно закуковала кукушка, Таммо вздрогнул. Притихший, замороженный огромными дубами, буками, вязами и кленами, он тихо обратился к Руссе:

— А почему здесь так тихо?

Белка пожала плечами.

— Не знаю, никогда не задумывалась. Может быть потому, что там, снаружи, дует ветер и переносит звуки, иногда самые отдаленные, а здесь ветра нет. Получается замкнутое пространство.

Покалывая влажный мох кончиком сабли, майор Ловкач Ловолап скомандовал:

— Капитан Молния, разрешаю разбить лагерь и передохнуть. Холодный ланч. Костер не разводить. Мы с Руссой идем в разведку. Здесь полно следов.

Когда они ушли, Таммо присел с друзьями в подвижной тени густых крон. Они достали сушеные яблоки, орешки и овсяные лепешки. Запивали водой.

— Я никогда раньше не был в аббатстве. А ты? — спросил Таммо у Валери шепотом.

— Я тоже. И Перехлест не был. И Тарри и Торри не были. Вот Молния была.

Капитан Молния поставила кружку на мох и оглядела присутствующих:

— Да, скажу я вам, это кое-что... Не хочу обидеть Саламандастрон, но аббатство Рэдволл — необыкновенное место! Я была там всего один раз, с сержантом Ястребом и Громом. Мы относили письмо от Госпожи Крегги к настоятельнице аббатства, это было поздравление с юбилеем. Так что мы прибыли в аббатство как раз к празднику. Ах, какой там был пир! Помнишь, Гром?

Гром Стальная Челюсть облизнулся и закивал:

— У-ух, такое не забывается! Слушайте, я никогда не видел столько блюд на одном столе: пудинги, пироги, торты, рулеты, пастила, ватрушки... а еще сыры, супы, свежие хлебцы и булочки... да легче вспомнить, чего там не было! Но самое потрясающее, что я попробовал, это знаменитый октябрьский эль, который варят только в аббатстве...

Он замолчал, мечтательно глядя вдаль. Сержант подхватил рассказ:

— Да, октябрьский эль, а еще разные наливки, настойки, бальзамы и вина! Мы пели, танцевали и праздновали целых три дня! Клянусь вам, нет более гостеприимных и радушных хозяев, чем жители Рэдволла. Они такие милые и веселые! Когда я буду слишком стар, чтобы патрулировать, я удалюсь в Аббатство — вот моя мечта. Нет на свете места лучше и счастливее!

Перехлест не удержался и захлопал от восторга:

— Здорово-то как! И мы будем там уже через пару дней!

Но в этот момент из чащи донесся воинственный клич:

— Еу-ла-ли-а!!! Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!!

Еда и питье были тут же забыты. Отряд бросился вперед с оружием наперевес.

— Все сюда!!! Еу-ла-ли-а!!!

Капитан Молния на бегу указывала рапирой направление:

— Все туда!!! Еу-ла-ли-а!!!

Они неслись, размахивая клинками и пращами, крича во все горло, чтобы майор слышал, что они спешат к ним:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!! Еу-ла-ли-а!!!

Несмотря на перевязанную лапу, Таммо вырвался вперед вместе с Молнией, Перехлестом и Миджем. Они скакали, не разбирая дороги, сквозь низкие ветви и кустарник, быстрее, быстрее! Лапы в такт опускались на землю и отрывались для нового стремительного прыжка. Солнце и тени, стволы и листья слились в один сплошной поток, а они всё неслись и неслись вперед, на помощь друзьям.

Преодолев гребень горы, готовые к бою и вооруженные зайцы с треском одолели рябиновую рощу, скатились вниз, в узкое каменистое ущелье, и неистово ринулись в бой. Майор Ловкач Леволап был уже оттеснен к небольшой пещере и оборонял вход, окруженный визжащими врагами. Обломок дротика торчал из его плеча, он был ранен в нескольких местах, но продолжал умело орудовать саблей. Враги подступали к нему плотнее и плотнее, готовые на все, лишь бы прорваться в пещеру, так тщательно охраняемую бесстрашным майором. Отряд подоспел как раз вовремя.

— А ну задайте-ка им перцу, ребята! — крикнул Ловкач Ловолап. — Еу-ла-ли-а!!!

Таммо, Молния и Перехлест первыми налетели на врагов, сбивая их с ног. Гром Стальная Челюсть тут же убил двоих, выбросив вперед огромные кулачищи. Лейтенант Морион, сделав первый выпад, заработал шрам на лице, но тут же заколол обидчика. Майор Ловкач Ловолап запустил саблей вслед остальным врагам, убегавшим вверх по склону ущелья, хрипло крикнув вслед:

— Догнать их и уничтожить! — потом упал на все четыре лапы, с трудом переводя дыхание.

Зайцы бросились догонять улепетывавших врагов. Сержант Ястреб бежал рядом с Молнией, стараясь не спускать глаз с вражеских спин даже тогда, когда они снова оказались в лесной чаще.

Молния бежала быстро, отдавая приказы на ходу:

— Лейтенант Морион остался с майором, так что нас одиннадцать вместе с Руссой. Сержант Ястреб, возьми Руббадуба и Миджа...

Таммо взволнованно перебил:

— А где же Русса? Ее видел кто-нибудь?

— Наверное, приканчивает где-то поблизости дюжину врагов этим своим посохом, — ответила Молния, и голос ее звучал уверенно, хотя уверенности она не испытывала. — Ястреб, Руббадуб, Мидж, бегите вот за теми, налево! Перехлест, ты — направо! Тарри и Торри — с ним! Таммо, Валери, Гром, — за мной, бежим за этими, прямо! Поглядывайте по сторонам, не заметите ли Руссу!

Зная, что, убегая от погони, они спасают свои жизни, враги бросились врассыпную в южную часть Леса Цветущих Мхов. Таммо снова начал чувствовать боль

в ноге — ведь бежали они уже очень давно, — но не отставал. Он думал о том, что вот наконец бежит вместе с Дозорным Отрядом, его мечта сбылась и нечего показывать, что он устал и ему больно. Он сжал зубы и дышал только сквозь ноздри, уверенно опускаясь на лапы и не сбавляя хода.

При очередном скачке вперед на Молнию из-за вздыбленных древесных корней бросилась крыса. Но не успела она ударить, как Молния оказалась сверху и прижала крысу к земле. Таммо заметил горностаю, который также отделился от корней и пополз вдоль них. Заяц затаился и, пропустив товарищей вперед, подкрался к горностаю сзади. Тот ехидно улыбался, полагая, что всех перехитрил. Однако, пятясь назад, натолкнулся на Таммо. Удивление скользнуло по его самодовольной морде, он схватился было за оружие — но поздно. Таммо уложил его одним ударом и бросился догонять товарищей. Ему было нехорошо: холодок бежал вдоль позвоночника, лапы дрожали, несмотря на быстрый бег, а зубы выбивали дробь.

Он догнал своих удивительно быстро. Они остановились и почему-то медленно отступали.

— Дальше нельзя! — предупредил Гром Стальная Челюсть. — Это опасно!

Таммо сделал несколько прыжков и тут почувствовал предательскую вязкую сырость под лапами. Взглянув вперед, он увидел, что враги забежали в самую глубь болота — смертельно опасное место. Молния указала на них:

— Все, больше нам здесь делать нечего. Можете опустить оружие.

Таммо в ужасе смотрел на происходящее. Все восемь врагов были уже по грудь в трясине. Они крути-

лись и извивались, но это только ухудшало положение — они увязали все глубже и глубже. Беспощадное болото засасывало их в бездонную глушь. Только один шустрый хорек умудрился уцепиться за ветку и вскарабкаться по ней на поверхность. Рядом его товарищи, увязшие уже по самые головы, зывали к нему:

— Прохвост, выручи нас, сделай что-нибудь!

Но хорек был озабочен только спасением своей шкуры. Он переметнулся на сухой участок земли, подальше от зайцев, и остановился, с интересом глядя на отчаянно орущих собратьев. Через несколько минут все было кончено, и ровная поверхность болота выглядела так, словно ничего и не произошло. Хорек по имени Прохвост отвернулся, пожал плечами и побежал дальше, держа в лапах какой-то предмет. Таммо глядел ему в спину, и слабость разливалась по всему телу. Он не выдержал и повалился как подкошенный. Валери тут же подскочила к нему и приложила ко лбу кусочек сырого мха.

— Тамм, что случилось? Ты ранен?

Таммо, казалось, не слышал ее, он что-то бормотал, и лицо у него стало такое, словно он повзрослел сразу на несколько сезонов.

Капитан Молния помогла Валери поднять друга и усадить.

— Ты мне можешь объяснить, — спросила она у медсестры, — что он там бормочет?

Слезы выступили на глазах Валери.

— О капитан... Он говорит... Он говорит, что хорек понес посох Руссы... ее знаменитый посох...

Молния нахмурилась и выхватила рапиру.

— Гром, за мной! Надо быстрее вернуться к майору! Детка, — обратилась она к Валери, — помоги Там-

мо. Идите потихоньку за нами. Если встретите остальных, передайте, что мы поскакали назад.

Гром Стальная Челюсть снял огромный плащ и по-матерински обернул дрожащего Таммо. Плащ укрыл его до самых лап, он был толстый и теплый.

— Все будет хорошо, не волнуйся! — пробасил Гром и похлопал друга по плечу.

Солнце перевалило за полдень, когда Таммо в сопровождении Валери, сержанта Ястреба, Руббадуба и Мидж, которых они встретили по дороге, вернулся в ущелье. Майор Ловкач Леголап сидел у костра, держа правую лапу на перевязи и прижимая компресс к плечу. Взглянув на майора, Таммо смог выдать только одно:

— А Русса?

Обычно спокойное лицо Ловкача Леголапа было бледно и грустно. Он кивнул в сторону пещеры. Бросив поддерживавших его Валери и Ястреба, Таммо кинулся к низкому входу. Странное зрелище открылось ему, когда он ворвался в небольшую пещеру. Лейтенант Морин с повязкой на голове нянчил крохотного барсучонка. С видом заботливой мамы он поднес лапу к губам:

— Шшш! Я только что его убаюкал.

В углу высилось что-то, покрытое простым домотканым одеялом. Рядом с ней Русса, тоже покрытая плащом, сидела, прислонившись к песчаной стене. У Таммо вырвался вздох облегчения, он осторожно опустился на землю рядом с белкой:

— Уфф, Слава Сезонам, ты жива!

Русса медленно моргнула, ее глаза были мутны.

— К сожалению, это ненадолго, дружок. Они славно задели меня на этот раз: две стрелы и копьё. Прав-

да, и я в долгу не осталась — тоже послала нескольких на тот свет подготовить мне дорожку.

— Не говори так! — крикнул Таммо, обняв белку за худенькие плечи. — Все будет хорошо, вот увидишь!

Русса Бездома улыбнулась, закашлялась, потом сглотнула, как бы прочищая горло, и, взяв Таммо за лапу, сказала:

— Хватит глупостей, Тамм, времени осталось мало. Сиди молча и слушай меня. Передай маме, что я сделала все, что смогла... Если увидишь Осмунду, передай привет. Живи так, чтобы твоя семья гордилась тобой, Тамелло Де Формелло Кочка, и никогда не делай ничего такого, в чем тебе стыдно было бы признаться. И вот что еще: ты не обязан служить в Дозорном Отряде, если ты можешь делать лучше что-нибудь другое.

Таммо хотел было ответить, но Русса остановила его легким пожатием.

— Да, конечно, я видела, как ты дрался, Тамм. Это было хорошо. Но тебя воспитывали иначе, чем других зайцев Дозорного Отряда. Там, в Саламандастроне, они привыкли к виду смерти. Их учат убивать врагов с самого детства.

Таммо всеми силами старался втянуть слезы обратно в глаза, но они все равно закапали на лапу Руссы.

— Ты поправишься, ты обязательно поправишься, я попрошу Валери принести все ее травы и лекарства, и мы вместе...

Русса перебила:

— Мне не помогут ни травы, ни лекарства, Тамм. Пожалуйста, перестань мочить мне лапы. Есть другие места, которые пришло время повидать. Я всегда была странницей, и теперь мне пора туда, в солнечную страну тихих полей...

Снаружи зайцы сидели и слушали рассказ майора о том, что произошло.

— Мы с Руссой бежали по вражеским следам, когда услышали крики и стоны. Это не были крики и стоны врагов, это кричали беззащитные существа. У нас не было другого выбора, кроме как броситься им на помощь. То, что мы увидели, превзошло самые худшие ожидания! Около тридцати разномастных мерзавцев издевались над старой барсучихой и детенышем. Подлецы! Ну и задали мы им жару, уж не сомневайтесь! Жаль, силы были неравны: примерно восемнадцать на одного. Барсучиху они убили. Мы отбросили их, я отнес бедняжку с малышом в пещеру. Русса защищала меня со спины; тут-то в нее и попали две проклятые стрелы. Затем мы снова вернулись к бою, крича: «Еу-ла-ли-а!» всем, кто нас услышит... А потом в Руссу вонзилось копьё... Я оттащил ее в пещеру к барсукам, именно в этот момент меня полоснули по плечу и по лапе. Вот, мундир совсем изорвали... ну да не в этом дело. Хорошо, что вы слышали нас и прибежали. Я начал выбиваться из сил. Вы всех догнали?

Молния сняла мундир с плеч брата и внимательно осмотрела его.

— Да, живого места не осталось. Когда-то еще сошьешь себе такой? Враги, враги... Да, враги разбежались в разные стороны, но и мы разделились на три части, так что все получили по заслугам, кроме одного хорька. Ему удалось перебраться через болото и улизнуть. Но я не думаю, что в одиночку он сможет сильно навредить аббатству, как вы считаете?

Сержант Ястреб налил себе горячего мятного чая из котелка над костром.

— Вряд ли. Аббатство охраняют храбрые выдры. Несладко придется этому хорьку, попадись он им.

Из пещеры показался Таммо. Его глаза были сухи, мордочка непроницаема.

— Русса Бездома скончалась.

Его голос дрожал, но он изо всех сил старался быть солдатом, достойным Дозорного Отряда. И все же слезы заструились по щекам.

Майор Ловкач Лволоап встал и опустил голову.

Той же ночью они засыпали пещеру снаружи песком и приложили сверху большой камень, на котором Таммо и Валери старательно выбили простые слова:

«Русса Бездома и безымянная барсучиха покоятся здесь.

Они погибли, сражаясь против жестокого врага за свободу добрых зверей.

Пройдут долгие сезоны, но мы будем помнить о них».

Малыш-барсучонок спал, свернувшись калачиком, между Таммо и Валери, прижимаясь к ним в поисках тепла. Таммо никогда раньше не видел барсуков и сейчас осторожно гладил малыша по полосатой голове, радуясь, что есть на свете существа, не ведающие ни о войне, ни о смерти, ни о горечи разлуки.

Мод южной стеной аббатства Кротона-
начальник Перекоп и его ребята держали
в лапах светильники над подземной пе-
щерой. Стоя на краю огороженной платфор-
мы, сооруженной кротами в конце туннеля, и дер-
жась за Перекопа, Пижма и Арвин смотрели
вниз. Дна не было видно — только черная без-
дна, широкая и таинственная.

Далеко внизу слышался шум воды. Крото-
начальник бросил камешек размером с лукови-
цу в эту открытую пасть, но звука не последо-
вало. Только тишина.

Пижма обернулась и посмотрела на Переко-
па: он был сосредоточен.

— Куда же делся камень? — спросила Пижма.

В ответ раздался слабый, очень далекий всплеск. и Предводитель серьезно ответил:

— Там, внизу, хурр... прропасть... Очень глубокая, хурр-хурр...

Они еще немного постояли, вглядываясь в темноту. Наконец Пижма робко попятилась.

— Ох, пожалуй, хватит, я больше не могу! Это все равно, что смотреть вниз с высокой башни и не видеть земли. У меня даже голова закружилась!

Перекоп и его ребята проводили Пижму и Арвина наружу. По дороге Кротоначальник рассудительно говорил, освещая дорогу:

— Хурр, лучше чувствовать дуррноту на твердой почве... Лучше поговорить обо всем в аббатстве, хурр-хурр... Там я расскажу вам, что думаю об этой дыре.

Всех заинтриговали слова Перекопа, они быстро следовали к выходу.

Подойдя к дверям аббатства и пройдя на кухню, Пижма оказалась тут же втянутой в спор между мышью-соней Постенником и крепким бельчком Пончиком, который в последнее время помогал Матушке Хлопотунье по части стряпни. Старый мышь-соня и бельчонок ругались и кричали:

— Я не справляюсь с работой, когда он все время крутится под ногами!

— С работой?! Ха, да когда ты вообще работаешь? Ты почти все время спишь на мешках за печкой!

— А ты еще слишком молод, чтобы так нахально разговаривать с теми, кто старше и лучше тебя!

— Может, ты и старше, но вот кто из нас лучше, мы скоро узнаем, если ты еще хоть раз скажешь что-нибудь о моем нахальстве!

Пижма схватила медный ковш и изо всех сил стукнула по большой кастрюле. Раздался звон, перепалка стихла.

— Вот так-то, помолчите хоть секунду! А теперь говорите спокойно, по очереди, в чем дело. Постенник, ты первый.

Мышь-соня проговорил с видом оскорбленной невинности:

— Матушка настоятельница, я всего лишь сказал, что птица не должна жить на нашей кухне, это неправильно. К тому же нам нужен шкаф для хранения продуктов, потому что...

Пижма жестом остановила его.

— Подожди, милый, ты говоришь загадками. Пончик, давай-ка теперь ты, с самого начала.

Бельчонок стал объяснять, стараясь быть обстоятельным:

— Видите ли, все дело в сове Орокке. Она летала по аббатству в поисках места для гнезда и яиц. Она осмотрела почти все, но ничто ей не подошло. Наконец прилетела на кухню, и здесь ей приглянулся наш большой шкаф в углу, тот, в котором мы храним яблоки. Вот мы с Шадом и разместили ее в этом шкафу вместе с гнездом и яйцами. Но тут Постенник проснулся и принялся жаловаться направо и налево!

Все расступились, пропуская Пижму к кухонному шкафу. Она распахнула дверцы и оказалась лицом к лицу с Ороккой, глядящей на нее в упор желтыми круглыми глазами. Сова сидела на яйцах в центре гнезда, разместившегося на средней полке, и ворчала:

— Так-так, с одного меня уже согнали по вашей милости, давайте и отсюда сгоним бедную Орокку, правильно...

Настоятельница, улыбнувшись, взглянула на Постенника:

— Раздобудь-ка дрель.

Мышь-соня смущенно ответил:

— Да, конечно... Перекоп хранит ее в винном погребе, я принесу.

— Отлично, — ответила Пижма. — Принеси и просверли как можно больше дырочек в этом шкафу, чтобы нашей гостье легче дышалось в новом жилище... Ну, что ты замер? Шевелись! — И, повернувшись к Орокке, добавила: — Надеюсь, вам будет здесь уютно и спокойно. Если вам что-то понадобится, сразу говорите, мы позаботимся о вас и о будущих птенцах. А если вам потребуется слетать куда-нибудь, вы можете положиться на Матушку Хлопотунью, она приглядит за гнездом.

Орокка быстро-быстро заморгала глазами и закивала головой:

— Спасибо, спасибо. Это хороший и теплый дом и для меня, и для них. — Она указала на яйца. — А если кто из ваших увидит моего мужа, Таунока, пусть передаст ему, что я здесь. Я буду очень признательна.

Краклин, наблюдавшая всю сцену, ласково погладила Пижму по лапке, когда они отправились дальше по делам.

— Вы такая молодец, Вы все правильно рассудили. Жаль только Постенника, он, бедняга, совсем расстроился.

Пижма задумчиво ответила:

— Знаешь, я даже рада, что благодаря появлению Орокки эти разногласия выплыли наружу. Я уже давно подумываю о том, что на кухне нужна реорганизация. Матушка Хлопотунья пожилая, ей тяжело

быть ответственной за все, а Пончик ей прекрасно помогает, он работающий, готовит прекрасно... Из него получится прекрасный повар, если дать ему шанс.

Краклин согласилась, но справедливости ради напомнила:

— А как же Постенник? Не будет ли ему обидно, что он столько лет помогал на кухне, а повысили в должности молодого Пончика?

Но оказалось, что мудрая хозяйка все предусмотрела.

— Надеюсь, он не обидится, Краклин. Постенник уже не молод, он располнел, и ему тяжело много двигаться. Кроме того, он мышьяк-соня, что ни говори. Так что на кухне его оставлять опасно, он может заснуть и поджариться у печки в один не самый прекрасный день. Нет, я решила направить его в помощь Фиалке. Она жалуется, что не справляется одна в лазарете, а это не такая утомительная работа для Постенника, и у него будет много времени, чтоб отдохнуть. Матушка Хлопотунья присмотрит за Ороккой и птенцами, когда они вылупятся. А присматривая за ними, будет заодно поглядывать и за Пончиком, нашим новым поваром.

Пижма поговорила с Матушкой Хлопотуньей, Фиалкой, а потом с Пончиком и Постенником. Как и было задумано, все оказались довольны. Краклин тоже радовалась, восхищаясь и удивляясь мудрости старой подруги.

Прошел слух о пропасти под южной стеной, и теперь все услышали новость. Арвин открыл обсуждение:

— Итак, теперь мы знаем, почему рушится южная стена. Я думаю, что вода, протекающая под стеной,

размыла почву и образовала глубокую дыру. Как ты считаешь, Перекоп?

— Я тоже так думал сперва... Но мы с моими ребятами исследовали стенки большой дыры изнутри и обнаружили, что они выложены камнем. Хурр-хурр, она была специально построена кем-то давным-давно!

Сообщение Перекопа вызвало гул голосов, высказывающих всевозможные предположения. Но Пижма призвала всех к тишине:

— Секундочку! Спасибо. Я вот что хотела сказать: то, что сообщил нам Перекоп, проливает новый свет на ситуацию. Но все не так уж усложнилось. Так что давайте не будем гадать и предполагать. Лучше скажите, есть у кого-нибудь рациональные предложения?

Командор взял слово:

— Я предлагаю отправиться с моим отрядом туда завтра, прихватив веревки подлиннее, и спуститься в дыру. Возможно, нам удастся обнаружить, откуда и куда течет вода под стеной, и, кто знает, что еще...

Крот Толокун почесал нос большой лапой и заметил:

— Хорошая мысль, господин... Заодно посмотрите на настенные рисунки, хурр...

Кротоначальник Перекоп достал крошечные очки и, нацепив их на кончик носа, внимательно посмотрел на Топотуна:

— Ты не говорил мне о рисунках, дружище...

Но Топотун обезоруживающе улыбнулся:

— А вы меня не спрашивали, господин!

Предводитель воспринял ответ без удивления.

— Да, это была оплошность с моей стороны... В следующий раз не повторится.

Дело, казалось, было улажено. Пижма обвела взглядом собравшихся:

— Итак, решено. Завтра же командор с отрядом исследуют дыру. Есть еще вопросы и предложения? Хорошо, тогда всем спокойной ночи. День выдался долгий.

Но тут из дверного проема донесся исключительно вежливый голос:

— Прошу меня извинить, дамы и господа, за то, что перебиваю вас, но не будете ли вы столь любезны сообщить мне, не видел ли кто-нибудь из вас сову по имени Орокка, в последний раз замеченную на гнезде, содержащем в себе три яйца?

Все обернулись и увидели в широко распахнутых дверях супруга совы Орокки, который элегантно поклонился собравшимся. Пижма, которую трудно было чем-либо удивить, в ответ вежливо кивнула и сказала:

— Вас зовут Таунок, не правда ли? Добро пожаловать в аббатство Рэдволл. Вот, познакомьтесь, это Кротоначальник Перекоп, он отведет вас к вашей жене. Кухня, дальний угол, большой шкаф. Возможно, вы встретите мышь-соню, который как раз сверлит дырочки, чтобы ей лучше дышалось. Если он будет мешать, отправьте его отдохнуть.

Таунок снова элегантно поклонился.

— Благодарю вас. Желаю вам от всей души спокойного сна и сладких сновидений!

Когда он с Перекопом вышел, на минуту в воздухе повисло молчание. А потом Пижма и Краклин прыснули со смеху. Вытирая слезы, выступившие на глаза, они повторяли:

— «...в последний раз замеченную на гнезде...» Ха-ха-ха! Нет, ты слышала, как он это сказал?!

— Хи-хи-хи, «...содержащем в себе три яйца»! Какие чудные манеры!

— Ха-ха-ха!

Наконец Пижма, покачиваясь, встала:

— Все, больше никаких дел на сегодня. Я устала и хочу спать. Пошли.

Взяв друг друга под руку, летописица Краклин и настоятельница Пижма вышли из Пещерного зала, все еще трясаясь от смеха и утирая слезы. Толокун вопросительно взглянул на Топотуна:

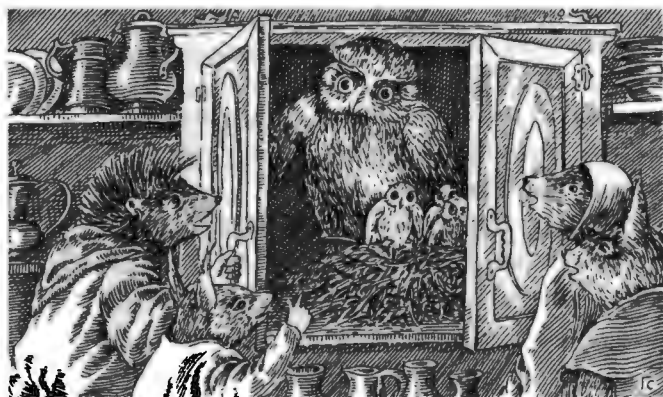
— Я очень ррад, хурр-хурр, что они так ррадуются... Но не мог бы ты мне объяснить, чему именно?

— Нет, я сам не понял, хурр, что тут было смешного, хурр-хурр... Маленький филин искал жену, вот и все...

Наконец все в аббатстве легли спать. Свечи погасли, огни в каминах догорели, легкий сквознячок на миг колыхнул гобелен в Большом зале... Везде царил мир, покой и тишина — от детской спальни до келий.

И только под южной стеной, в глубине бездонной пропасти, что-то шевелилось. Что-то холодное, скользкое и длинное...

Васвет едва заглядывал в окна, когда бельчонок Пончик постучал в дверь Пижмы. Ежиха, натянув одеяло на голову, сонно ответила:

— Меня нет, уходи... Я сплю... Я только что закрыла глаза!

Но новый повар постучал настойчивее, подергал дверь и прокричал:

— Матушка хозяйка! У нас на кухне вылупились совы! Пожалуйста, идемте со мной, я не знаю, что мне делать!

Пижма на ощупь сунула лапы в шлепанцы и, на ходу набрасывая халат, ринулась к двери.

— Подними сестру Фиалку, Матушку Хлопотунью и Краклин и позови в кухню. Давай, да смотри, не перебуду остальных!

Но совершенно ошалевший Пончик помчался по коридору, крича во все горло:

— Новые птенцы! Совята! У нас на кухне вылупились совята!

Настоятельница Пижма в щелочку заглянула в шкаф. Из-под когтистых лап Орокки выглядывали три пары огромных желтых глаз. Все жители Рэдволла, от мала до велика — кто в ночных рубашках, кто в халатах, кто в шлепанцах, кто в тапочках — высыпали на кухню, горя желанием увидеть создания, только что появившиеся на свет.

Матушка Хлопотунья поздравляла Орокку с пополнением семейства.

— Ах, какие красавцы, какие красавцы! А ведь у них ваши глаза, дорогая!

Улыбка заиграла в обычно серьезных глазах Орокки.

— Спасибо, Хлопотунья. Это мои первые детки, и я очень рада, что они родились здоровыми и красивыми. Мой муж Таунок будет доволен, когда увидит их.

Краклин удивленно спросила:

— Как же так? Разве Таунок их еще не видел?

Орокка немного повернулась, разрешая совятам вылезти из-под крыла.

— Бедный Таунок разволновался еще больше, чем ваш бельчонок, когда услышал, что яйца затрещали. Он пробормотал что-то о том, что теперь ему надо кормить пять ртов, и улетел за едой. Он скоро вернется.

Совята были пушистыми комочками с глазами, казавшимися намного больше, чем тельца. Они жались друг к другу и к матери, а когда пытались передви-

гаться самостоятельно, тут же валились на бок, не в силах удержать равновесие. Широким движением крыла Орокка распахнула дверцы шкафа. Теперь все рэдволльцы могли рассмотреть крошечных совят, и волна восторга пронеслась по кухне. Особенно были потрясены малыши.

— Хурр, а могут эти птички играть с нами?

— А почему они молчат?

— Эй, совенки, совята, хотите кушать?

Фиалка Полевка, держась подальше от Орокки, внесла рациональное предложение:

— Правда, почему бы нам не пойти завтракать и не оставить Орокку ненадолго в покое?

Фиалка и Пижма повели толпу за собой в столовую, а Матушка Хлопотунья и Порция остались помогать сове чистить гнездо.

Командор выдр постучал по столу:

— Внимание, внимание! Настоятельница хочет сообщить вам кое-что важное!

Поблагодарив командора, Пижма сложила лапы в широких рукавах и поднялась.

— Слушайте внимательно, я не займу у вас много времени. Уже почти наступило лето, день сегодня прекрасный, так что вот мой план: давайте отложим до завтра работу и все наши заботы и устроим День рождения трех чудесных созданий, вылупившихся сегодня утром. Пусть будут праздник и пир!

Радостные крики и аплодисменты заполнили Большой зал.

Брат Дингдон был рэдволльским звонарем. Но сегодня он не стал дергать за веревки колоколов, стоя

внизу. По крутой лестнице он взобрался на самый верх колокольни и, встав на перекладину между колоколами, принялся раскачивать их обеими лапами. Густой, глубокий перезвон огласил Лес Цветущих Мхов и окрестности аббатства.

Жаворонки вспорхнули высоко над лугами, лесные птицы покинули зеленые ветви, взмыв в голубое весеннее небо и добавляя звонкое щебетание к прекрасным звукам колоколов.

А внизу, дрожа и прячась за стволами деревьев, растущих вдоль стен аббатства, пробиралась маленькая тщедушная фигурка. Хорек Прохвост, последний из отряда, атакованного зайцами, удачно избежавший гибели в болоте, пробирался все ближе к южной стене. Болотная грязь, прилипшая к его шкуре, заскорузла. Он грыз корни и собирал полузеленые ягоды, то и дело пугливо озираясь. Прохвост надеялся, что колокола звонят не потому, что его заметили со стен аббатства, — он видел, что на колокольне брат Дингдон не смотрит в его сторону.

Хорек пробирался к ручью у южной стены — его мучила жажда. Солнце припекало спину, колокольный звон разрывал уши. Хорек приник к ручью, жадно глотая воду. Напившись, он снова пугливо огляделся, и тут внимание его привлекло нечто такое, что он не сразу поверил собственным глазам. Да, это было совершенно невероятно, но было правдой: южная стена стояла полуразрушенной, на остатках покоилось массивное дерево, а чуть ниже она и вовсе отсутствовала, словно кто-то смахнул часть громады большой сильной лапой.

Прохвост попятился в сторону зарослей, продолжая пялиться на потрясающее зрелище. А потом, ре-

шитительно заткнув за пояс посох Руссы, направился вниз по ручью, заматая след.

— Надо срочно найти Бродяг и сообщить им о том, что я видел, — бормотал он себе под нос и криво улыбался. — За такую информацию я, пожалуй, получу чин офицера!

Брат Дингдон стоял спиной к хорьку и не видел его. Он вглядывался в другие фигурки, направлявшиеся к аббатству с противоположной стороны. Зайцы — ну конечно же, это зайцы!

Придержав язык одного из колоколов, он продолжил звонить в другой — это значило, что приближаются гости. Командор и Шэд вылетели пулей из ворот аббатства, за ними почти сразу выскочил Арвин с великим мечом Мартина Воителя.

Белка Чемпион, подлетев к колокольне, сложил лапы лодочкой и крикнул вверх:

— Что, Дингдон, к нам кто-то идет?

— Да! — крикнул тот в ответ. — Два зайца приближаются с севера!

Суровое выражение тут же покинуло лицо командора, уступив место шуточному испугу.

— Зайцы?! Заприте все запасы еды и питья! Спрячьтесь сами, не то и вас съедят! Это же самые прожорливые существа на свете!

Выйдя из леса, Таммо вглядывался в высокие башни и фронтоны огромного строения впереди. Валери стояла рядом и, когда она заговорила, выразила вслух то, что они оба думали:

— Неужели мы действительно у стен аббатства Рэдволл? В это невозможно поверить! Оно еще больше и красивее, чем я предполагала!

Сержант Ястреб прищурился, тоже любясь откровенным зрелищем:

— Да, нет на свете ничего красивее этого, мисс! Ладно, давайте-ка построимся и войдем в аббатство стройным маршем, как и подобает Дозорному Отряду! Пусть видят, что к ним идут бесстрашные воины, а не какие-то усталые утки. А ну, ребята, выше головы, спины прямо, раз-два!

Гигантский заяц Гром Стальная Челюсть нес барсучонка, осторожно прижимая его к широкой груди. Он нахмурился, взглянув на сержанта.

— Приношу свои извинения, но не мог бы ты отдавать команды чуть тише? Видишь, малыш уснул — ему необходим дневной сон.

Майор Ловкач Леволоп, марширующий во главе Отряда, улыбнулся, представляя себе Грома в роли заботливой нянюшки.

— Не переживай, Гром. Как только скороход Перхлест и Тарри доберутся до аббатства, они первым делом найдут барсучью нянюку, так что ты сможешь отдохнуть от малыша, поболтать наконец с товарищами и хорошенько подкрепиться на кухне.

Гром мечтательно улыбнулся:

— О, кухня Рэдволла... Ведите меня туда!

Настоятельница Пижма и Арвин в сопровождении выдр и старшин выстроились в воротах аббатства, приветствуя Дозорный Отряд. Капитан Молния дала команду «вольно» и тепло обняла Пижму.

— Матушка настоятельница, как чудесно снова видеть Вас! Вы прекрасно выглядите!

— Молния, какая приятная неожиданность! Добро пожаловать в аббатство!

Те, кто были уже знакомы, радостно приветствовали друг друга; остальные быстро перезнакомились и тут же стали друзьями. Жители Рэдволла восхищались зайцами из Дозорно-

го Отряда, такими элегантными в мундирах с медалями и ленточками, такими непринужденными и искренними в общении. Каждый рэдволлец втайне мечтал быть похожим на них: веселых, добрых и вежливых, но в то же время беспощадных к врагам и бесстрашных.

Майор Ловкач Леголап подмигнул Командору выдр:

— Предлагаю, дружище, всем присоединиться к нам в парадном марше и войти в аббатство единым отрядом.

Командор вытянулся по стойке смирно.

— Прекрасная идея, майор. Отряд, стройсь! По четыре в шеренгу становись! Арвин, Шэд, впереди колонны со мной и с майором! Парадным маршем вместе с нашими гостями шагом марш!

Майор Ловкач Леголап поднял саблю над головой и скомандовал:

— Руббадуб, парадный бой!

Малыши запрыгали, с восторгом повизгивая от любопытства и нетерпения. Капрал Руббадуб двинулся вперед, взмахивая лапами так, словно в них были барабанные палочки, а на шее висел огромный барабан.

— Бубуми! Бубуми! Бу-бумбу-бумбу-буми! Тутумм! Тутуми! Ту-туруру-туруру-рум!

С громким криком «ура», лихо отбивая лапами такт, отряд двинулся вперед по лужайке в лучших традициях военного парада. Таммо и Валери Валериана шли в шеренге с поваром Пончиком и кротенком Губби, возбужденно переговариваясь. Бельчонок сообщил им потрясающие новости:

— Вы появились как раз вовремя, ребята. У нас сегодня праздник, настоящий пир! Отмечаем день рождения трех совят.

Обычно такой спокойный голос Валери радостно дрогнул.

— Да что ты! И мы на самом деле будем гостями на знаменитом рэдловском пире!

Губби, подпрыгивая под барабанный бой, схватил ее за лапу:

— Ой, вы себе даже не представляете, какая будет вкуснятина, хурр-хурр! С ума можно сойти!

Когда они вошли в аббатство, те зайцы, которые никогда раньше не были в Рэдолле, отправились на экскурсию в сопровождении радостных малышей. Остальные рэдовльцы пошли по своим делам готовить праздник, а настоятельница и старшины отправились в Пещерный зал с майором Ловкачом Леволопом, Громом Стальная Челюсть и сержантом Ястребом. Там им предложили легкие прохладительные напитки, засахаренные фрукты, красносмоудиновую наливку, и беседа потекла рекой. Пижма внимательно слушала о приключениях, которые зайцы пережили за последние дни, и печально смолкла, услышав о смерти Руссы Бездомы, которая когда-то бывала в аббатстве. Когда рассказ был закончен, Гром распеленал барсучонка и протянул настоятельнице драгоценную ношу.

— Вот, о нем-то мы вам и рассказывали. Этот богатырь сопровождал нас до самых стен аббатства.

Пижма нетерпеливо протянула лапы и взяла маленький сверток. Отвернув краешек, она посмотрела на барсучонка. Он был еще совсем крошечный, не старше одного сезона. Мирно лежа на спине и подвернув лапки, малыш широко зевнул и открыл ласковые черные глаза. Пижма вытащила его и оглядела со всех сторон. Спина у барсучонка была серебристо-

серой, а грудь и лапки — бархатно-черными. У него были влажный коричневый носик и белоснежная голова, разделенная пополам двумя густыми темными полосами, бегущими между глаз.

Краклин осторожно прикоснулась к лапкам:

— Ну надо же! Только посмотрите! Да он будет великаном!

Пижма тихо рассмеялась и погладила малыша по крошечным белоснежным ушам.

— Добро пожаловать в аббатство, маленький господин. Да ведь у него же еще нет имени! Как мы его назовем?

Малыш потянулся к ней, причмокивая:

— Ня-ня! Ня-ня!

— Он все время повторяет это, — объяснил майор Ловкач Ловолап. — Это единственное слово, которое он знает. Видимо, так он называл барсучиху, которая была убита. Возможно, она действительно была его няней или бабушкой. Мы никогда не узнаем, к сожалению, кто были его родители. Там, где мы его нашли, не было никаких следов их пребывания. Если бы рядом с малышом было два больших барсука, враги никогда бы не напали.

Кротоначальник Перекоп взял засахаренный орешек и вложил его в лапки малыша. Тот тут же начал есть, облизываясь.

— Хурр, — сказал Перекоп, — может, ты и сиррота, малыш, но с аппетитом у тебя все в порядке!

Пижма послала за грибным супом со сметаной, и, когда его принесли, сама покормила барсучонка. Это не мешало всем продолжать разговор. Рядвольцам ничего не было известно о Бродягах; других врагов тоже не было замечено в окрестностях аббатства. Ар-

вин объяснил, в чем заключается опасность нынешнего положения с южной стеной, и рассказал о планах ее восстановления.

Когда обсуждение закончилось, барсучонок как раз доел суп и заснул на руках настоятельницы.

Майор Ловкач Леголаз серьезно выслушал рассказ о проблемах, которые встали перед аббатством и его обитателями. Он поднялся. Решение было принято.

— Итак, моя обязанность офицера — охранять незащищенных. Пока стена не будет восстановлена в ее первоначальном виде и аббатство не окажется в безопасности, Дозорный Отряд будет с вами и будет вас охранять. Госпожа Крегга, будь она здесь, приказала бы мне поступить именно так. Если Вы согласны, я и мой отряд поступаем в Ваше полное распоряжение.

Низко поклонившись, майор протянул шпагу настоятельнице, и Пижма осторожно дотронулась до нее.

— Благодарю вас, майор. Я уверена, что говоря «спасибо», говорю от лица аббатства и выражаю нашу признательность вам и вашим воинам. Мы принимаем ваше предложение.

Кротоначальник Перекоп добавил, как всегда по сути:

— Здорово! Если мы закончили обсуждение, вы можете присоединиться к нашему пирру!

Только один факел светился у платформы, построенной кротоми над таинственной дырой. Бледные отсветы падали вниз, слабо освещая пропасть. Там, на дне, еле заметно шевелилось что-то влажное, чешуй-

чатое, с острыми зубами. На миг показались глаза, сверкнули голодным блеском — и снова скрылись. Существо не торопилось: оно знало, что рано или поздно те, кто приходили сегодня и переговаривались там, наверху, вернутся и спустятся вниз, и тогда оно утолит свой голод... Обвинившись вокруг большого камня, оно выжидало.

Чихун сидел на солнечном склоне, подставив нос полуденным лучам. На костре в старом шлеме варился суп из головастика и речных водорослей. Крыса бросила взгляд на приближающегося приятеля и сделала вид, что полностью поглощена приготовлением обеда.

Чесун подошел, мокрый и дрожащий. Между ушами у него выросла огромная шишка. Он подсел к костру погреться.

Чихун спросил, не глядя на бывшего друга:
— Ну, как тебе понравилось в офицерской шкуре?

Голодный Чесун с тоской понюхал варево в шлеме и ответил:

— Ну, это... короче, я больше не офицер, браток... Вкусно пахнет!

Чихун помешал ножом суп.

— Ты мне больше не браток, так-то. И вообще, почему ты не в реке по горло в воде? Кажется, там я видел тебя в последний раз.

— Все сбежали ночью с Бором и Сигом. А меня бросили.

— Бросили? Что же ты сам не пошел за ними? Или приятнее было морозить хвост в реке?

— Ну, это... Меня ударили... по голове...

— Ха-ха-ха! По такой голове что бей, что не бей — все едино! Ну и что было потом?

— Ну, это... Я пришел в себя и позвал на помощь. Лорд Дамуг послал отряд им вдогонку, а мне сказал, что я — молодец. Идиот, но молодец, да, именно так и сказал. Вот... а потом добавил, что из меня офицер разведки — как рыба из головастика, и отправил обратно в солдаты. Так что мы теперь опять вместе, братан!

Чихун даже фыркнул, снимая шлем с огня и ставя на ветки.

— Ха, ты что думаешь, ты вот так запросто пришел и мы снова стали друзьями? Может, мне тебя еще и угостить? Иди-ка ты к своим дружкам-офицерам, пусть они тебя покормят!

Но Чесун, похоже, не собирался уходить. Он сидел у костра и осторожно трогал шишку на голове. Вдруг, словно вспомнив что-то, он вскочил и схватился за мокрую сумку:

— Послушай, а это не сгодится для твоего супа? Я случайно поймал ее, стоя в реке, — и он вытащил большую, переливающуюся на солнце рыбу.

Чихун чуть не опрокинул суп, бросившись вперед.

— Сгодится, браток, конечно, сгодится! Давай я ее почищу, а ты пока иди и набери побольше веток для костра, чтобы мы могли ее поджарить. Я даже отдам тебе самые вкусные кусочки — хвост и голову, это ведь ты ее поймал; а я съем невкусную серединку, мне этого достаточно.

Чесун радостно улыбнулся:

— Так значит, мы снова друзья?

Чихун изобразил ответную улыбку:

— Ну коне-е-чно! Я подшучивал над тобой, мы ведь всегда были друзьями! Ты знаешь мой девиз: если не можешь обогреть и накормить друга, то чего ты вообще стоишь?

И хотя Чесун никогда не слышал от Чихуна подобного девиза, он радостно побежал за ветками для костра.

Дамуг сидел у кромки воды на корточках, затачивая клинок о плоский прибрежный камень и мрачно отдавая распоряжения капитанам:

— Здесь полно еды и воды. Мы разобьем лагерь и будем ждать, пока не поймают Бора и Сига с остальными предателями. Когда же их поймают, я их так накажу, я им такую публичную казнь устрою, что никто никогда не помыслит о неподчинении мне, Дамугу Клыку! Гадусс, у нас нет теперь разведчиков, так что бери с собой пятнадцать солдат и отправляйтесь на север. Даю два дня на разведку. Если вы раньше найдете что-то, сообщить немедленно!

Горноста́й Гаду́сс отдал честь:

— Будет исполнено, ваше Острейшество!

К концу дня река стала расширяться, приближаясь к большим холмам, укрытым соснами и елями. Лог-а-Лог, командир Гуосима — Партизанского Союза землероек, старательно чистил днище перевернутой лодки, вытащенной на берег, соскребая с нее мох. Ему помогала землеройка Фрэкл.

Они ненадолго прервали работу, глядя на удящих рыбу товарищей. Фрэкл сняла мох с рапиры и мотнула головой в их сторону:

— Здесь много креветок — вода такая чистая!

Лог-а-Лог провел лапой по только что вычищенной поверхности днища и одобрительно кивнул:

— Да, вода здесь — что надо. И мидии есть. Ну, давай за работу, и не оглядывайся на соседний холм. Эти узколобые Бродяги — те, что атаковали нас вчера, — похоже, снова следят за нами.

Фрэкл сказала куда-то в сторону:

— Да я уже заметила солнечные блики на оружии там, вверху, в зарослях. Что будем делать, командир?

Лог-а-Лог спокойно продолжил чистить лодку.

— А ничего. Просто предупреди ребят, чтобы вели себя как ни в чем не бывало. Пусть незаметно переместятся ближе к лодкам, лукам и стрелам. Если враг попытается вновь атаковать, дадим достойный отпор, вот и все.

Пыхтя и задыхаясь от долгого бега, Бор, Сиг и еще сорок Бродяг залегли в зарослях на вершине холма, наблюдая за землеройками. Бор не мог отвести взгляда от мешков, временно выгруженных на берег.

— У нас нет времени на то, чтобы добывать еду самим. Мы должны забрать эти мешки, если намерены идти дальше на юг.

Но один из беглецов подполз ближе к Бору и прошептал ему на ухо:

— Капитан, это — те самые звери, с которыми мы сражались вчера. Они могут драться как волки. Их маленькие шпаги очень опасны. Видели бы вы, как самый старший из них, командир, в три счета расправился с Шашлыком.

Но Сиг, слышавший этот разговор, только брезгливо поморщился.

— Брось ты эту трусливую чушь! Кем был Шашлык и кто мы? Мы — настоящие офицеры. Да я расправлюсь с этим командиришкой, не вынимая лап из карманов! Что такое маленькие речные землеройки для нас с Бором? Так, мелюзга, гы-гы-гы! А они там что-то готовят. Ммм... Похоже, печенье или пирог.

Бор холодно усмехнулся, почесывая грудь:

— Что бы они ни готовили, братан, скоро мы это съедим. Давайте вперед! Да пригните головы, когда будете спускаться с холма.

К этому времени все лодки землероек были тщательно вычищены и стояли на якоре у берега. Лог-а-Лог и его землеройки стояли вокруг костра. Все делало вид, будто ничего не происходит, но были готовы в любой момент отразить атаку врага. Лог-а-Лог тихо отдавал команды:

— Скубби, Шалла, возьмите лучников и спрячьтесь под лодками. Спикль, Приз, спрячьтесь за вон теми большими камнями со своей командой. Гребцы и Фрэкл, вы остаетесь со мной. Будьте готовы в любой момент прыгнуть в лодки и отчалить. Враг начи-

нает спускаться, но пока еще далеко. Если будем атаковать, держитесь подальше от основного течения, поближе к берегу.

Крыса по имени Хинбит оценила ситуацию мгновенно. Окинув взглядом склон и реку, она бросилась обратно к Скаупу, хорьку, ведущему отряд по следам беглецов. Примчавшись со скоростью звука, Хинбит стремительно отдал честь и выпалил:

— Бор и Сиг впереди! Они начали спуск с холма, чтобы пересечь реку и атаковать лагерь землероек.

Скауп быстро принял решение:

— Разбиваемся пополам! Дропер, ты со своей половиной окружай их справа. Я пойду вдоль берега. Не дадим им уйти! На землероек не обращайтесь внимания, мы здесь не для того, чтобы сражаться с ними, а для того, чтобы вернуть беглецов в лагерь Дамуга.

Бор и Сиг уже почти спустились с холма, и тут лис прошептал приятелю:

— Эй, а ты не думаешь, что они нас заметили? Я мог бы поклясться, что старый плут, их командир, уже поглядывал в нашу сторону.

Бор в это время подгонял своих солдат. Он бросил через плечо:

— Гы-гы, ты чего, браток? Да если бы они нас увидели, мы бы уж точно об этом знали.

Спуск занял намного больше времени, чем предполагал Сиг. Но все было тихо, и смутное беспокойство передалось Бору.

— Не нравится мне все это. Землеройки, должно быть, слепые, раз они до сих пор не заметили нас.

Смотри, пока мы спускались, у них в лапах появилось оружие!

Горноста́й хмуро взглянул на лиса.

— Вовремя же ты мне об этом сказал, — хмыкнул он, — да какая разница, вооружились они или нет. Мы что, боимся кучки каких-то жалких землероек? Подтянись! За мной! В атаку!

С криками и улюлюканьем они бросились в воду, но там были окружены с трех сторон. Лог-а-Лог и землеройки стреляли стрелами и камнями, а уже в следующий миг Дропер и Скауп окружили их справа и слева. Это было полное поражение Бора и Сига.

— Гуосим, опустить оружие! — скомандовал Лог-а-Лог землеройкам. — Мы здесь больше не нужны. Останемся в стороне и не будем вмешиваться, но не дадим ни одному из врагов пересечь реку.

Они стояли и смотрели, как беглецы, окруженные бывшими товарищами, не могли двинуться ни вперед ни назад. Они были легкой мишенью, и одни падали от стрел и камней, а другие, зная, что их ждет, попади они в лапы Дамуга, отчаянно сражались, пытаясь прорвать окружение и убежать.

Землеройки смотрели из лодок, ужасаясь беспощадности врагов. Фрэкл отвела глаза, не в силах выдержать подобного зрелища.

— Они же из одного отряда! Они сражались вместе бок о бок! Как они могут просто-напросто взять и перебить друг друга?!

Лог-а-Лог не отводил взгляд, глаза его были прищурены.

— Они бандиты, у них нет принципов. Они готовы перебить собственную семью ради легкой добычи.

В конце концов осталось только десять беглецов. Все остальные лежали, сраженные, на мелководе и на склоне холма.

Скауп зло ухмылялся, таща на аркане Бора.

— Его Острейшество Дамуг будет счастлив, что вы с лисом вновь окажетесь у него в лапах, предатель.

Связанные по всем четырем лапам, заарканенные недавние беглецы плелись вдоль берега, подстегиваемые плетками. Скауп обернулся и посмотрел на Гуосим в лодке.

— Сегодня вы легко отделались! — крикнул он Лог-а-Логу. — Но вы убили много Бродяг вчера! Мы не забудем этого, мы еще встретимся!

Скауп поднял вверх лапу и пригрозил кулаком. Ни слова не говоря, не меняя выражения лица, Лог-а-Лог натянул лук и пустил стрелу. Она вонзилась прямо в угрожающую лапу Скаупа.

— Да, мы убили несколько Бродяг, — крикнул командир Гуосима, — и мы убьем еще больше, если вы не уберетесь из этих мест! Я предупреждаю тебя в следующий раз моя стрела попадет не только в лапу. Мы — меткие стрелки.

И действительно, стрелки Гуосима с луками наготове неожиданно выросли на берегу, ожидая лишь команды командира.

Лицо Скаупа исказила гримаса ярости и боли. Он посмотрел на стрелу, пробившую лапу, потом на нацеленные в них луки и взвизгнул:

— Мы встретимся, мы еще встретимся! Клянусь!

Но в ответ донеслись лишь насмешливые крики:

— Не забудь вернуть нашу стрелу! У нее дорогой наконечник!

Скауп чуть не падал. Дропер подставил ему плечо со словами:

— Садись, капитан, я вытащу эту гадость из твоей лапы.

Но хорек грубо оттолкнул его.

— Не здесь, уйдем подальше!

Землеройки смотрели им вслед, пока последний Бродяга не исчез за поворотом реки.

Лог-а-Лог погладил короткую седую бороду:

— Да, то, что мы сегодня видели, друзья, кое о чем говорит. Если они могут позволить себе убить больше тридцати собственных воинов, то сколько же их в армии? Полагаю, очень много... Ладно, давайте-ка поплывем вниз по течению да выйдем на середину, где оно быстрее. Надо скорее добраться до аббатства Рэдволл и предупредить, что грядет опасность.

День клонился к вечеру. Отряд двигался вперед. Альгадор Быстроскок обернулся в том направлении, где уже давно исчезла из виду крепость Саламандастрон, и присвистнул:

— Ну и далеко ж мы уже забрались!

Сержант строевой подготовки Удар Булава строго напомнил:

— А ну прекратить разговоры в строю! Саламандастрон далеко, но я все еще близко, я все слышу! Лапы выше, раз-два!левой-правой,левой-правой!

Сто пятьдесят зайцев Дозорного Отряда, стар и млад, стремительно продвигались вперед во главе с Красноокой Креггой, на плече которой грозно поблескивал огромный бердыш.

Небольшой зайчонок Словохот все время спотыкался и сбивался с шага, иногда наступая на пятки впереди идущим.

— Ой, извините, — приговаривал он, — опять эти лапы! Никак не хотят слушаться! Правой-левой!

Шишечка сокрушенно покачала головой, наблюдая за ним.

— Эх ты — все перепутал.левой-правой — вот как надо!

Сержант Удар Булава громко скомандовал:

— Отряд, стой, раз-два! Словохот, к тебе это тоже относится!

Отряд замер в ожидании следующей команды.

— Первый Полк, вольно! Фуражиры, принести воды и веток! Повара, приступить к прямым обязанностям! Капрал Элбриг, назначить первую смену караула! Остальные — разбить лагерь, вычистить оружие!

Зайцы бросились кто куда исполнять приказ, и вскоре лагерь был разбит, караул назначен, костры разведены.

Альгадор и его друзья сидели у небольшого пруда, свесив в воду усталые горячие лапы. Пушистик даже лег на спину, жалуясь кому-то наверху:

— Вы только подумайте, маршировать весь день и весь вечер! Я боялся, сержант заставит нас и ночь провести в пути. Смотрите, вода дымится над моими несчастными лапами!

Внезапно над ними раздался зычный голос сержанта:

— Быстро вынуть лапы из воды! Она предназначена для питья, а не для купания! Словохот, что ты там делаешь?

— Укладываюсь спать, сержант. Спокойной ночи! Шея Удара Булавы напряглась, он весь побагровел и взревел:

— Что?! Спать?! Кто давал тебе команду «спать»? Сначала привести в порядок вещи и оружие, а потом в строй, негодник, — построение к ужину! И никаких «спать» — ты во втором карауле!

Словохот зашарил по земле в поисках вещей, которые надо приводить в порядок, сонно бормоча:

— Мамочки мои, что же это такое? Я хочу домой, хочу спать, я не готов ко всему этому!

— Не расстраивайся, — успокоил его заяц постарше, Шенгл Большестоп, — тяжело в учении — легко в бою! Давай я поменяюсь с тобой: я назначен в первую смену караула, а пойду во вторую. Ты постоишь вместо меня, а потом сможешь подольше поспать, идет?

Когда ужин закончился, Удар Булава отправился на дальний берег пруда, где сидела Красноокая Крегга, шлифуя бердыш. Она оторвала взгляд от работы и посмотрела на сержанта:

— Ну, как они?

— Приспособятся, дайте время. Поначалу всегда тяжело. Вот если бы завтрашний переход был менее стремительным и длинным...

В глазах Крегги вспыхнуло пламя.

— Мы двинемся еще стремительнее и покроем еще большее расстояние. Они солдаты, и чем раньше они это осознают, тем лучше. Мы не на пикник идем, пусть будут готовы к тому, что им предстоит. Свободен, сержант!

Сержант вытянулся по стойке смирно и отдал честь:
— Слушаюсь!

Удар Булава склонился к своим вещам. Кто-то заботливо расстелил походную постель, чтобы он мог сразу лечь и уснуть. Но сержант не один раз ходил в походы. Прежде чем лечь, он отогнул краешек одеяла палкой: перед ним лежал пучок крапивы поверх мокрого песка.

Он лег на сухой край постели и нарочито громко закричал:

— Ой-ой-ой! Кто положил сюда эту гадость? Ну, хитрюги, завтра я вам такое устрою, что сегодняшний день покажется выходным!

В ответ донеслось сдавленное хихиканье. Сержант улыбнулся и закрыл глаза. Хорошие ребята. Он может им стать настоящими воинами, он постарается.

По приказу Дамуга горноста́й Гадусс с отрядом весь день продвигался на север Леса Цветущих Мхов. Ночью он не позволил разводиться костры, а с рассветом они снова двинулись в путь. Но стоило им пройти несколько шагов, горноста́й подал сигнал замереть и указал на мелькнувшего среди деревьев зверя. Тот продвигался короткими перебежками, озираясь и пытаясь держаться в тени.

Гадусс вытащил из-за пояса промасленную удавку, сплетенную из сухожилий, и, намотав на обе лапы, бесшумно прокрался и притаился за толстым стволом ясеня. Как только зверь поравнялся с ним, Гадусс стремительно выпрыгнул и накинул удавку ему на шею.

Прохвост, а это был именно он, забился в цепких лапах горноста́я, хватаясь за горло. Хорьку повезло:

у него был посох, которым он ткнул назад изо всей силы, спасаясь от укуса в сонную артерию.

Оба упали и покатались по земле, рыча и колотя друг друга. Отряд Гадусса бросился на помощь, разнимая дерущихся. Когда их наконец растащили, Гадусс удивленно уставился на противника.

— Как, Прохвост, это ты?! Что ты здесь делаешь?!

Хорек потирал шею — удавка оставила на ней заметный след.

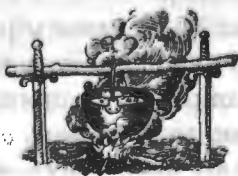
— Я пробирался к армии Гормада Тунна. Короший же прием ты мне устроил, чуть не задушил!

Гадусс заткнул удавку за пояс, он не выглядел виноватым.

— Выходит, ты ни о чем не знаешь? Гормад Тунн умер, и Бирл тоже. Теперь Дамуг Клык — Острейший Меч всех Бродяг. Где тебя носило?

Прохвост сел на пенек и ответил:

— Это долгая история, приятель. Наш корабль разбился у северных берегов. Через что только я ни прошел! Я один остался в живых, из всей-то команды. Но не это сейчас главное. Отведи-ка ты меня лучше к Дамугу Клыку, и поживее. У меня для него такие новости — не пожалеете!

В саду аббатства Рэдволл накрывали столы по случаю дня рождения совят. Поваренок Пончик руководил помощниками, следившими за тем, чтобы еда не остыла и не подгорела. Цветущие груши, яблони и сливы осыпали лепестками собравшихся — это было так красиво и весело!

Трое совят сидели на подушечках за столом рядом с мамой. Барсучонок лежал в старинной плетеной корзине, выстланной мягким душистым мхом. Таммо и Валери сели вместе, между Арвином и Кротона начальником. Настоятельница Пижма сидела в своем именном кресле, которое

для нее специально вынесли из Большого зала. Она сияла; нежно-кремовая ряса с бледно-зеленым кушачком была ей очень к лицу. Малыши сплели ей венок из ромашек, который ежика с удовольствием надела, немного сдвинув набок.

Столы ломились от угощений. Гром Стальная Челюсть решительно взял нож и вилку. Ему с пониманием кивнули Порция и Топотун, придвигая поближе к себе кувшин октябрьского эля.

— Хурр, похоже, господин намерен хоррошенько подкрепиться!

Сержант Ястреб с аппетитом смотрел на чашу со свежим весенним салатом.

— Простите, что вмешиваюсь, — сглотнул он слюнки, — но он не единственный, кто немного проголодался на походной диете, не так ли, Руббадуб?

Руббадуб улыбнулся, затмив на миг солнце.

— Да-дада-дамм! — выбил он.

Настоятельница Пижма вежливо обратилась к майору Ловкачу Леголапу:

— Как наш гость вы, должно быть, желаете произнести тост?

Майор, тоже изрядно проголодавшийся, элегантно промокнул губы белоснежным платком и встал:

Благодарю удачу,

Что мы сегодня здесь.

Друзья, мы живы — значит,

Мы будем пить и есть!

— Ура! — раздалось в ответ. — Прекрасный тост!

И все собравшиеся за столом с удовольствием подтвердили слова майора о еде и питье. В Рэдволле бы-

ло не принято церемониться, равно как строго соблюдать последовательность блюд. Каждый мог начать, с чего хотел, — хоть с салата, хоть со сладкого, и есть, чередуя суп с вареньем, жаркое — с медовыми пряниками. Можно было пробовать то, что лежит на тарелке у соседа, и все охотно потчевали друг друга.

На радостный гомон голосов прилетел Таунок. Он опустился на скамеечку рядом с совятами и с восторгом воззрился на них:

— Какие они красивые! Как они похожи на меня!

Настоятельница с улыбкой обратилась к Орукке:

— Вы уже дали им имена?

— Совы никогда не дают имена совятам. Детки сами сообщат нам, как их зовут, как только научатся говорить.

Настоятельница повернулась к Краклин:

— А как же барсучонок? Его-то как назовем? Внимание, внимание всем! Давайте придумаем имя нашему маленькому гостю!

Краклин задумчиво пожевала губами и осторожно сказала:

— Мне кажется, Гром Стальная Челюсть, который нянчился с малышом так долго, уже решил, как его надо назвать.

Гром оторвался от гор салата, сыра, сладких пирожков и солений на своей тарелке, быстро вытер рот салфеткой и встал:

— Да, лучше еды может быть только больше еды... А что касается имени, я действительно уже думал об этом и считаю, что назвать барсучонка надо в честь Руссы, которая спасла ему жизнь, — Руссано.

Капитан Молния согласно кивнула.

— Хорошее имя! — Она подняла кубок: — За Русса-
сано!

Все подхватили, дружно чокаясь:

— За Руссано! Долгих ему сезонов!

— И пусть всегда помнит свою добрую нянюшку по имени Гром Стальная Челюсть! — добавил лейтенант Морион и пригнулся, смеясь, потому что Гром запустил в него морковкой.

Зараженная всеобщим весельем Краклин поднялась и исполнила рэдволльский гимн именинникам:

Сим малым,
Удалым
Желаем расти
И вырасти в холе, тепле и чести,
Не ведая холода, голода, страха,
И чтобы счастливой была та рубаха,
В которой на свет появились они
На долгие, долгие, долгие дни!
Чтоб ими во славу родимой земли
Родные по праву гордиться могли!

Майор Ловкач Ловолап похвалил, громко аплодируя:

— Прекрасно, замечательная песня! Ребята, Давайте-ка теперь Дозорный Отряд поприветствует малыша так, как принято в Саламандастроле!

Таммо не очень понял, что от него требуется, но был рад тому, что и он вместе с зайцами может принять участие в поздравлении от имени Дозорного Отряда. Он вытащил кинжал и, глядя на то, как это сделали другие, приложил клинок к краю корзины, в которой лежал барсучонок. Малыш серьезно смот-

рел на веер острых лезвий, развернувшийся перед глазами, и, казалось, внимательно слушал слова майора:

Мы, Дозорный Отряд, с оружием в лапах торжественно
обещаем:

охранять и оберегать тебя столько сезонов,
сколько потребуется для того, чтобы ты вырос сильным
и бесстрашным.

Отныне наши жизни принадлежат тебе, маленький Руссаю.
Еу-ла-ли-а!!! Еу-ла-ли-а!!!

— Разорви меня горностаи! — прошептал командор на ухо Арвину. — У меня шерсть встает дыбом от их боевого клича!

Арвин улыбнулся в ответ:

— Да уж, у меня тоже, дружище. Но ты обратил внимание на Руссаю? Он даже глазом не моргнул! Держу пари, он вырастет бесстрашным воином.

— Я слышал, зайцы не умеют петь! — крикнул звонарь Дингдон. — Это правда?

Валери Валериана положила лапу на плечо Руббадуба:

— Где же вы такое слышали, господин? А ну, ребята, вставай в два круга, один внутри другого! Те, кто снаружи, кружитесь вправо; те, кто внутри, — влево! Мидж, Перехлест, покажите пример! Руббадуб, задай нам ритм! Я буду петь, вы подпевайте. Песня называется «Зайцы на горе».

Зайцы повскакали с мест и, подхватив под лапы остальных, закружились в хороводах. Руббадуб широко улыбнулся и принялся выбивать изысканную дробь в воображаемые барабаны:

— Памм-пара-ра-рампам! Памм-пара-рамм!!! Пумм-пуру-ру-румпом! Пумм-пуру-рум!!!

Казалось, все аббатство закружилось вместе с веселыми хороводами, а деревья еще больше расцвели под пение и смех. Мышка Слочечка набила карманы сахарными орешками так, что они затрещали по швам, и бросилась играть в прятки с другими малышами. Губби уже набрал соломинок и отломил кончик у одной из них. Зажав пучок в лапке, он предложил всем тянуть жребий на то, кто будет водить первым. Короткая соломинка досталась ежонку по имени Глазастик, ему завязали глаза широкой лентой и поставили лицом к яблоне. Глазастик начал счет:

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...

Малыши с визгом бросились врассыпную, стараясь спрятаться прежде, чем Глазастик кончит счет.

— Кто не спрятался, я не виноват!

А в это время кроты прикатили новый бочонок октябрьского эля.

Порция стукнула кулачком по бочке и под всеобщее ликование выбила пробку, которая вылетела с глухим хлопком. Командор и выдры тут же подлетели, подставляя кубки под темную пенящуюся струю. Сержант Ястреб вытер усы тыльной стороной лапы, облизнулся и, громко чокнувшись со скороходом Перехлестом, залпом осушил кубок.

Потом он положил лапу на плечо Порции и доверительно предложил:

— А что бы вы сказали на то, чтобы перебраться в Саламандастрон и стать Хранительницей запасов Великой Крепости? Вы только подумайте, сколько зайцев живут там, лишенные возможности отведать вашего восхитительного октябрьского эля!

Кротиха так смутилась от комплимента, что даже закрыла лицо передником.

— Благодарю вас, господин... Вы очаровательны... Но я никогда не уеду из аббатства, хурр...

Лукаво глядя на Ястреба, Пижма пожурела его:

— Нехорошо, сержант, переманивать нашу Хранительницу в Крепость. Вам должно быть стыдно! Но, раз уж вам так понравился октябрьский эль, что вы на все готовы ради него, я предлагаю вам взять с собой в Саламандастрон столько бочек, сколько вы сможете унести.

Услышав это, Гром Стальная Челюсть обхватил огромной лапой бочонок и попытался приподнять... Тщетно! Он даже не смог сдвинуть его с места.

Сержант уныло посмотрел на Пижму.

— Спасибо за щедрое предложение. Вы очень добры!

Вдруг к столу подбежал малыш-ежонок, размахивая лапками и крича прерывающимся голосом:

— Скорее, скорее, идемте со мной!

Арвин приподнял его и усадил на край стола.

— В чем дело, дружок, расскажи нам спокойно.

Но Глазастик мгновенно соскочил со стола и еще настойчивее прокричал:

— Мы играли в прятки, и Слоечка упала в яму!!!

Шад, Хранитель ворот, взволнованно переспросил:

— Ты хочешь сказать, она свалилась в пропасть под южной стеной?!

Запыхавшийся, заплаканный ежонок горько закивал в ответ:

— Да, да, так и полетела в эту ужасную темноту!

Выдры и зайцы молнией бросились туда; Арвин указывал дорогу.

Падение Слоечки было прервано ревушим далеко внизу потоком. Быстрое течение чуть не унесло малышку в недра земли, но вдруг что-то выдернуло ее за лямки передника и выбросило на берег. Едва осознавая, что случилось, она хотела встать, подняла глаза и тут закричала от страха: лежащий кольцами канат, толстый и омерзительно-чешуйчатый, зашевелился и снова с силой толкнул ее. Что-то лизнуло лапку, трепещущими ноздрями она ощутила горячее зловонное дыхание, и длинный, удовлетворенный выдох ударил ей в лицо:

— Ааааааххххх!

112

Наша олимпиада открылась 15 июля 1941 года в Москве.

Маммо с Арвином, майором Ловкачом Леволапом и командором склонились над бездонной дырой. За спиной раздался уверенный голос Шэда капитана выдр:

— Отойдите назад! Назад, платформа может обрушиться!

Накрутив на лапу конец крепкой веревки, майор привязал к другому ее концу светильник и стал спускать в яму. Арвин крикнул:

— Слочка, ты слышишь меня?!

Дикий вопль ужаса донесся в ответ. Майор схватил командора за лапу, прошептал:

— Смотри!

Внизу, на берегу темного потока, Слоечку оплетал кольцами огромный речной угорь. Его бурая спина и грязные бока переливались в тусклом свете, он извивался как змея, щелеобразная пасть обнажала острые зубы. Казалось, он наслаждается ужасом жертвы, предвкушая вкусный ужин.

Командор судорожно отер пересохшие губы и прокричал:

— Не двигайся, крошка, замри и не шевелись!

Не отрывая взгляда он страшной сцены, Арвин прошептал:

— Великие сезоны, что делать?

Но командор уже все решил. Вырвав кинжал у Таммо, он перемахнул через ограждение:

— Я верну его, Тамм! Сейчас главное — действовать. Кто-нибудь один, спускайтесь по веревке и вытаскивайте малышку, болтать некогда!

И, зажав нож в зубах, командор нырнул вниз головой.

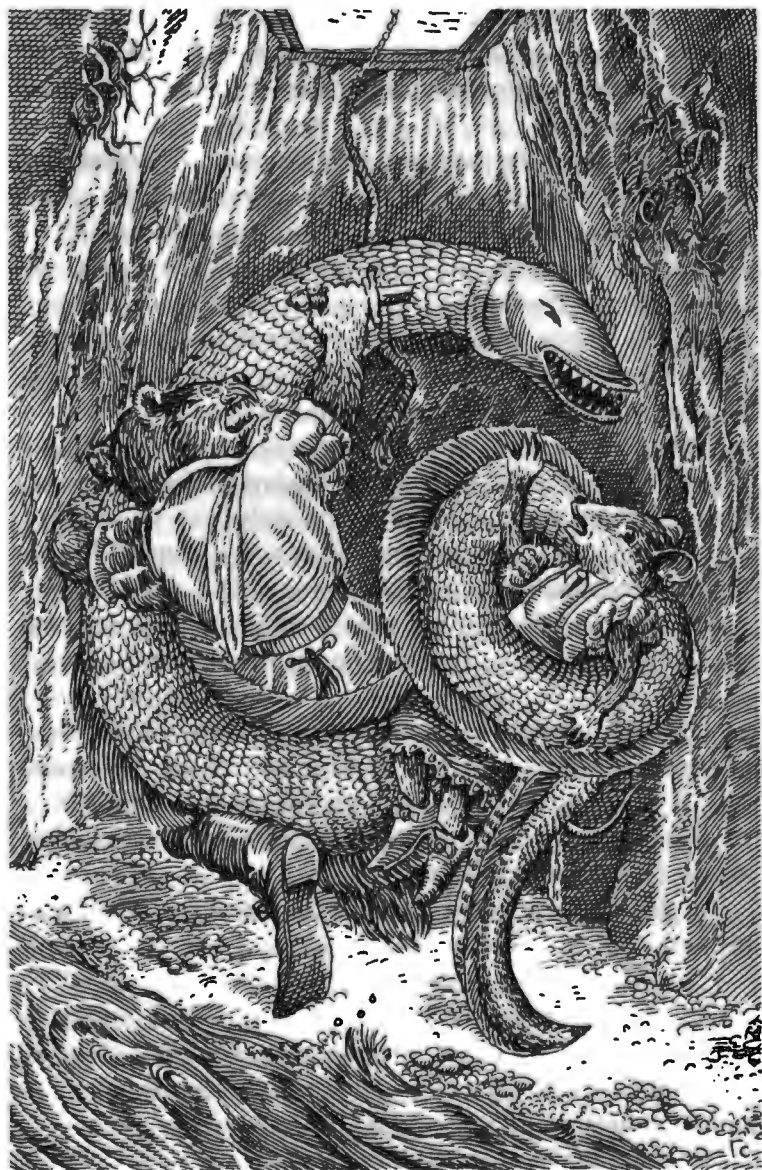
Слоечка отчаялась, но вдруг услышала громкий всплеск, а следом за ним решительный клич:

— Рэдва-о-о-о-лл!!!

Угорь замер и вдруг быстро вильнул в сторону, с размаху вонзив зубы в плечо командора, одновременно оплетая его влажными стальными кольцами. Выдра мгновенно отреагировал: он тоже вонзился зубами в спину угря и ударил кинжалом. Туго сцепившись в смертельной схватке, они скатились в ревущий поток, который тут же подхватил и увлек их за собой в недра земли.

Арвин с майором уже хотели спускаться, но Таммо опередил их и стремительно съехал по веревке вниз, крикнув только:

— Я легче вас, меня проще будет поднять вместе с малышкой!

Слоечка лежала на берегу, освещенная дрожащим светом пламени. Она дрожала всем телом. Таммо мягко спрыгнул рядом и завернул ее в плащ, заботливо приговаривая:

— Вот так, все хорошо, все позади... Эта мерзость уплыла, ее больше нет. Сейчас я привяжу тебя, и мы выберемся отсюда.

Мышка смотрела на него огромными от ужаса, заплаканными глазами:

— Вы представляете, он меня чуть не съел!

Таммо погладил ее по голове, потом обвязал плащ, в который она была завернута, и, прицепив его к нижнему концу веревки, посигналил светильником:

— Поднимайте! Мне надо найти командора, эта гадкая тварь утащила его под воду!

Цепляясь за камни одной лапой, другой Таммо поднял светильник высоко над головой и вполз в бурлящий поток. Как он ни вглядывался в темноту, как ни вслушивался, — командора не было.

Плохие новости омрачили день, начинавшийся так весело. Про пир забыли. Майор рассказал рэдвольцам о том, что случилось. Они слушали молча.

Настоятельница Пижма смотрела на майора полными отчаяния глазами:

— Не может быть! Бедный командор... Неужели ничего нельзя поделать?!

Таммо вытер мокрые лапы о траву.

— Я тщательно осмотрел все, когда был внизу, — вздохнул он. — Поток уходит под землю — боюсь, командора утянуло. Он был храбрым. Никогда не думал о спасении собственной жизни.

Не поднимая глаз, Арвин сказал:

— Я видел его перед тем, как он прыгнул, и могу с уверенностью сказать: он ни перед чем не остановился бы ради спасения малышки. Командор был истинным рэдволльцем! — Голос его дрогнул.

Майор Ловкач Леголап стиснул эфес сабли.

К юго-востоку от аббатства Рэдволл ручьи, речушки и притоки текли тише, спокойно пересекая Лес Цветущих Мхов и сливаясь в единый широкий поток в низине. Здесь-то Лог-а-Лог и приказал оставить весла и лечь в дрейф.

Он сидел на носу первой лодки, тихо переговариваясь с Фрэкл, словно боясь нарушить покой и негу солнечных лугов. Ранняя стрекоза приземлилась рядом с ними и опустила большие переливающиеся крылья.

— Блаженное место! — с наслаждением вздохнул Лог-а-Лог. — Всегда мирно и тихо... Никогда не позволяю грести здесь — течение само несет лодки вперед. Смотри, Фрэкл, уже лето: водные лилии почти распустились, а там, чуть-чуть левее, камыши и осока. И купальницы... Видишь их круглые желтые головки на воде? Вот где благодать!

Фрэкл опустила в воду лапу, глядя, как тает недолгий тонкий след на темной поверхности воды. Вдруг совсем рядом прожужжала стрела и почти лениво, чуть под наклоном, вонзилась в борт. Откуда-то из-за поворота донесся грозный крик:

— Если ты враг, считай, что ты уже мертв!

Лог-а-Лог приподнялся и быстрым движением дал знак Гюсиму ничего не предпринимать. Потом, снова сев, он протянул, изображая долгий зевок:

— Эх, если бы твои мозги были в голове, а не где-то в другом месте, Гургун Гарпун... Будь на моем

месте враг, он давно вычислил бы тебя по запаху пищи, доносящемуся с твоих плавучих островов, которые ты называешь плотами!

Не успел Лог-а-Лог закончить фразу, как один из этих плотов показался из-за поворота реки и устремился к ним. С каждой стороны плота сидело по шесть ежей, отталкивающихся длинными шестами. Плот скользил быстро и легко. В центре находилась хижина, настоящее жилище, из невысокой трубы поднимался дымок. На натянутых веревках сушилось белье. На корме можно было заметить малышей, увлеченных игрой, в спасательных жилетках. Сразу становилось понятно, что на плоту живет сразу несколько семей тех, кого называли водноежами.

Главный Водноеж имел грозный вид. Гургун Гарпун был одет в высокие болотные сапоги, пояс украшал широченный ремень с большой медной пряжкой, на которой крепились топорик и кривая сабля. Колочки на голове ежа были дополнены длинными разноцветными перьями, что делало его в два раза выше, а мордочка была покрыта белой краской с крупными красными горошками.

Он опирался на большую палицу из рябинового дерева в форме огромной колотушки. Когда плот поравнялся с лодкой Гуосима, Лог-а-Лог перепрыгнул на него и бросился навстречу Гургуну. Они обнялись, шутливо толкая друг друга и похлопывая по плечам.

— Обманут ли глаза, когда в них отражается сам Лог-а-Лог! Приветствую тебя, Маленький Брат!

— Гургун Гарпун! Сколько лет, сколько зим! Все так же в перьях и огромных сапогах!

Из-за поворота реки показали еще несколько плотов и подплыли к ним. Вскоре образовалась целая

флотилия из плотов и привязанных к ним лодок. Повара-водноежи уже накрывали столы, бегая туда-сюда с кастрюльками горячей геркулесовой каши с сухофруктами и медом — основным ежиным блюдом. Вслед за этим на столах выросли стопочки горячих ватрушек с творогом и кружки яблочного сидра.

— Когда приступили к трапезе, ежата ели так, словно им предстояла многосезонная голодовка; родители их всячески поощряли:

— Возьми добавки, Тагги! Нет, Тагги еще ничего не съел... Ватрушки не больше кулака Тагги, они слишком малы, чтобы можно было насытиться. Здоровый еж ест больше! Тагги должен съесть вот это...

▲ Лог-а-Лог отказался от добавки, похлопав себя по животу:

— Нет-нет-нет! Я уже и так наелся до отвала, приятель!

▲ Гургун быстро переставил добавку себе и тут же опустошил тарелку. Он ел большой ложкой, сделанной из ракушки.

— Маленький Брат, скажи, — спросил он, когда закончил, — что привело тебя в наши края?

▲ Лог-а-Лог потрепал по голове пробежавшего мимо малыша. Потом задумался о чем-то и нахмурился.

— Я мог бы спросить тебя о том же... Мы держим курс на аббатство Рэдволл, хотим предупредить мирных зверей, живущих там, что им грозит опасность. Тебе известно, что армия Бродяг движется в этом же направлении?

▲ Гургун с удовольствием облизал тарелку и ответил:

— Да, Гургун это знает. Гургун опередил их на четыре дня с тех пор, как они сожгли свой флот на юго-восточном побережье. У Дамуга Клыка тысячная

армия, это слишком много для водноежей, так что Гургун пытается избежать столкновения.

Лог-а-Лог кивнул, нахмурившись.

— Возможно, нам стоит объединить усилия и вступить в бой? Вместе у нас есть шанс.

Гургун принялся задумчиво облизывать ложку.

— Да... Но Гургуна тревожит то, что с ним плывет много крох и ежих. Гургун не хочет подвергать их опасности. Маленький Брат понимает его?

— Понимаю, друг. Но подумай о другом: если Бродяги захватят Страну Цветущих Мхов, где ты будешь воспитывать этих ежат и как? Бродяги всех подомнут под себя, мы станем пленниками этих тварей!

Гургун невольно опустил лапу на пояс, туда, где висел нож.

— Маленький Брат прав. Что надо делать?

— Отвезем малышей в аббатство и оставим на попечение рэдловльцам. Тогда ты сможешь сражаться с чистой совестью!

Они скрепили решение крепким лапопожатием. Потом Гургун вновь хлопнул Лог-а-Лога по плечу:

— У Маленького Брата хорошая голова на плечах. Гургун и Маленький Брат устроят Дамугу прием на долгие сезоны!

Воловину Гуосима оставили на плотках со взрослыми водноежами, другая половина — старики и дети — отправилась в аббатство Рэдволл на лодках землероек. Сумерки уже спускались, когда они двинулись в путь вверх по течению. Вдалеке показался Рэдволл в оправе Леса Цветущих Мхов.

Лодки подошли к небольшой бухте, где течение огибало вересковую пустошь, а потом возвращалось обратно к лесу. Гургун вперевалку вышел на берег, опираясь на длинный шест.

— Отсюда недалеко до аббатства, — заметил он. — Гургун думает, что надо оставить

лодки и пойти пешком. Зачем Бладж идет туда, где опасно?

Юная водноежиха Бладж действительно раньше всех спрыгнула на берег и ушла вверх по берегу. Стоя поодаль и тыкая палкой в холмик у воды, она крикнула:

— Здесь вода течет из-под земли!

Лог-а-Лог и Гургун подошли посмотреть. Действительно, из-под холмика сочился ручеек, впадавший в реку. Бладж еще раз потыкала его палкой, и он забил фонтанчиком. Лог-а-Лог наклонился, зачерпнул воды и напился.

— Хорошая вода, — одобрил он, — чистая и вкусная, к тому же холодная. Видимо, это подземный источник выходит на поверхность.

Гургун вставил шест в фонтанчик и вытащил — фонтанчик забил сильной струей.

— Раньше Гургун не видел таких мощных источников, — покачал он колючей головой в перьях, — Маленький Брат и Бладж должны отойти: Гургун будет выпускать воду на волю.

Все отступили, и Гургун нанес по бугорку несколько сильных ударов шестом. Вода захлестала во все стороны, окатив собравшихся с головы до пят. Откуда-то из-под земли донесся угрожающий шум, Лог-а-Лог схватил Гургуна за лапу и потащил в лодку, крича на ходу:

— Поберегись! Здесь что-то...

Но конец фразы потонул в грохоте — холм взорвался мощной струей воды, выбившей из-под земли камни и поднявшей в воздух почву и песок, разметая их во все стороны. Вода хлестала с такой силой, что тут же затопила берег, делая реку в два раза шире.

Землеройки Гуосима умело лавировали между потоками воды, направляя лодки ближе к середине течения и вниз по берегу. Когда они причалили, малыши с визгом бросились подальше от опасного места, а Гургун попробовал вброд вернуться, но тут его накрыла волна, перемешанная с грязью, — землю распорол еще шире, и что-то огромное обрушилось на водноежа сверху. Отплевываясь и отфыркиваясь, он пытался освободиться; Лог-а-Лог и еще несколько землероек бросились на помощь. По подбородок в холодной воде, Лог-а-Лог протер глаза и спросил:

— Как ты, дружище? Ты жив? Ты не ранен?

— Да все в порядке, не суетись, — раздалось в ответ. — Выплюнуть бы только эту грязь, и дело с концом!

Гургун озадаченно глянул на Лог-а-Лога:

— Кто это сказал?

На берег выполз грязный, мокрый, вымотанный до изнеможения, но все же живой командор. Мертвый окоченелый угорь до сих пор обвинял тяжелыми кольцами его тело, замерев в последней схватке. Командор рухнул на сухую землю, не в состоянии держаться на ногах.

— Это я сказал, я! И не стойте в воде, открыв рты, лучше помогите мне наконец избавиться от этого монстра.

Лог-а-Лог был не из тех, кто паникует. Взяв из лап командора кинжал Таммо, который тот сжимал, он принялся вытаскивать его из плена холодных стальных колец, приговаривая как ни в чем не бывало:

— Эх, командор, сколько же мы не виделись — сезон, два? Так вот во что сейчас модно наряжать-

ся? Змеиные кольца тебе к лицу! Но неужели мундира тебе уже недостаточно?

Нечасто колокол в аббатстве звонил после полуночи, но возвращение командора стало исключением из правил. Звонарь Дингдон старался изо всех сил, возвещая радостную весть. Он с такой силой дергал за веревки, что лапы покрылись волдырями, а уши заложило.

Новоприбывших пригласили в Большой зал, а в это время выдры и зайцы понесли командора на высоко поднятых лапах в Пещерный зал. Он мужественно выдержал перевязку, которую сделали ему сестра Фиалка и Постенник. Они промыли многочисленные раны и смазали ушибленные места травяным лосьоном. Вопросам не было конца. Таммо спросил первым делом:

— А где мой кинжал? И вообще, как все случилось?

Командор неохотно вернул зайцу оружие.

— Знай, приятель, эта стальная штука спасла мне жизнь. Таким оружием можно гордиться. Я отдал бы десять сезонов жизни, чтобы владеть им, говорю со всей откровенностью!

Таммо ласково погладил кинжал и бережно вдел в пряжку на поясе. Шэд принес другу горячего мятного чая в большой кружке:

— Вот, подкрепись, а то этот змей тебя совсем вымотал.

Командор склонил голову набок, пока сестра Фиалка промывала грязную рану, оставленную на шее зубами угля.

— Да, вымотал презрительно! Это был боец, настоящий боец, клянусь вам. Мне жаль, что пришлось его

убить. Он просто затерялся в этой дыре и страшно проголодался. Он не виноват, что природа требовала свое. Ой, поосторожнее!

Сестра Фиалка накрыла рану теплым компрессом.

— Извините, я не нарочно. Но теперь все. Вы молодец, господин, — вы поступили, как и подобает мужественному воину. Крошка Слочка обязана вам жизнью. Я не часто это говорю, но промывать ваши раны было честью для меня.

Капитан Молния хлопнула лапой по столу:

— Как хорошо сказано! Да, было бы очень жаль потерять такого бесстрашного воина, как командор. Майор, я предлагаю сделать командора почетным воином Дозорного Отряда!

Под одобрительные возгласы в зал вошла настоятельница Пижма. Улыбаясь сквозь слезы, она ласково взяла командора за лапу:

— Ну что, старый вояка, снова пожаловал к нам?

Командор медленно встал, осторожно разминаясь.

— Конечно, Матушка настоятельница, как же мне без вас? Только в следующий раз, будьте добры, не откладывайте праздник из-за меня! Кстати, не осталось ли случайно того замечательного овощного супа?

Разразившись смехом, Гром Стальная Челюсть бросился на кухню, крикнув через плечо:

— Эх ты, горемыка! Сиди здесь, я принесу тебе целую кастрюлю, если у тебя хватит сил все съесть!

Гургун Гарпун осторожно просунул голову в дверь спальни, где уже посапывали водноожата.

— Хо-хо! — прошептал он. — Намыты, накормлены и уложены под теплые одеяльца... Спасибо!

Матушка Хлопотунья низко держала лампу за дверью. Краклин прижала лапу к губам.

— Тише, господин, вы можете их разбудить.

Гургун взял лампу и пошел вперед, освещая коридор и лестницу.

— В аббатстве полно малышей: кротята, мышата, бельчата, ежата, даже совята и барсучонок. Гургун удивлен, откуда маленький господин?

Краклин подала лапу Матушке Хлопотунье, спускаясь по крутым ступенькам.

— Это наш Руссано. Он особенный.

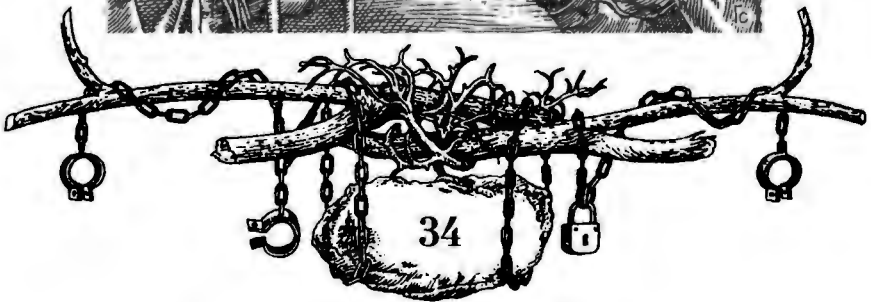
Их перебил Лог-а-Лог, выросший как из-под земли:

— Все на военный совет в Пещерный зал! — командовал он.

123

123

Весун и Чихун, как и остальные Бродяги, были потрясены тем, что увидели. Обе крысы сидели у костра, обсуждая шепотом казнь, которую Дамуг Клык устроил десяти беглецам, возвращенным Скаупом.

Чихун поежился, подбрасывая побольше веток в огонь:

— Хорошо, братан, что ты не пошел с ними. Да, теперь никому и в голову не придет слушаться Острейшего. То, как он расправился с Бором и Сигом и остальными восьмерыми, забудешь не скоро!

Чесун оцепенело смотрел на языки пламени, тупо кивая.

— Э... м-да... Хотя, если б я и пошел с ними, я скорее погиб бы, сражаясь, чем сдался в плен... Что это за слово, которое Дамуг все время повторял?

— «Казнить». Это он повторял, это он и сделал. Брр! Мурашки по коже, как только вспомню... Это было жестоко. Жестоко и бессердечно. И вообще... страшно.

Чихун подполз ближе к костру.

— Да уж... Но по жизни-то, оно как: чтобы стать Острейшим, надо быть беспощадным к врагам, быть хладнокровным убийцей. Я смотрел на Дамуга и видел его лицо: он получал удовольствие от того, что делал!

Это было правдой — Дамуг был доволен. Все шло так, как он хотел. Он не только получил назад беглецов и предателей, но и отправленная экспедиция во главе с Гадуссом принесла пользу. Хорек Прохвост, которого Дамуг считал погибшим, оказался жив и сообщил новости об аббатстве. Дамуг никогда не бывал в Рэдволле, но много слышал о нем. Вот это будет добыча! Оттуда он сможет по-настоящему править. Если все, что говорит Прохвост, правда, то взять аббатство не составит труда — южная стена, по его словам, почти совсем рассыпалась.

А еще Гадусс привел пленника, старую-престарую белку. Но пленник был все еще силен и в здравом уме, как многие долгожители Леса Цветущих Мхов. Этот старик сидел теперь в клетке, специально укрепленной дополнительными прутьями для необычного пленника. Правда, здесь вернее было бы сказать «лежал», потому что он был связан по всем четырем

лапам, не шевелился и игнорировал Острейшего, упрямо закрывая глаза при его появлении.

Дамуг подошел к клетке вплотную. Его голос звучал вкрадчиво и убедительно:

— Еда и свобода, мой друг, вот то, без чего жизнь теряет смысл. Подумай об этом. Все, что ты должен мне сказать, — это сколько в аббатстве воинов и как они вооружены. Скажешь — накормлю тебя до отвала и отпущу на волю, да еще и с собой дам еды на сезон вперед.

Но ответ был все тот же:

— Ничего не знаю. Я никогда там не был. Ты напрасну тратишь время. Я живу один. Мне никто не нужен.

Меч просунулся сквозь прутья, ткнув пленника в бок.

— Видел, что я сделал с теми, кто мне перечил? Будешь продолжать врать, и тебя постигнет та же участь!

Глаза белки открылись, он презрительно смотрел на Великокрыса:

— Если ты думаешь, что это облегчит тебе жизнь, ты еще больший дурак, чем кажешься. Говорю тебе, я ничего не знаю о Рэдволле!

Меч воткнулся белке в бок, струйка крови побежала по седой шерсти.

— Есть другие способы заставить тебя говорить! — прошипел Дамуг. — Может, помочь тебе освежить память?

— Ха, попробуй! Увидишь, что ничего-то тебе не добиться, ничтожество.

Дамуг понял, что угрозы бесполезны. Старик так зол на него и так упрям, что скорее даст себя за-

колоть, чем проговорится. Овладев собой, Дамуг убрал меч.

— Думаешь, ты крепкий орешек, да? Что ж, посмотрим, посмотрим. Полежи тут пару дней без еды и питья, послушай, как плещется вода в реке, понюхай, как пахнут наши обеды, а я еще приду перекинуться с тобой парой слов. Голод и жажда убеждают лучше всего.

Капитаны сидели вокруг костра на берегу, подавленные видом недавней расправы с непокорными, но еще больше заинтересованные упоминанием о великом аббатстве, чьи стены, по слухам, осыпались. Но Прохвост не спешил рассказывать им о том, что видел, пока Дамуг не даст разрешения.

Острейший подошел к костру. Языки пламени бросали зловещий отсвет на его ярко раскрашенную морду и медный шлем, увенчанный оскаленным черепом. Взмахнув черной мантией, он опустился на бревно. Злобный взгляд перебегал с одного воина на другого.

— Три дня! Еще только три дня, и Бродяги завоюют то, о чем они могли только мечтать, — аббатство Рэдволл!

Капитаны загудели, выражая одобрение, но холодный взгляд Дамуга полоснул как лезвие, и они притихли. Острейший продолжил:

— Через три дня армия Бродяг должна быть накормлена, напоена, выкрашена и вооружена. Все должны отдохнуть и набраться сил. Мы пойдем штурмом на Рэдволл, и солдаты должны быть к этому готовы. Вы — мои капитаны, на вас вся ответственность. Если в армии случится еще один бунт или если кто-то из

солдат выразит недовольство и нежелание умереть за Острейшего, спрашивать буду с вас. Вы видели, что я сделал с Бором и Сигом; они когда-то тоже были офицерами. И они еще легко отделались! Не заставляйте меня приводить вам новые примеры. Итак, помните: три дня.

Дамуг поднялся и, взмахнув мантией, стремительно ушел в палатку. Капитаны остались молча сидеть у костра, опустив головы и глядя в землю.

Утро застало отряд из Саламандастроны уже в пути. Капрад Элбриг с сомнением поглядывал на Словохота. Тот подпрыгивал на ходу, хоть и маршировал сегодня в такт со всеми, раскачивал ушами, да еще одновременно махал шпагой. Элбриг прищурил один глаз, словно прицеливаясь:

— Эй, Словохот, ты что это вытворяешь?

Юный рекрут небрежно ответил:

— Доброе утро, господин. Жизнь прекрасна, правда?

Элбриг смущенно потер подбородок.

— Я и так несколько сомневался по поводу Словохота, но теперь вижу совершенно ясно: он ненормальный. Да-да, у него явно не все дома.

Шишечка, маршировавшая рядом, успокоила капрала:

— Не волнуйтесь, господин, с ним все в порядке. Просто он наконец научился держать шаг, лапы больше не заплетаются, вот он и радуется. Как второе дыхание, понимаете?

Словохот еще раз крутанул шпагой и, браво отсалютовав, вложил ее в ножны.

— Так точно!левой-правой, а не наоборот! Хороший сон, пара колыбельных в исполнении сержанта,

сытный завтрак — и я готов ко всему, что бы ни случилось!

Сержант строевой подготовки Удар Булава как раз поравнялся с капралом Элбригом и все слышал.

— Прекрасно, мой юный друг! — похвалил он.

Словохот еще выше подпрыгнул, сделав в воздухе немислимый пируэт, и снова попал в такт, продолжив свой необычный марш.

— Так точно, сержант. Быть неугомонным, как пчела, сверкающим, как пуговица, и беззаботным, как крабы на камнях, — вот теперь мой девиз!

Сержант улыбнулся и подмигнул капралу.

— Отлично, нам такие и нужны! Приказываю вам перестроиться в последнюю шеренгу и помочь солдатам, несущим мешки с продовольствием. Исполнять!

Неугомонный Пушистик не выдержал и хихикнул:

— Бедняга Словохотик! Это надолго его усмирит!

Голос сержанта Удара Булавы прогремел прямо над ухом Пушистика:

— Что ты сказали? Ты тоже хочешь к нему присоединиться? Прекрасно, нам нужны добровольцы для нелегкой ноши!

— Что ты, сержант? Я ничего не говорил, уверяю тебя!

Сержант улыбнулся, что случилось нечасто:

— Так-то, рекрут. Поменьше разговоров, побольше старания!левой-правой, левой-правой! Спину держим прямо, не сутулимся! Плечи расправить!

Так они шли без остановки до вечера. Наконец потребовался привал, чтобы отдохнуть и перекусить. Они остановились в зарослях душистого вереска на холме. Красноокая Крегга поднялась на самую вер-

шину, на большой камень, и оглядела окрестности. Заметив вдалеке две скачущие фигуры, она подозвала Удара Булаву.

— Скореходы возвращаются, сержант. Дождемся их здесь, заодно и передохнем. Вагляни-ка, я узнаю Альгадора Быстроскока, а кто второй — не разберу.

Удар Булава приставил лапу ко лбу козырьком и внимательно вгляделся в даль.

— Да это же один из Старбуков, Рив, по-моему.

Альгадор и Рив неслись плечо к плечу. Сделав последний рывок, они вихрем взлетели на холм. Сержант наблюдал за ними с восхищением, даже уши восторженно подрагивали.

— Только зайцы Саламандастроны могут так быстро и красиво бегать! Эх, молодость, молодость...

Подняв облако пыли и быстро отдав честь, Альгадор и Рив выпалили:

— Мы нашли их, госпожа Крегга!

— Мы взяли след Бродяг, их великое множество!

Спустившись с высокого камня, венчавшего холм, барсучиха подошла вплотную к скореходам. Ее глаза переливались красным пламенем.

— Где? Где вы нашли их следы?!

Задрожав под горящим взглядом, все еще с трудом переводя дыхание, Альгадор и Рив продолжили отчет:

— Они идут с юго-востока.

— Мы нашли след четырехдневной давности, но он бесспорно подтверждал то, что Бродяги двинулись на север.

Огромная лапа Крегги сжала алебарду как в тисках.

— Где мне выйти на след, чтобы быстрее добраться до них? — глухо спросила она.

Альгадор вытянул лапу, медленно повернулся на несколько градусов, прикидывая расстояние, и указал направление:

— Там. Если они неотступно двигались на север, их путь можно срезать между вон теми двумя холмами.

Никому не говоря ни слова и никого не взяв с собой, Крегга стремительно спустилась и двинулась в указанном направлении, уже ничего не замечая вокруг.

Сержант Удар Булава погладил обоих скороходов по ушам.

— Молодцы, ребята, хорошо потрудились. Отдохните да скажите поварам, чтобы накормили вас как следует. Когда наберетесь сил, догоните нас... Капрал Элбриг, поднимайте солдат! Эй вы, что расселись? Думаете, так и будете отдыхать до конца своих дней? Стройтесь! Мы выступаем сейчас же! Великая Госпожа уже ушла вперед, без армии, без поддержки, а вы и не шевелитесь!

Проходя мимо Словохота, сержант потрепал его по спине.

— Иди, сынок, в строй, и оставь ношу носильщикам. Но впредь веди себя, как подобает солдату.

Словохот заторопился, отдавая честь на каждом шагу:

— Слушаюсь, сержант! Так точно, сержант! Спасибо, сержант!

Капрал Элбриг и сержант Удар Булава шли в тылу, подгоняя и подбадривая отстававших. Сержант смотрел вперед сквозь пыль, поднятую множеством усердно марширующих лап.

— Знаю, я не должен бы это говорить, но ты видел? Она даже не взглянула, пойдет ли кто за ней. Просто схватила бердыш и двинулась вперед, ничего не видя и не слыша от гнева, жаждущая одного — рубить врагов на своем пути!

Элбриг наклонился и, не сбиваясь с шага, поднял с земли кружку, оброненную кем-то из рекрутов.

— Я думаю о том же, сержант. Ты просто первым выразил мою мысль. Великой Госпожой руководят ярость и месть, она не контролирует себя. Но что мы можем поделать?

Сержант моргнул, сгоняя с глаз пыль и продолжая пристально смотреть вперед, пытаясь разглядеть, что ждет их за следующим поворотом тропинки.

— Мы можем лишь исполнять свой долг. Подчиняться Госпоже Крегге и присматривать за теми, кто подчиняется нам. Все, что мы можем сделать, — это сделать все в лучшем виде. Сделать из рекрутов настоящих зайцев Дозорного Отряда, которые смогут постоять за себя в любой битве. Научить их соблюдать дисциплину и подчиняться командам. И надеяться, что большинство останутся в живых и научат тех, кто придет после них.

И, повысив голос, сержант крикнул по-военному:

— Ровнее ряды! Лапы выше! Шаг держать!левой-правой! Не ползите, как старые кротихи, вы же Дозорный Отряд! Выше голову, раз-два, раз-два! Шенгл Большеступ, песню «Зеленый рекрут» запе-вай!

Крепкий заяц, тот самый, который помог Словохоту в первую ночь, поменявшись с ним сменами в карауле, запел «Зеленого рекрута». У него был приятный бас; все к нему присоединились. И вот уже колонна пошла бойчее, лапы поднимались выше —

никому не хотелось походить на того, кого высмеивала песня «Зеленый рекрут».

Вот поднят флаг, чекаю шаг,
Носочок я тяну
И жалкий жребий свой клянну,
Клянну, клянну, клянну!

В пути Дозор все лапы стер
Я летом и зимой,
О боже мой, хочу домой,
Домой, домой, домой!

Идешь голодный и нагой
И проклинаешь дни!
В Дозор я больше ни ногой —
Ни-ни, ни-ни, ни-ни!

Разинув рот, сержант орет,
Велит окоп копать,
А мне бы лечь на месте —
И спать, и спать, и спать!

Колонна быстро продвигалась вперед, как заведенная, хорошо смазанная машина, вздымая клубы пыли. Быстро спускались сумерки, и вот уже совсем близко показались два похожих холма, на которые указал Крегге Альгадор. Возможно, она ждет их в долине между холмами; возможно, пошла дальше по следу врага. В любом случае сержант Удар Булава решил, что именно там они разобьют ночной лагерь.

Словохот маршировал бок о бок с Шенглом Большеступом. Хоть он и был в два раза ниже Шенгла, но, когда тот споткнулся, сумел ловко поддержать его:

— Что случилось? Ты в порядке? — заботливо спросил он.

— Ох, лапа! — отозвался Шенгл. — Я напоролся на острый камень.

Словохот подставил ему плечо, крикнув Пушистик, шедшему с другой стороны от Шенгла:

— Эй, Пуша, подсоби! Мне одному не справиться. Они сняли с Шенгла оружие и рюкзак, разделив ношу пополам, и подставили бывалому солдату правое и левое плечи.

— Держись, дружище! — утешал один. — Тут уже недалеко осталось!

— Опирайся смелее! — подбадривал другой. — Будешь нашей пятой лапой!

Шенгл с благодарностью облокотился на них, приговаривая:

— Спасибо, друзья мои, спасибо. Когда-нибудь и я вам помогу.

Шутник Пушистик не удержался и подмигнул приятелю:

— Конечно, поможешь, старина. Когда все это закончится, а ты поправишься, ты понесешь нас обратно домой, правда?

Госпожа Крегга не объявилась. Ночь была теплой и сухой, земля за день прогрелась солнцем. Капрал Элбриг был оставлен за главного, а сержант Удар Булава отправился на поиски барсучихи.

Элбриг видел, как Словохот и Пушистик помогают Шенглу.

— Молодцы, ребята, — похвалил он их. — Садись, Шенгл, я посмотрю, что у тебя с лапой. Остальные — готовить холодный ужин. Костров не разводить. Спать на земле, используя вещмешки как подушки, не разворачивая. Подъем на рассвете.

Шипечка и заяц по имени Дымок первыми несли ночной дозор. Услышав шум, они вскочили и схватились за оружие:

— Стой! Кто идет?

Из темноты появились Альгадор и Рик:

— Спокойно, ребята, это мы, скороходы. Ну как, вы поспеваете за Красноокой Креггой?

Дымок даже фыркнул в ответ:

— Шутить? Сержант отправился вперед, он надеется найти хотя бы ее следы. А вы бы лучше шли передохнули. Мы выступаем на рассвете.

Альгадор опустил одно плечо, дав рюкзаку соскользнуть вниз.

— Великие Сезоны, что ж это Великая Госпожа так торопится?

Шипечка зевнула и сладко потянулась:

— Не зна-аю... Но что бы там ни было, мы должны следовать за ней.

Вещерный зал был полон: все рэдволльцы собрались на военный совет. Как Воитель Рэдволла Арвин сидел по правую лапу настоятельницы. Его оружие — знаменитый меч Мартина Воителя — покоился на столе напротив. Майор Ловкач Леволап и зайцы Дозорного Отряда сидели с правой стороны стола; Лог-а-Лог со своими землеройками, Гургун Гарпун с водноежами и командор с выдрами — с левой.

Перед началом совета Лог-а-Лог взял слово, чтобы прояснить кое-какие важные моменты:

— Друзья мои, мне кажется, загадка южной стены, над которой вы долго ломали голову, на-

конец раскрыта. Сегодня мы обнаружили то место, где вода, протекающая под южной стеной, выходит наружу, впадая в реку. Хорошо, что мы обнаружили его именно сегодня, потому что нам удалось спасти командора. Итак, я как знаток вод и течений Страны Цветущих Мхов (говорю это без ложной скромности) сделал следующие выводы. Если ручей имеет конец, стало быть, у него есть и начало. И разорви меня горностаи, если я не знаю где. Я бывал там сотни раз. К северо-западу от аббатства река разветвляется, и один из рукавов уходит в вашу сторону. Это и есть тот самый ручей. Матушка настоятельница, если Вы позволите, я возьму завтра с собой несколько своих ребят, кротов и выдр, и мы построим в том месте небольшую плотину, чтобы перекрыть ручью путь. Он больше не будет течь под стену аббатства, разрушая ее.

Пижма подала знак накрывать ужин.

— Конечно, я согласна, — ответила она Лог-а-Логу, — большое спасибо, и да сопутствует вам удача. Командор, Перекон, вы ведь поможете Гуосиму в этом деле?

— Конечно, я и мои выдры всегда рады помочь Гуосиму.

— Хурр, да нет вопросов... Мы всегда рады помочь, хурр-хурр...

Таммо сидел между майором Ловкачом Леволалом и Валери. Он потягивал горячий чай с бальзамом, заедая маленькими кусочками фруктового торта. Голода он не чувствовал. Пещерный зал медленно плыл у него перед глазами, теплый, уютный... Голоса звучали мягко и как будто в отдалении... дальше... дальше... Мимо беззвучно пролетела бабочка, неторопливо взмахивая нежными крыльями. Она опустилась на

цветущее дерево. Розовые лепестки неслышно опадали, устилая ровную поверхность ручья, плавно текущего в тени деревьев. Бабочка и лепестки закружились, закружились... Веки Таммо дрогнули и закрылись, голова опустилась на стол.

Лог-а-Лог и Гургун рассказали собравшимся о смерти Гормада Тунна и обо всем, что они знали о Дамуге Клыкке и Бродягах. Потом все обернулись на Арвина и майора, которые уже давно что-то горячо обсуждали. Арвин как главный воитель аббатства давал майору советы по поводу того, как его лучше защитить и укрепить стену. Наконец Ловкач Леволап подался вперед и сокрушенно покачал головой.

— Хмм, мы не так давно бились с этим врагом, защищая Саламандастрон, но простите меня, у нас тогда был полный состав Дозорного Отряда, а во главе сражалась Госпожа Крегга, которая одна стоит целой армии. Сколько Бродяг приведет с собой Дамуг?

Лог-а-Лог задумчиво потер лоб:

— Спросите лучше Гургуна, он видел их в полном составе.

— Да, — сказал водноеж, — Гургун видел, как они шли, а потом разбивали лагерь. Их было столько, сколько осенью палой листвы. Гургун не пугает зверей, но водноеж сосчитал Бродяг, когда они шли вдоль берега. У Дамуга уже тогда было около тысячи солдат, а по дороге могло примкнуть еще больше.

Тишина опустилась на Пещерный зал. Никто не мог представить себе такую огромную армию, наступающую неумолимым маршем, и все смолкли, потрясенные. Арвин бросил на майора быстрый взгляд, и Ловкач Леволап понял, что нужно срочно сказать что-нибудь, чтобы не возникло паники. Он поднялся:

— Ладно, ребята, в конце концов, когда они шли на Саламандастрон, их было еще больше, да к тому же на кораблях, но тем не менее мы их победили! Главное — не количество воинов, а их боевой дух и умение сражаться!

Но мышь-соня Постенник с вызовом ответил на это:

— Ты, майор, конечно можешь часами убеждать нас в этом, красноречия тебе хватит. Но одного этого будет недостаточно, когда тьма Бродяг набросится на аббатство. Так что лучше бы ты сообщил нам, что собираетесь делать, кроме как воодушевлять нас красивыми словами.

Настоятельница Пижма гневно посмотрела на Постенника:

— А почему бы тебе, именно тебе, не предложить нам план действий?

Все, что мог мышь-соня сделать в ответ, это приняться защищать себя.

— А что я? Я-то тут при чем? Я не военный, как и большинство живущих в аббатстве. Мы и оружия-то в лапах не держали. Что мы можем предложить?

Арвин тоже встал. Он хмурился и старался даже не смотреть в сторону Постенника.

— Майор Ловкач Леволоп, — начал он, — пообещал нам, что он и Дозорный Отряд будут защищать аббатство и его жителей. Вам следовало бы благодарить его, а не набрасываться с гневными обвинениями. Так что сначала выслушайте то, что он вам скажет, а потом, когда у вас будут конкретные предложения, поделитесь ими.

Постенник опустил глаза. Пижма посмотрела на майора и смущенно улыбнулась:

— Прости нас, майор, что перебили тебя. Пожалуйста, продолжайте.

Но тот уже забыл, о чем хотел сказать. Чтобы выиграть время, он задумчиво погладил усы, покусал губу... И тут все взоры обратились к Таммо. Он резко поднялся, подошел к Арвину и пристально посмотрел на меч Мартина Воителя, который лежал на столе, а потом сказал ровным низким голосом:

— Да будет так.

Арвин мог поклясться, глядя на Таммо, что тот все еще спит. Между тем юный заяц направился к ступеням, ведущим в Большой зал. Арвин поднес лапу к губам, призывая всех к молчанию, а другой отгоняя всех от ступеней и освобождая проход. Все расступились, и Таммо проследовал дальше, никого не замечая вокруг. Потрясенная Краклин, шедшая позади него, прошептала одно только слово:

— Мартин!

В Большом зале тускло горели свечи, отбрасывая тени на высокие колонны. Из высоких окон узкими полосами струился лунный свет, падая на старинный пол, стертый лапами многих поколений. В полном молчании рэдволльцы стояли за спиной Таммо, замершего перед гобеленом с изображением Мартина Воителя. Это был старинный портрет, сотканый давным-давно в память об основателе аббатства, героя. Он был изображен в военных доспехах со шпагой в лапах.

— Я принесла тебе перо и пергамент, — прошептала Фиалка, протягивая Краклин письменные принадлежности, — чтобы ты не упустила ни слова. Летописица кивнула с благодарностью, и тут Таммо заговорил:

Грядет война, друзья мои, готовьтесь.

Нелегким будет лето, но не бойтесь:

Не суждено Клыку сюда добраться.

Да, будет бой — но не в стенах аббатства.

Мидж Маскировщик путь укажет смелый —
Иди за ним, Тамелло Де Формелло
Пророк откроет Дамугу секреты
Его предполагаемой победы.

Барсучья прозорливость вам поможет,
Но глаз барсучий видеть уж не сможет.
Седой герой во мраке отдохнет,
А юный — солнцем над горой взойдет!

Ночной ветерок колыхнул гобелен; потом все замерло. Таммо опустился на пол, потер глаза и растерянно оглядел собравшихся:

— Как... Как я здесь оказался?

Арвин сел рядом с ним, указывая на гобелен.

— Тебя привел Мартин Воитель. Он хотел сообщить нам кое-что важное.

— Правда? И что он сказал?

— Ты должен бы знать, ведь это ты сообщил нам это.

— Я? Постойте, это уж слишком! Я ничего не помню! И что я, то есть он, сообщил?

Краклин развернула пергамент перед Таммо.

— Не волнуйся, я записала все слово в слово. Мартин Воитель — наш хранитель и заступник. В тяжелые времена он выбирает кого-нибудь, чтобы через него поговорить с нами. Ты, должно быть, особенный, потому что на этот раз Мартин выбрал тебя.

Таммо рассеянно кивнул, пробегая глазами текст:

— Никогда не предполагал, что я какой-то особенный... Эй, Мидж, ты видел? Он говорит здесь о тебе! Говорит, что Мидж Маскировщик «путь укажет смелый».

Мидж ростом был намного ниже остальных зайцев, но не менее храбр. Он радостно и удивленно рассмеялся:

— А ведь и правда! У меня как будто озарение — я знаю, что нам делать! Но нет смысла утомлять всех долгими объяснениями. Так что давайте-ка, друзья, отправляйтесь спокойно спать. Мы же останемся и обсудим детали.

Настоятельница согласилась с этим предложением. Некоторые явно не хотели уходить, но одного взгляда Пижмы было достаточно, чтобы они поняли, что спорить бесполезно.

Командор, Кротоначальник, Лог-а-Лог, Гургун и зайцы проследовали за Арвином, Краклин с Пижмой — обратно в Пещерный зал. Там они сели поближе к камину. Майор, пошевелив кончиком сабли угли, сказал:

— Ну, Мидж, теперь рассказывай.

Один из зайцев охотно объяснил:

— Вы все слышали, как Мартин сказал, что «будет бой, но не в стенах аббатства»? Значит, он должен состояться в другом месте.

— Да, в этом есть смысл, — отозвался Арвин. — В аббатстве у нас останется немного шансов, если враг нападет со стороны южной стены. Что ты предлагаешь?

Мидж подался вперед:

— Вот, смотрите: Дамуг Клык, как и все правители, суеверен. Он верит в приметы и пророчества. Что если к нему явятся два оборванных предсказателя и нашепчут, что, дескать, нельзя перелезть стены аббатства, пока бой не выигран; что бой должен произойти в определенном месте (и скажут название этого места) и что именно оно является благоприятным для предводителя Бродяг?

Майор восторженно затряс головой:

— Достаточно, Мидж Маскировщик, достаточно! Я все понял! Это гениальная идея! «Пророк откроет

Дамугу секреты его предполагаемой победы». Таммо, пойдешь с Миджем — в послании Мартина говорится, ты должен быть вместе с ним. Не волнуйся, он тебя так замаскирует — свои не узнают!

С горящими глазами Таммо схватился за кинжал:

— Можете во всем рассчитывать на меня, господин!

Майор Ловкач Ловолап ласково потрепал Таммо по ушам:

— Не сомневаюсь, Тамм. С самого начала не сомневался. Иногда ты очень похож на свою мать. Не такой красавец, конечно, но вот глазами... Так или иначе, одних мы вас не отпустим. Гром, назначаю тебя сопровождающим. Разобьешь лагерь неподалеку и будешь дожидаться их там. Станешь посредником между нами. Итак, все решено! Сержант Ястреб, вы и лейтенант Морион отправитесь на рассвете искать место для предстоящей битвы. Мы передадим название места тебе, Гром Стальная Челюсть, а ты, в свою очередь, передашь это название Миджу и Таммо. Таунок станет нашим посыльным. В это время ты, Мидж, занимаешься проникновением в лагерь врага. Для такого умного зайца это не составит большого труда. Название места узнаете, как только мы его определим. На сегодня это все. Спокойной ночи, друзья. Завтра предстоит нелегкий день. Отбой!

ГОРА
БАРСУЧИЙ НОС

КНИГА
ТРЕТЬЯ

Н а рассвете четыре лодки землероек были спущены на воду у западной стены Рэдволла, чтобы двинуться на север. Кротоначальник Перекоп и кроты погрузились в них, кряхтя и вздыхая. Некоторые были одеты в непромокаемые плащи с капюшонами. Кроты вообще не очень жаловали воду, предпочитая сухую, надежную землю.

— Хурр, ох уж эта вода... небезопасно так перремещаться...

— Вот уж правда, хурр-хурр... Как бы не потонуть по дороге!

Лог-а-Лог, оттолкнувшись посильнее длинным шестом, прикрикнул на них:

— Что это за разговоры на моей лодке, а? За всю свою жизнь я не утопил ни одного зверя! Сейчас же прекратите ныть, вы же уважаемые кроты, а не трусливые крысы.

Командор подмигнул выдрам, быстро поглощающим ранний завтрак на скорую лапу.

— У землероек нет сердца, вы только посмотрите, как они обращаются с достойнейшими любителями суши! Кроты, друзья мои, не слушайте его. Перебейтесь-ка поближе и разделите с нами скромную утреннюю трапезу!

Гургун Гарпун, оторвавшись от фляги с октябрьским элем, заметил, как посерели кроты.

— Пока командор не заговорил о еде, кроты были здорового цвета, — засмеялся он.

Подруга Лог-а-Лога Фрэкль прервала шутки, указывая вперед:

— Внимание, река раздваивается! Сворачиваем направо!

Лодки вошли в петляющий узкий канал и, то подпрыгивая, то цепляя килем дно, понеслись вниз. Вскоре Лог-а-Лог взмахнул лапой, призывая команду:

— Весла на воду! Нос влево, корма вправо!

Четыре лодки развернулись поперек течения, ткнувшись носом в один берег, а кормой почти вплотную прижавшись к противоположному, — таким узким был канал. Кроты тяжело выпрыгнули на землю и с благодарностью припали к ней, целуя и глядя большими лапами. Командор и его команда смущенно улыбнулись, глядя на них, и направились к тому месту, где поток исчезал в горном ущелье.

— Ну вот, друзья, мы у цели, — констатировал командор, — теперь давайте найдем камень побольше, чтобы преградить путь этой воде.

Вода за это время заметно отступила от берега в промежутке между лодками и ущельем — лодки перегородили поток. Обнажился огромный, почти идеально круглый камень, на треть ушедший в песок.

— Это то, что нам надо! — крикнул командор. — А ну, навались!

Гургун хмуро кивнул на его рану, которая снова начинала кровоточить.

— Командору рано толкать камень. Командору нельзя пока напрягаться.

— Э нет! — бодро отозвался командор. — Не для того я отправился с вами, чтобы бездельничать. Пара царапин никогда не сможет меня остановить. Так что давайте за дело!

Кроты быстро окопали камень по краям, выдры подсунули под него весла, и всеобщими усилиями глыбу выкатили на твердую поверхность. Гургун старался чуть ли не больше всех, налегая всем своим немаленьким весом.

Кротоначальник взобрался на склон над ущельем и, произведя какие-то ученые расчеты, сделал отметину.

— Хурр, внизу, вы слышите меня? Камень надо закатить вот сюда! — крикнул он.

Это было нелегкой задачей. Несколько раз круглый булыжник срывался и начинал катиться вниз, едва не давя раскрасневшихся и потных силачей. Но они упирались всеми лапами, сжимали зубы покрепче и удерживали его на крутом склоне. Этих ребят было не так-то легко переупрямить.

Наконец совместными усилиями выдр, землероек, кротов и Гургуна камень оказался вровень с отметинной Перекопа. Примерившись так и эдак и оставшись довольным, Перекоп велел всем расступиться и, подставив весло под нужным углом, направил камень вниз по склону. Булыжник скатился в воду, подняв фонтан брызг, дважды перевернулся, следуя углу наклона, и встал ровно в отверстие, через которое несся поток. Все бросились вниз, чтобы заложить мелкими камнями, глиной и всем, что попадало под лапу, щели по краям булыжника.

Наконец дело было сделано. Канал обмелел, превратившись в узкий ручеек, — воде больше некуда было стремиться. Конечно, было бы неплохо отметить успех совместным обедом на берегу, но оказалось, что во время «скромной утренней трапезы» выдры съели все, что было заготовлено. Пришлось ограничиться октябрьским элем и сливовой наливкой. Запрыгнув в лодку, Лог-а-Лог заметил, что кроты все еще стоят на берегу.

— Эй, ну что вы там топчетесь?! Давайте к нам! Обратный путь будет еще быстрее — глазом моргнуть не успеете, как окажетесь снова в аббатстве!

Но кроты только покачали большими головами в ответ:

— Спасибо, но... мы как-нибудь так... Нам привычнее по земле, хурр-хурр. Эта вода, знаете ли...

И они двинулись гуськом подалее от опасной стихии.

Таммо заворожено наблюдал за Миджем, маскирующимся перед отполированным медным зеркалом в спальне сестры Фиалки. Мидж попутно пояснял:

— Сперва меняешь лицо — это половина успеха. Смотри, я сворачиваю уши трубочками — вот так — и прижимаю их шапкой. Видишь, это старая, засаленная шапка, к ней пришиты два других уха, точнее, полтора — одно порвано, как у дикого, потрепанного зверя. Теперь я натираю морду грязью, чтобы было убедительно. Передай-ка мне свечку... спасибо. Да, надо смазать усы воском, чтобы они уныло свисали вниз и лоснились. Вот так, отлично! Теперь повязку на один глаз, а на другой — приклеиваю полоску моченой коры, получается складка, и взгляд становится тяжелым и неприятным. Ага, хорошо. Теперь возьмем вот эту маленькую черную ракушку и приклеим мне на нос — оп! — получился шарик на кончике носа. Вот эти зубы замажу черным воском, словно их и нет. Немного грязной шерсти приклею над губой. Брр, ну и гадость! Передай-ка мне уголек, надо еще нарисовать морщины здесь и адесь. Ну вот, теперь одеваюсь в лохмотья, подвязываюсь веревкой. Плечи сутуло опускаю вниз, немного сгибаю лапы... Итак, кто перед тобой?

Таммо аж присвистнул. Перед ним стоял старый, потертый нелегкой жизнью зверь — и не крыса, и не горноста́й, и не хорек, — но определенно мерзкий и дикий.

— Ну, Мидж, неудивительно, что тебя прозвали Маскировщиком!

— Гы-гы-гы, — противно загоготал Мидж, подражая Бродягам, — защекочи меня мышь, браток, если ты не икнешь от удивления, когда мы и тебя замаскируем!

Гром Стальная Челюсть решил хорошенько подкрепиться напоследок. Перед ним на столе дымилось огромное блюдо с тушеными овощами, политыми гус-

тым соусом. Вокруг зайца-великана собрались малыши, с восторгом наблюдая за тем, как он наворачивает еду, пьет большими глотками одуванчиковый квас и вытирает усы широкой лапой. Кротенок Губби пододвинул Грому тарелку с вишневым пудингом, а крошка Слоечка, чтобы не отставать, тут же полила его сладким желтым сиропом.

— Смотрите, мистер Гром, смотрите! Вы это тоже можете съесть? — лопотали они, подпрыгивая и заглядывая ему в глаза.

Гром подхватил Слоечку и усадил прямо на стол.

— Можешь посмотреть, как я съем и это и еще кое-что. Только сиди смирно, а то я и тебя съем. Да, пожалуйста, ты будешь очень даже вкусной, если вложить тебе в рот сливу, а сверху украсить взбитыми сливками.

Малыши захлебнулись от восторга:

— Съешьте, съешьте ее, мистер Гром! Давайте!

— Я сказал: только если она будет плохо себя вести. Так, а это еще что?

В кухню ввалились два премерзких зверя и полезли в печь, пачкаясь в саже и вымазывая ею свое оружие. Малыши пискнули, вцепились в Грома и затряслись от страха. Он ласково погладил их большой лапой по крохотным головкам в панамках:

— Шшш, ничего страшного, милые. Это же Мидж и Таммо, просто они замаскировались. Я и сам их еле узнал. Ну, бегите, бегите... Поиграйте с совятами и маленьким Руссано.

Шэд, Хранитель ворот, повел Пижму и Краклин к дыре под южной стеной. Поднявшись на платформу и спустив вниз светильники, они посмотрели вниз и с радостью обнаружили, что вода ушла.

— Вот видите, — подвел черту Шэд, — теперь все в порядке. Значит, они нашли тот поток, который разрушал нашу стену, и преградили ему путь. Скоро внизу все высохнет, и тогда можно будет спуститься и посмотреть, что там. Я слышал, что и вы не прочь проделать это, а, мисс Краклин?

— Конечно, я должна знать, что там, внизу, и описать все для будущих поколений. Я — летописец, это мой долг. Мы должны выяснить, откуда взялась эта дыра. Кстати, ведь и другие летописцы всё записывали. Где все эти старые записи — в твоём домике привратника, так ведь, Шэд? Вот где надо искать ответ!

Пижма улыбнулась и поцеловала старую подругу.

— Какая ты все-таки умница, Краклин. Ну как я сама не догадалась? Идем, я помогу тебе найти нужную запись.

Когда они выбрались наружу, Шэд извинился:

— Не сердитесь, но я с вами не пойду — не выношу пыли и старых книг. В хижине привратника всё в вашем распоряжении, почувствуйте себя как дома. А я пойду поиграю с совятами и Руссано.

— Тем более что он и сам остался в душе малышом, — улыбнулась Краклин Шэду вслед.

Майор Ловкач Леволап и Валери Валериана провожали трех друзей — Миджа, Таммо и Грома — у восточного выхода. Майор был задумчив и время от времени хмурился невеселым мыслям.

— Удачи вам, ребята, — сказал он напоследок. — Будьте осторожны, не высовывайтесь и старайтесь не привлекать к себе излишнего внимания в лагере врага. Эх, Таммо, если бы не слова Мартина Воителя, я ни за что не отпустил бы тебя. Но твое имя названо, так что иди. Докладывай обо всем Грому, не теряйся. Как только сержант Ястреб и лейтенант Мо-

рион сообщает нам о месте предстоящего сражения, мы передадим это вам. Гром, береги их. Я на тебя надеюсь.

Гром отдал честь:

— Обещаю, майор. Можешь на меня рассчитывать.

Ласковые карие глаза Валери были полны слез. Таммо подмигнул ей, как мог, под гримом:

— Не волнуйся, Лерюша, я вернусь так быстро, что ты и соскучиться не успеешь. Эй, я прошу тебя... не волнуйся.

Майор и Валери еще долго стояли у ворот и глядели вслед трем удаляющимся фигурам. Потом майор медленно затворил ворота, тщательно проверил замки и обернулся к Валери.

— Мисс, если вы будете смотреть на мир такими глазами, вы разжалобите природу и пойдет дождь! — Он потрепал ее по плечу. — Не грусти, Валери. Вернется твой Таммо целым и невредимым. Еще и надоест тебе историями про свои похождения! Выше нос, считай, что это приказ!

Мидж придал Таммо поистине устрашающий вид, превратив почти в старика. Глаза были скрыты густыми бровями, мордочку прикрывала потрепанная борода. На лоб была надвинута засаленная шляпа, а поверх клетчатого пледа, тщательно вывалянного в рэдволльской помойке и накинутого в качестве плаща, болтались, позвякивая, медные цепи и цепочки. Таммо не только выглядел отвратительным зверем, от него еще и омерзительно пахло.

Когда, устав от быстрой ходьбы в душных одеждах, Мидж и Таммо привалились к дереву, чтобы немного передохнуть, Гром даже отошел в сторону, поморщившись.

— Извините, ребята, я встану подальше и против ветра, а то от вас так несет!

Таммо решил ответить так, как, по его мнению, говорят Бродяги:

— Ты, это... браток... рот закрой, пожалуйста!

Но Мидж прервал его:

— Нет, Таммик, ты лучше помалкивай, а то тебя сразу раскусят. Давай так: ты будешь моим немым помощником. Как будто ты совсем-совсем не можешь говорить, идет?

— Мидж прав, — согласился Гром. — Если ты заговоришь, ты сразу себя выдашь. Видимо, ты слишком хорошо воспитан, чтобы говорить, как Бродяги. Брякнешь свое «пожалуйста» или еще, чего доброго, «извините» — и дело провалено!

Днем поваренок Пончик достал большой поднос, поставил на него столько еды, сколько смог унести, и, покачиваясь, направился в домик привратника. Пижма и Краклин были там с самого утра и не собирались выходить, они не пришли даже на обед. Все окна в домике оказались открыты нараспашку, чтобы пыль не стояла в воздухе. Войдя вовнутрь, Пончик захлопал глазами в поисках хоть какого-нибудь свободного местечка. Все было завалено старыми и не очень старыми книгами. Пижма и Краклин вопросительно посмотрели на него.

— Я беспокоился, как вы тут без еды, и решил, что вам не помешает немного подкрепиться. Вот, здесь морковный салат, тушеные овощи, немного тыквенных оладий, черносмородиновый пудинг и мятный чай. Да, еще фруктовый салат с клубникой — это я специально для вас сделал.

Пижда благодарно улыбнулась:

— Спасибо, Пончик. Ты это замечательно придумал, мы действительно чуть не забыли о еде. Краклин, отвлекись ненадолго, давай перекусим.

Краклин с удовольствием согласилась. За едой она рассказала Пончику:

— Ты и представить себе не можешь, сколько здесь всего интересного. Есть и поваренные книги с древними рецептами, можешь взять их и использовать для приготовления новых блюд.

Однако Пончик заинтересовался совсем другим. Уставившись на последнее послание Мартина-Войтеля, полученное посредством Таммо и лежащее тут же на столе, он прочел:

Барсучья прозорливость нам поможет,
Но глаз барсучий видеть уж не сможет.
Седой герой во мрако отдохнет,
А юный — солнцем над горой взойдет!

Пижда удивленно взглянула на него поверх очков:

— Почему ты выбрал именно это четверостишие, дружок?

Пончик потер лоб:

— Ну, понимаете, просто все сразу обратили внимание на первые два четверостишия — про то, что сражение будет не в аббатстве, и про Миджа с Таммо, а на третье никто не обратил внимания. Ведь оно тоже, наверное, что-то значит?

— Пончик прав, — задумчиво сказала Краклин. — Мы обратили внимание только на то, что касалось предстоящего сражения. Последнее четверостишие, конечно, очень загадочно и, безусловно, что-то значит.

Думаю, однажды мы это поймем. Но придется подождать, пока само время подскажет нам ответ.

Пончик подошел к ближайшей полке и снял с нее увесистый том.

— Вы правы, время само подсказывает ответы рано или поздно. Возможно, оно раскроет какой-нибудь секрет и этого старинного тома?

Пижме нравился Пончик, он был очень смысленный.

— Открой первую страницу, — посоветовала она, — и посмотри, кто автор этого труда. Обычно имя пишется на титульном листе.

Сдув с книги облачко пыли, Пончик открыл ее и громко прочел:

— Летопись настоятельницы Герани.

Краплин рванулась вперед, расплескав мятный чай:

— Герань — Архитектор аббатства! Да это же именно то, что мы ищем! Вот спасибо, Пончик, вот угодил — так угодил!

Они поспешили выйти из пыльной комнаты на свежий воздух и уселись на солнышке на теплых каменных ступенях. Краплин бережно перевернула первую страницу.

— Я думаю, — сказала она, — в этой книге мы найдем ответ на вопрос, что же это за яма там, под южной стеной.

Как только четыре лодки вернулись в аббатство, все гребцы бегом бросились на кухню. Командор громко крикнул:

— Эй, Пончик! Есть тут что-нибудь для голодных, усталых зверей, честно исполнивших свой долг?

Из угла ему навстречу метнулась Матушка Хлопотунья с поварешкой в лапах:

— Тише, тише! Пончика нет, вы что, ослепли? Так что давайте-ка уходите и не шумите здесь: разбудите совят — а они только что уснули!

Гургун Гарпун деликатно поклонился, войдя следом за командором:

— Пусть госпожа простит громкие голоса. Гургун и его друзья подождут в столовой, пока их обслужит кто-нибудь такой же милый, как вы.

Застигнутая такой галантностью врасплох, Матушка Хлопотунья широко улыбнулась и тут же, всплеснув лапами, засуетилась у печи:

— Вы как раз вовремя. Обед еще не успел остыть. Я только немного подогрею запеканку и суп и тут же принесу. Будете крыжовенный морс?

Водноеж еще раз поклонился, проникновенно сказав:

— Это даже больше того, на что я смел рассчитывать, особенно если госпожа сама накроет.

Улыбаясь, белка бросилась греть еду.

Лог-а-Лог подтолкнул локтем Гургуна:

— Ах ты, старый плут! Как тебе это удалось? Самое большее, что нам здесь светило, — это получить поварешкой по лбу, а ты уговорил ее на настоящий обед!

Гургун усмехнулся, садясь за стол:

— Иногда и ложка меду может изменить содержимое бочки дегтя, не только наоборот.

Тут его взгляд упал на Шэда.

— Неужели это Шэд? Что случилось с его носом?

Шэд качал колыбель Руссано. На носу у Хранителя ворот был приклеен лист подорожника.

— Никогда не наклоняйтесь слишком близко к совятам, — грустно посоветовал он, — они могут при-

нять ваш нос за один из сахарных орешков, которые они так любят. А клювики у них, должен заметить, как ножнички, — чик, — и можно вообще без носа остаться!

Командор засмеялся.

— Ну а как наш маленький Руссано? — спросил он. — Он-то не клюется?

— О нет. Он только что выучил новое слово. Смотрите!

Шэд поднял над барсучонок орех в сахаре, и тот четко сказал:

— О-рех!

Все захлопали в лапы и окружили колыбель, каждый норовил сам протянуть орешек Руссано, а тот с удовольствием громко повторял:

— О-рех! О-рех! О-рех!

Из кухни вылетели недовольные Орокка и Таунок.

— Это кто тут затеял всю эту орехоманию? — возмутились они. — Вы же перебудите совят!

С непроницаемыми серьезными мордами выдры расступились, указывая на Руссано:

— Мы тут ни при чем! Это все он!

Хорек Скауп и еще зверей пятнадцать обедали на поляне, забравшись глубже в лес, чем обычно. Скауп был доволен: они сбили несколько птиц, нашли гнездо с яйцами, а вдобавок к тому подобрали у берегадохлого окуня, и теперь наслаждались богатой трапезой. Вокруг росла черника, и, хоть ягоды еще были недозрелые, звери жадно поедали их, пачкаясь соком.

Вдруг один хорек указал в сторону:

— Смотрите, там трое! Они направляются к нам!

Услышав возглас хорька, Гром Стальная Челюсть тут же припал к земле и пополз назад, успев прошептать:

— Надеюсь, они не успели меня как следует рассмотреть. Придется вам убедить их, что меня и вовсе не было. Удачи!

Мечами наголо, Бродяги приближались к Миджу с Таммо. Почти не разжимая губ, Мидж быстро сказал:

— Не забудь: ты — немой.

В следующую секунду шпага Скаупа уже ткнулась ему в горло.

— Кто и откуда? Быстро! — крикнул он.

Мидж спокойно ответил:

— Слушай, ты, я могу задать тебе тот же вопрос!

— Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы, гы-гы! С вами был третий, где он?

Словно не замечая шпаги, Мидж сочувственно покачал головой:

— Э-э, да ты, я смотрю, совсем плох, браток! Ты чего, грога перепил вчера? Меня зовут Мигго, а это — Бурша. Он немой. Всё, больше нет никого! Ку-ку!

Хорек, который видел Грома, почесал затылок:

— Да я видел, был с ними третий, лапу даю на отсечение!

Мидж оттолкнул Скаупа и схватил хорька за лапу:

— Уверен? Такой глазастый, да? А орех у себя в ухе ты видел? — И Мидж изо всей силы крутанул его ухо.

Хорек взвыл от боли, но остальные даже не шелохнулись, ошарашенно глядя на орех, который Мидж у них на глазах извлек из хорькового уха.

Таммо быстро сообразил, в чем заключается трюк, и, незаметно вытащив еще один орех, проскользнул мимо Скаупа, опустившего шпагу. Мидж увидел это краешком глаза и весело заметил Скаупу:

— А ты посмотри, что у тебя со шпагой!

Тот поднял шпагу к самым глазам и уперся взглядом еще в один орех.

— Ты, это... Как ты это сделал?! — ошалело спросил он.

— Кхи-кхи-кхи! А как ты, это... разглядел с нами третьего? Я тоже не знаю, а ты знаешь, браток?

Мидж начал забавно пританцовывать, и Бродяги стали посмеиваться. Таммо присоединился к другу, дико подпрыгивая и вращая глазами. Вместе они смотрелись столь комично, выделявая нелепые пируэты, что вскоре все покатались со смеху, даже Скауп.

Гром Стальная Челюсть, наблюдавший за ними из-за толстого вяза, тоже улыбнулся. Пока что Мидж и Таммо в безопасности, решил он и последовал за отрядом в направлении лагеря, соблюдая дистанцию и необходимую осторожность.

Скауп хитро подмигнул Миджу:

— Ты соображаешь! А попробуй, вытащи орех из моего уха, сможешь?

— Зачем вытаскивать его из уха, раз он приклеился к твоему плащу?

Скауп повернулся и действительно снял с плеча приклеившийся орешек.

— Ну ты даешь! А что это твой — как его? — Бурша ничего не говорит?

— Да я его чиркнул по горлу — было дело по молодости, ага... С тех пор и не может говорить. Зато и обзывать больше не может, гы-гы-гы!

В Лагерь Бродяг они пришли уже к вечеру. Бесчисленное количество зверья толпилось вокруг костров, жаря еду, гогоча и переругиваясь. Все были вооружены до зубов, все неприязненно разглядывали новеньких. Скауп подвел их к палатке, у входа в которую стояли четыре караульных. Заставив Миджа и Таммо оставить у входа все вещи, он ввел их вовнутрь, и они оказались лицом к лицу с самим Дамугом Клыкком, Предводителем, Острейшим Мечом всех Бродяг. Шерсть встала дыбом у Таммо на спине, и ничего удивительного: Дамуг производил впечатление.

Великокрыс был облачен в серебряную кольчугу, на голове блестел шлем с черепом наверху, а морда была выкрашена в алый цвет с ярко-синими полосами. Опустив взгляд, Таммо уперся в зеленые сандалии из змеиной кожи.

Дамуг указал на вошедших острием знаменитого меча — символа власти над Бродягами, ровного с одной стороны и волнистого — с другой.

— Что вам потребовалось здесь? — прогремел он. — Вы не Бродяги!

Мидж многозначительно кивнул:

— Я был, был Бродягой, но давно, еще под предводительством вашего батюшки, Гормада Тунна. Подождите, не говорите ничего, я сам пойму... Вы — Дамуг, младший сын Гормада Тунна! А как звали старшего? Секундочку, секундочку... Бирл! Точно, его звали Бирл! А где он?

Глаза Дамуга устрещающе блеснули.

— Слишком много вопросов задаешь, жить надоело? А ну закрой рот! Ты хоть понимаешь, куда пришел?

Мидж невозмутимо опустился на землю у костра и высыпал из мешочка цветные камушки и палочки. Подбросив их в воздух, он посмотрел на комбинацию, совершенно не обращая внимания на Дамуга, а потом нараспев заговорил:

— Я могу не задавать вопросов, знаки сами дадут мне ответы! Луна и звезды, деревья и ветер, земля и еуша — все шепчет, шепчет, шепчет! Все выдает свои секреты мне, мне, мне!

Краешком глаза Мидж заметил, что заинтриговал Острейщера. Тот опустил меч.

— Так ты ясновидящий? Ты можешь предсказывать будущее? — уже спокойнее спросил он.

— Да, некоторые зовут меня ясновидящим, но кто может знать наверняка?

— А этот, что пришел с тобой, он тоже такой?

— Нет, только не Бурша. Он немой, убогий. Ходит, где хочет. Бурша, пошел вон!

Таммо догадался, что так Мидж посылает его к Грому сообщить новости, и вышел из палатки. Дамуг высунулся ему вслед:

— Скауп, предупреди, чтобы не трогали убогого, пусть идет, куда ему взбредет. Итак, ты ясновидящий, — сказал он, возвращаясь к Миджу. — Как тебя зовут?

— Мигго. Так назвал меня черный лис в безлунную ночь моего рождения.

Дамуг долго и внимательно смотрел в глаза Миджа, потом махнул лапой:

— Будь моим гостем, Мигго. Эй, принесите нам еды и питья!

Таммо тем временем медленно брел через лагерь, и лапы его, надо признать, слегка дрожали. Пробира-

ясь мимо одного из костров, он обо что-то споткнулся и, наклонившись, увидел знакомый до боли посох. Рядом сидел хорек, Таммо сразу узнал его, это был Прохвост. Таммо хотел уйти, но Прохвост дал ему пинка:

— Ты чего шатаешься здесь в ночи, а? Ну и несет от тебя, придурок! Что, язык проглотил?

Таммо затряс головой, бурно жестикулируя и указывая на свой рот.

— Оставь его в покое! — крикнул кто-то. — Это немой! Дамуг приказал не трогать его.

— Немому ни к чему такой кинжал! — хищно ухмыльнулся Прохвост и отнял у Таммо фамильное оружие. — Почистищу и оставлю себе.

Внезапно перед ними вырос Скауп и вырвал кинжал одним движением.

— Я же ясно сказал: не трогать его! Приказ Дамуга! — и отдал кинжал Таммо.

Тот поспешил убраться. За спиной еще долго раздавалось повизгивание Прохвоста, который получил от Скаупа по заслугам.

За пределами лагеря было тихо и спокойно. Только отдаленный бой барабанов да слабый запах костров напоминали о том, что враг рядом. Внезапно из-за куста выросла огромная фигура и замахала лапами:

— Я здесь, Тамм!

Гром! Милый старина Гром! Таммо вприпрыжку подлетел к нему, они обнялись. Разделив пополам редвольские лепешки, сыр и квас, они поужинали. Таммо рассказал обо всем, что произошло с ним и Миджем за последнее время.

— Дамуг считает Миджа ясновидящим, так что все в порядке. А у тебя нет новостей о предстоящем поле боя?

— Нет, пока нет. Может, завтра передадут. Ну, тебе пора.

— Поскорее бы все это закончилось, — вздохнул Таммо, тяжело поднимаясь в маскировочном наряде. — Ни минуты лишней там не останусь, гадость страшная!

— Что делать, дружок... Вот тебе расплата за честь служить в Дозорном Отряде! И так, завтра на этом же месте. Удачи!

Тот

ад.

и

Мидж понял, что ввязался в слишком рискованную игру. Дамуг оказался не дурак. Он сидел напротив замаскированного зайца и пристально изучал его. В центре палатки горел небольшой костер, и языки пламени отражались в глазах Великокрывса.

— Поговори со мной, Мигго, расскажи мне что-нибудь.

Мидж задумчиво посмотрел на огонь, потом медленно заговорил:

— Я вижу гору, большую гору... Я вижу барсучиху с красными глазами. Вижу Гормада Тунна и его разбитый флот.

Дамуг стремительно встал и, быстро протянув лапу через огонь, схватил Миджа за горло. Приподняв его над землей до уровня лица, он встряхнул зайца как мешок, прошипев:

— Это может сказать кто угодно! Для этого не надо быть ясновидящим! Я хочу знать о своем будущем, расскажи мне об этом, пока я мозги из тебя не вышиб, понял?

Задыхаясь и едва не теряя сознание, Мидж успел что-то вытащить из кармана и переложить в шлем Дамуга, одновременно лягнув его в глаз.

— Я вижу! Я вижу твое будущее, о Великий! — прохрипел он.

Дамуг бросил его, потирая глаз. Мидж перевернулся и схватился за шею. Острейший сел на прежнее место, глаз слегка слезился. Он повернулся боком, чтобы не показать слабости.

— Итак, — заговорил он примирительно, — что ты видишь? Говори.

Мидж вновь вытащил мешочек и подбросил камушки и палочки. Он долго изучал комбинацию. Потом произнес:

— Вот десять палочек. Это десять сотен Бродяг. Стало быть, под твоим командованием их около тысячи. Вот красные камни цвета крови, цвета аббатства Рэдволл. Над ними может властвовать только один камень — коричневый, символ земли, символ Острейшего, который покорит всю землю.

Мидж закрыл глаза и погрузился в молчание. Дамуг подождал, потом заерзал:

— Ну и что, что коричневый камень? Здесь только палочки да красные камушки, никакого коричневого я здесь не вижу! Где он? Говори!

Выудив из кармана горсть какого-то порошка, Мидж бросил ее в огонь, и пламя на миг вспыхнуло голубоватым светом.

— А-а, это тебе лучше знать, о Великий! Всем известно, что твое сердце каменное, а как можно извлечь камень из камня? Но всем также известно, что ты умен. Возможно, камень — в твоей голове? Можешь ли ты заглянуть в свою голову, Дамуг Клык?

Зачарованно Великокрыс снял с головы шлем и опустил его на землю. Затем медленно прикоснулся к голове, провел лапой по затылку, по лбу, снова по затылку...

— Найти камень в голове? Да ты что, за идиота меня принимаешь, а? Ты шутить тут вздумал?! Да я сейчас...

Мидж предостерегающе поднял лапу:

— Смотрите, господин, я сижу и не двигаюсь. Что бы я ни сделал, вы решите, что это просто трюк. Вы все сделаете сами. Итак, голоса говорят мне, что камень — внутри черепа. Большого я сказать не могу.

Дамуг еще раз ощупал голову за ушами, под подбородком, на затылке... Наконец, не выдержав, он завопил:

— Да чушь все это! Ты говоришь загадками, ты просто хочешь меня одурачить! — И он с размаху пнул лапой шлем. Из черепа, украшающего наконецник, вывалился и медленно покатился коричневый камень. Дамуг застыл. Как и все завоеватели, он был чудовищно суеверен и готов поверить любым преданаменованиям. Он медленно наклонился и с трепетом поднял простой камешек, который с этого момента обрел в его глазах магическую силу.

— Прости меня, Митго. Ты говорил правду, а я не поверил тебе. Ты — ясновидящий, теперь я прозрел. Скажи, что еще ты видишь? Я должен знать!

Мидж понял, что рыбка на крючке. Закрыв глаза, он постарался придать лицу как можно большие от-
решенность и усталость.

— Мне нужны силы. Мне нужны сон, еда и питье. Завтра я скажу тебе обо всем. А пока позови Буршу, он мне поможет. Ты же... все узнаешь завтра.

Синяки Прохвоста ныли, но это его не остановило. Он упорно рыскал по лагерю в поисках Бурши. Что-то во внешности этого зверя его тревожило, может, глаза, может, взгляд... Он бродил с посохом вокруг костров, вглядываясь в морды зверей.

— Если ты проголодался, у нас пусто!

— Да, иди поищи в другом месте!

Это были Чихун и Чесун. Прохвост обратился к Чесуну:

— Браток, не видел тут такого типа, в лохмотьях и цепях, с бородой?

Чесун задумался, обсасывая рыбную кость:

— Я... Это... Короче, видел вроде... Он убогий. Немой. Острейший приказал его не трогать. Кстати, говорят, один кретин к нему все-таки пристал, так капитан Скауд конкретно отделал его! И правильно, нечего нарушать приказы!

Посох Прохвоста ткнулся Чесуну в нос.

— Когда я спрошу твое мнение, тогда и выскажешься, понял, дубина? А теперь меня интересует только одно: куда этот немой пошел?

Чихун ткнул дрожащей лапой в направлении ручья:

→ Туда, вон туда! Совсем недавно пошел!

Прохвост нырнул в темноту и направился к ручью. Чесун потер нос, глядя ему вслед:

— Фто по нофу-то бить, я бы и так фсе фказал!

Таммо уже видел клетку с пленной белкой. Сейчас он решил подойти поближе. Охранники сперва недоуменно смотрели на его бурную жестикуляцию, потом поняли, что он просит их отойти в сторону, и отошли — слух о том, что с немой надо обращаться уважительно, уже облетел весь лагерь.

Таммо присел перед клеткой на корточки и, просунув лезвие кинжала между прутьев, стал водить им в разные стороны, словно специально пугая белку. Тот отполз в дальний конец клетки и сдавленно спросил:

→ Что вы меня мучаете? Что вам от меня надо? Я не боюсь вас!

Таммо, продолжая делать вид, что издевается над белкой, прошептал как можно тише:

— Я не враг и не Бродяга. Все думают, что я немой, так что громко говорить я не могу. Слушай: я из Доворного Отряда, нас тут двое. Мы постараемся тебя спасти.

Белка перекатился на спину и ответил тоже очень тихо:

— Спасибо. Но я умираю от голода и жажды.

— Я попробую тебе помочь, но сам ничего не предпринимаю.

Тут Таммо обернулся и почти совсем рядом увидел Прохвоста. Хорек стоял, опершись о посох, и притопывал правой лапой. Таммо согнулся пополам и бросился на хорька, сбив его. Капитан Цербер, увидев,

как они катаются по земле, поспешил на помощь немому.

— Вы только посмотрите, — крикнул он двум подчиненным, — опять этот дурак полез на убогого! Эй ты! Тебе мало было сегодня от Скаупа? Ты чего, не понял: приказ Дамуга — его не трогать!

Несколько сильных лап оттащили Прохвоста и принялись его лупить, приговаривая:

— Вот тебе, будешь слушаться приказов!

— Будешь слушаться Острейшего!

— Не будешь выпендриваться, будто тебе одному все можно!

Под шумок Таммо ускользнул.

Мидж высунулся из-под навеса, натянутого между раскидистым кустом и скалистой стеной. Он вглядывался в темноту до тех пор, пока не различил неясную фигуру.

— Эй, Тамм, сюда! Нам выделили отдельное жилье!

Тамм радостно влез под навес, где между камнями горел небольшой костерок. Мидж достал лепешки и кувшин крепкого грога, которыми снабдил его Дамуг, но Таммо отказался:

— Спасибо, я поужинал с Громом. Ну, рассказывай скорее, как ты поговорил с этим кошмарным Дамугом?

И Мидж все подробно ему рассказал. Тамм тоже сообщил другу о драке и о Прохвосте.

— Понимаешь, у него посох Руссы! Я готов убить его на месте, у меня лапы чешутся!

— Нет, Тамм. Не за этим мы сюда пришли. Если ты сейчас отомстишь за Руссу, ты убьешь одного вра-

но погубишь много друзей — вся наша операция будет провалена. Так что терпи и жди.

Таммо рассказал и о белке.

— Ничего, — подумав, ответил Мидж, — мы его накормим и напоим. А пока отдыхай.

Когда весь лагерь уснул и погрузился во мрак, две фигуры выскользнули из-под навеса и неслышно направились к реке, туда, где сидела в заточении пленная белка.

Колокола Рэдволла пробили полночь, но их слышали только трое — аббатиса Пижма, поваренок Пончик и летописица Краклин, которые все еще не спали. Они сидели за широким кухонным столом, разложив перед собой дневник настоятельницы Герани, написанный много сезонов назад, и тщательно изучали его. Настоятельница описывала самое начало строительства аббатства.

Орокка некоторое время наблюдала за ними — все равно Таунок, улетевший с майором Ловкачом Леволапом, пока не вернулся. Но шли часы за часами, его все не было, и, поняв,

что ждать сегодня уже бесполезно, сова перелетела в кухонный шкаф укладывать совят.

— Вот как выглядел Котир. — Краклин открыла плотную страницу с картинкой. — Это было страшное место, сырое, темное, и правили там злые дикие кошки! Мартин Воитель с друзьями победил их задолго до того, как было построено аббатство. Потом они временно отвели русло реки и затопили ужасный замок, чтобы никто и никогда больше не видел его. Котир оказался погребен под толщиной воды. Видимо, строительство аббатства началось на северном берегу озера, в котором навек исчез Котир. Но строительство было долгим — не сезон, и даже не двадцать... К тому времени, как оно завершилось, озеро обмелело, потому что землю и строительный песок все время сбрасывали в него. Поэтому маленький ручеек был направлен на территорию аббатства, и он образовал пруд.

Пижма отпила немного чаю и всплеснула лапами:

— Как мудро! И ведь мы пользуемся им до сих пор!

— Да, но тут еще говорится о засухе. Однажды, когда строительство было в разгаре, началась засуха, и озеро высохло окончательно. На дне, покрывавшем бывший Котир, стали расти деревья и трава, и все забыли о страшном замке. Так что через некоторое время строительство аббатства было продолжено, отчасти прямо поверх Котира!

— Смотрите, вот он, ответ! Это рисунок с планом аббатства. А вот этой пунктирной линией начерчена схема бывшего Котира.

Пижма внимательно посмотрела на рисунок и ахнула:

— Не верю глазам своим! Они построили южную стену прямо над Башней Котира! Так вот что получается... после всех этих долгих сезонов земля осела, обнажив верхнее отверстие Башни, которое, как оказалось, находится под южной стеной аббатства Вот откуда эта бездонная дыра! Как интересно было бы спуститься вниз по этой Башне и посмотреть, что там осталось! Если теперь там все высохло, конечно.

Из кухонного шкафа высунулась немного взъерошенная голова.

— Вы уж простите меня, настоятельница, но негоже это — сидеть тут всю ночь, мешая спать моим деткам! — проворчала Орокка. — Вам и самим пора бы уже отдохнуть. Так что идите, идите, и нечего тут больше сидеть.

Пижда быстро и аккуратно собрала все со стола и извинилась:

— Простите, дорогая. Вы правы. Нам всем пора спать. А утром возьмем Шэда и Перекопа и отправимся осматривать Башню изнутри.

Как только первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев к западу от Радволла, майор Ловкач Леголап поднялся и сел в сухой канавке, где он провел ночь. Капитан Молния стояла на высоко выступавшем из земли корне и пристально осматривала окрестности.

— Моя очередь, — сказал майор. — Как, не видно их пока?

— Нет. Куда же это их занесло, интересно?

— Кто знает? Задача у них не из легких. Эй, Таунок, где ты там? Поднимись-ка в воздух и посмотри, не видно ли наших друзей!

Таунок недовольно высунул из-под пера клюв и покосился на майора сонным глазом:

— Строго говоря, я отношусь к разряду ночных птиц, не привлекаемых к ранним видам утренней деятельности...

Он нехотя поднялся в небо и почти тут же камнем опустился вниз:

— Идут, идут ваши друзья. Вон оттуда, с юго-запада. Майор, было бы неплохо подать им какой-нибудь сигнал, определяющий ваше местоположение.

Майор вылез из канавы и высоко поднял над головой саблю. Она ярко сверкнула в лучах солнца. Ястреб и Морион сразу заметили сигнал и вскоре уже докладывали о результатах поиска:

— Мы нашли прекрасное место, идеальное для сражения! В полутора днях пути на юго-запад. Там есть гора, напоминающая по форме барсучий нос. Под ней — долина, ее трещиной пересекает узкое ущелье. Выглядит все это примерно так...

Морион нарисовал план на земле острием кинжала. Молния похвалила их выбор:

— Хорошая работа, ребята. Неплохое место для пикничка, а?

Майор тоже остался доволен:

— Да, мы сможем отстреливаться из-за горы, расположив свои силы вне поля зрения противника. Если бы удалось выманить их на открытое место, чтобы они наступали со стороны ущелья, это было бы идеально. Ну что ж, Таунок, теперь дело за тобой. Лети и посмотри сам на этот Барсучий Нос, а потом найди Грома и опиши ему во всех подробностях, как туда добраться. Ты все понял?

Таунок снова взмыл в воздух и уже сверху крикнул:

— Я обладаю достаточными умственными способностями, майор, чтобы понимать поставленную задачу с первого раза. В конце концов, я филин, а не заяц!

Когда он скрылся из виду, сержант Ястреб подмигнул Молнии:

— Пожалуй, это самая надменная птица, какую я когда-либо видел, разорви меня горюстай.

— Как бы он и вправду не разорвал вас, сержант! — услышал он над самым ухом и вздрогнул, ибо Таунок приземлился прямо рядом с ним. Филин осуждающе посмотрел на сержанта, потом на майора.

— Вы информировали меня о местоположении и о лицах, которым я должен доставить информацию, но совершенно упустили из виду время предстоящего сражения.

Майор галантно поклонился.

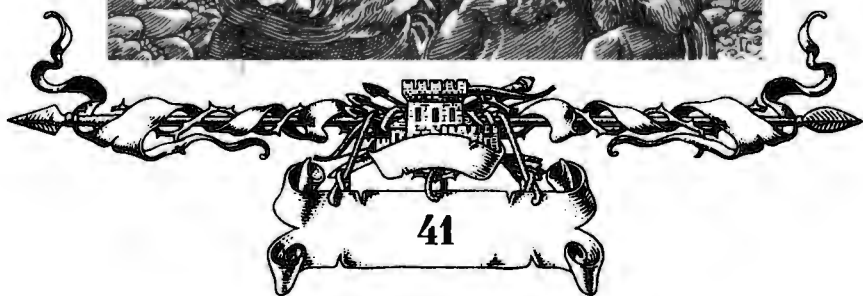
— Приношу свои извинения, уважаемый. Ты совершенно прав, это — мое упущение. Давайте определим дату сражения. Скажем, оно должно состояться через три дня. Но, если возможно будет отложить еще на какое-то время, передайте, что чем дольше — тем лучше. У нас будет больше времени подготовиться. Заранее спасибо.

Таунок улетел, но сержант Ястреб еще долго выглядел подавленным. Наконец он грустно констатировал:

— Мне следовало бы держать язык за зубами.

Молния

Осе были готовы к спуску: поваренок Пончик вооружился крепкой медной поварешкой — единственным оружием, которым он хорошо владел; Перекоп и Шэд прихватили веревки, факелы и длинную веревочную лестницу, которую они позаимствовали у Дингдона; Пижма и Краклин облачились в рабочие халаты и взяли с двух сторон увесистую корзину с едой. Потом двинулись в путь.

Было прекрасное летнее утро. Неразлучные Торри и Тарри катили по лужайке большую коляску, в которой сидели любопытные совята и радостный Руссано — им очень нравились

прогулки на свежем воздухе. Пижма помахала им лапой.

— До встречи, мои хорошие! Ждите нас, мы скоро!

— О-рех-рех-рех!!! — донеслось в ответ. Это было единственное слово, которое малыши пока выговаривали.

У ямы под южной стеной Пончик зажег факелы и, привязав их к веревкам с равными интервалами, спустил вниз, освещая пропасть изнутри. Параллельно веревке Шэд спустил веревочную лестницу.

— Я полезу первым, — сказал он, — потом Пижма и Краклин. Перекоп, ты будешь последним. Итак, повторяю еще раз: будьте внимательны, спускайтесь осторожно, лестницу не дергайте.

Один за другим они начали спускаться вовнутрь башни Котира. На каменных стенах танцевали причудливые тени. Перекоп указал на слова, выбитые на одной из плит:

«Вниз спустись и обернись,
Да налevo повернись,
Каждый шаг умножь на десять
И увидишь птицу смерти.
Там, за стенкою, лежит
То, что мне принадлежит».

Вердог, Правитель Котира

— Смотрите, здесь раньше была лестница, — указала Краклин на обломки, равномерно торчащие из стены. Потом достала перо и бумагу и быстро переписала непонятный текст.

— Я все должна сохранить для потомков, — пояснила она.

Когда они наконец спустились на самое дно, Пончик задрал голову и присвистнул — платформа была

такой далекой! Она казалась снизу крошечной точкой.

— Ну и забра-ались мы! — протянул он. — И подумать только, что командор сиганул с такой высоты, спасая Слоечку! Да я бы лично со страху умер прежде, чем долетел.

— Учитывая то, что дно теперь высохло, ты умер бы в любом случае, — усмехнулся Шэд. — Ладно, идемте дальше.

Друзья двинулись вперед по скользким камням, еще недавно скрытым мощным потоком. Впереди оказался тупик.

Пижма выбрала камень посуше и присела.

— Не знаю, как вы, друзья мои, а я чувствую себя как будто мокрой и очень усталой. Куда же нам теперь идти?

— Смотрите! — Краклия указала на дыру в стене немного выше того места, где они стояли. — Мне кажется, там должен быть проход. Видимо, раньше лестница заканчивалась именно там, но потом вода размыла пол, и сейчас мы находимся ниже его уровня, как бы под полом. Надо бы подняться и посмотреть.

Шэд быстро вскарабкался по стене и крикнул оттуда:

— Точно! Здесь есть проход! Поднимайтесь сюда, я вам помогу.

Один за другим они поднялись. Перекоп нащел ветку, чудом оказавшуюся сухой, и, налив на нее немного масла, развел костер.

— Я вот что думаю, хурр-хурр... Пррежде, чем мы двинемся дальше, неплохо было бы немного подкрепиться...

Пижма улыбку утратила и с одобрением кивнула:

— Ну что бы мы делали без нашего рассудительного крота!

Поваренок Пончик быстро разложил нарезанный тонкими ломтями вишневый пирог и орехи. Флягу с красным вином он поставил к огню, чтобы оно подогрелось.

Все с удовольствием принялись за еду, обсуждая стихотворение.

— Итак, его написал сам Правитель Котира, — заметила Пижма, — но зачем? К чему было выбивать эту таинственную инструкцию на стене?

— Я заметила дырки — следы гвоздей вокруг надписи, — сказала Краклин. — Видимо, раньше там висела занавеска, стихотворение прятали. Вы спрашиваете, зачем? Возможно, Вердог был стар, многое забывал, боялся забыть и это. Вот и оставил заметку, но, чтобы никто не прочел, прятал ее за занавеской.

Перекоп отломил кусочек пирога и задумчиво кивнул:

— Ну и задачка, хурр-хурр... Что же значат слова: «Вниз спустись и обернись, да налево повернись»?

— Да, звучит загадочно, — ответила Краклин, — но на самом деле именно так и выражаются те, кто прячет что-то и не хочет, чтобы другие узнали. Надо сначала обернуться, чтобы оказаться спиной к проходу, а потом повернуться налево. Значит, если спуститься и не поворачиваться, надо идти направо. Вот и весь секрет.

— А что значит «Каждый шаг умножь на десять»? — спросил Пончик, разливая теплое вино. — Если каждый шаг умножать, никогда не дойдешь!

— Значит, что мы делаем только один шаг правой лапой, один — левой. Но те существа, которые жили здесь, ходили на четырех лапах. Стало быть, надо два шага умножить на десять и получится двадцать. Нам надо будет пройти двадцать шагов по проходу, но вначале давайте закончим с едой.

Пройдя двадцать шагов, друзья остановились. Низкие стены, темнота. Ничего нового. Пижма огляделась и на секунду подумала: сколько же лап прошло по этим плитам, что они вытерлись и стали такими гладкими... Потом она подняла глаза и различила в одной из стен как будто окошко.

— Эй, смотрите! — указала она. — Куда оно может выходить?

Шэд распахнул резные ставни и засмеялся:

— Ну и вид! Прямо пейзаж, ничего не скажешь!

За окном была глухая стена, выложенная кирпичами.

— Ну и что нам теперь делать?

— «Каждый шаг умножь на десять и увидишь птицу смерти», — процитировала Краклин. — Что-то я ничего не вижу.

Пижма подняла повыше светильник и вздрогнула. Резьба на ставнях была зловещей, ужасной, но гениальной. Звери и птицы смотрели словно живые. Среди них особо бросался в глаза большой ворон.

— Птица смерти! Так называют ворона, потому что он клюет падалы! Вот то, о чем говорится в стихотворении! — воскликнул Шэд.

— Молодец, — похвалила Краклин. — И как я сразу не догадалась! Но послушайте, ведь это значит, что именно здесь лежит то, на что намекает таинст-

венная надписи! «Там, за стенкою, лежит то, что мне принадлежит».

— Надо разобрать кладку, — решил Шэд.

Он взобрался на подоконник и помог взобраться Перекопу.

— Остальные — в сторону, — скомандовал он и взял светильник в зубы, чтобы освободить обе лапы для работы.

Скребя когтями, работая сильными лапами и разбрасывая во все стороны щебенку, Перекоп и Шэд вытащили наконец центральный камень кладки.

«Бумм!!!» — упал тот на землю, подняв облако пыли, сквозь которое друзья разглядели, как Шэд запускает лапу в образовавшееся отверстие. Он успел вытащить несколько блестящих предметов и крикнул:

— Вы только посмотрите! Вот это да! У-у-у! Мамочки, помогите!

Камни верхней кладки, потеряв опору, стали осыпаться, прищемив выдрю лапу.

— У-у-у, моя лапа! Помогите!

Все остальное случилось мгновенно. Перекоп выдернул камень, прищемивший лапу Шэда, сам при этом соскользнул с подоконника, и тут же сверху посыпались щебенка, камни, и вся стена с треском и шумом обрушилась на головы непрошенных гостей.

Бродяги спали, похрапывая и побряхтывая. Стражи беличьей клетки лежали у костра неподалеку от клетки и тоже спали, открыв рты, несмотря на то что должны были бдительно охранять пленника.

Старый белка Пепел увидел две фигуры, которые тихонько подошли к нему. Это были Таммо и Мидж. Пепел с жадностью набросился на еду и воду, которые зайцы просунули ему через прутья решетки.

— Как тебя зовут? Как ты попал сюда? — шепотом спросил Мидж.

— Меня зовут Пепел. Я живу сам по себе в Лесу Цветущих Мхов. Они напали неожиданно и застали меня врасплох — должно быть, я старею.

Мидж передал ему маленький нож.

— Мы оба — зайцы Дозорного Отряда. Меня зовут Мидж, его — Таммо. Теперь послушай, старина: мы освободим тебя, главное — не делай глупостей и не опережай события. Мы вытащим тебя сами, может, завтра ночью. Но сам ничего не предпринимай, договорились?

Таммо толкнул его под локоть:

— Осторожно, кажется, горностаи проснулись!

Капитан Цербер действительно закашлялся и поднялся, направляясь к ручью. Напившись, он выпрямился и громко рыгнул.

Миджу и Таммо негде было прятаться. Стоит пошевелиться — их сразу заметят. Мидж шепнул:

— Иди к ручью и делай вид, что медитируешь!

Таммо двинулся навстречу горностаю, ступая как во сне и как бы не видя ничего перед собой. У воды он остановился, вперившись вдаль. Цербер уже открыл рот, чтобы крикнуть, но Мидж опередил его:

— Доброй ночи! Не обращайтесь внимания на Буршу, он странный — вечно его несет невесть куда. Он как лунатик.

— Что вы здесь делаете? — подозрительно спросил капитан, вытащив саблю.

В ответ Мидж протянул ему флягу с грогом, которую не успел отдать Пеплу.

— Да я присматриваю за Буршей, чтобы он никого не напугал и не разбудил. Глотните-ка вот этого, настоящий грог! Сам Дамуг дал его мне! Ласкает горло как бархат.

Все еще подозрительно поглядывая то на Миджа, то на Таммо, Цербер все-таки взял протянутую флягу и сделал большой глоток.

— Так значит, ты ясновидящий? Поговаривают, ты творишь чудеса.

Мидж подошел поближе и доверительно прошептал капитану на ухо:

— Я не волшебник, а вы — да. Иначе что бы делал этот орех у вас в ухе?

Капитан радостно загоготал, глядя на орех, извлеченный Миджем.

— Я знал, браток, что ты волшебник! Гы-гы-гы!

Мидж улыбнулся:

— Это не так почетно, как быть капитаном Бродяг, господин.

Цербер подобрел и похлопал Миджа по плечу:

— Ты считаешь? Гы-гы, а иногда неплохо бы совместить. Эх, браток, как хочется иногда быть волшебником, чтобы вдолбить команды в эти пустые башки, если б ты знал! Вон, храпят на посту, и никто им не указ. Но расскажи-ка мне побольше о своих талантах. Что ты еще можешь? Говорят, ты знаешь прикольные загадки! Короче, давай, загадай мне что-нибудь, гы-гы-гы!

— Загадки? Хорошо. Вот, например, эта...

Мидж незаметно взял Таммо под локоть и направился обратно к лагерю, бросив через плечо:

— Что рыгает и храпит, чешется и крепко спит?

— Гы-гы-гы! Прикольно! Не знаю... Эй, браток, а что это значит?

— Два ленивых охранника, которые вырубались на посту!

Мидж и Таммо были уже далеко, но до них еще долго доносился гогот Цербера.

Они вернулись к своему костру и сели составлять дальнейший план.

— Если завтра майор передаст нам сообщение о месте предстоящей битвы, я проведу еще один сеанс с Дамугом, и тогда мы сможем покинуть это добром забытое место.

— Хорошо бы... — мечтательно протянул Таммо, заворачиваясь в плащ и укладываясь спать. — Ни минуты лишней не хочу здесь оставаться. А Пепел? Мы ведь не бросим его?

Мидж улыбнулся:

— Конечно, не бросим. Я же обещал его освободить. Хотя это будет нелегко, ох как нелегко!

На рассвете, когда они еще спали, Таунок прилетел к Грому и передал ему все о месте и времени сражения.

Пробежав огромное расстояние, не видя дороги, раздраемая лютой ненавистью, с которой она не в состоянии была совладать, Крэгга наконец обессилела и упала. Она спала беспокойным сном: ее лихорадило, она то и дело вдрагивала, и глаза ее оставались полуоткрытыми. Из-за деревьев за барсучихой уже наблюдали голодные стервятники в надежде, что она слаба и больна и скоро умрет. Один молодой и горячий хотел уже клюнуть ее, но был остановлен сильным крылом вождя.

— Чаккаракк! Ты ккаккой сскоррый! Поддождем суммерекк! Потомм съедимм, к-к-к! Таккой ббольшой барсук-к-к!

Дозорный Отряд поднялся на рассвете и во главе с капралом Элбригом нагнал сержанта строевой подготовки Удара Булаву. Тот сидел на берегу, грустно свесив в воду разгоряченные лапы.

— Боюсь, я старею, — сказал он. — Я упустил ее, у меня больше не было сил гнаться по ее следам. Госпожа одержима всепоглощающей яростью, но я — простой смертный, я устал и не смог идти дальше.

— Ничего, мы найдем ее, обязательно найдем, — ответил Элбриг.

Днем они вышли на опушку леса, и капрал Элбриг указал на кружащих вдалеке стервятников:

— Пращи к бою! Это стервятники, они атакуют кого-то!

Стрелки бросились вперед, крича что есть мочи:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам! Еу-ла-ли-а!!!

За горкой они тут же увидели жертву и обрушились на стервятников настоящий каменный дождь. Госпожа Крегга была ранена в нескольких местах, где хищные птицы успели вырвать клочья. Она едва смогла подняться, опираясь на бердыш и на подоспевших зайцев.

Элбриг внимательно вглядывался в нее, пока она пила воду, и заметил, что она стала спокойнее, в глазах уже не было яростного огня.

— Все в порядке, — успокоила Крегга его. — Кажется, я заблудилась. Но главное, теперь я пришла в себя и мы снова вместе.

43

Прохвост вспылал ненавистью к двум таинственным оборванцам, примкнувшим к Бродягам. Собрав десяток зверей, он приказал:

— Докладывайте мне обо всем, что увидите и услышите. Я должен знать каждый шаг этой парочки, особенно ночью!

Но Таммо удалось провести сообщников Прохвоста. Он прыскачил мимо еще до рассвета, когда все спали без задних лап, и помчался на встречу с Громом. Они вместе позавтракали, и большой заяц передал все, что сообщил ему Таунок.

Вернуться оказалось сложнее. Дружки Прохвоста уже проснулись, Таммо сразу увидел их, перевалив через холм. Выход был только один: он согнулся чуть ли не пополам и, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания, двинулся к лагерю. Все было хорошо, пока неожиданно на плечо не опустилась тяжелая лапа. Таммо обернулся и узнал заторможенную крысу, которую, насколько он помнил, звали Чесун.

— Э... м... Ты, это... говорят, классные загадки знаешь! Загадай мне, это... ну, как Церберу загадывал...

— Тупица! — закричал Чихун, его приятель, которого Таммо тоже уже видел раньше. — Это не он загадывал загадки, а другой! Ты глаза-то раскрой, дурак, — это же немой, а ты опять все перепутал.

Это как-то не очень убедило Чесуна.

— Но, это... смотри... он же тоже волшебник. Вот я и подумал, что он тоже может загадать...

Они говорили так громко, что привлекли внимание Прохвостовых дружков. Они тут же заметили Таммо и бросились к ним. Действовать надо было быстро. Таммо замахал лапами как ненормальный, мыча невразумительно, но очень грозно. Не зная, что ожидать от полубезумного немого, Чесун и Чихун попятились — как раз в сторону приближающихся. Таммо продолжал наступать, потом толкнул крысу что было сил, отгораживаясь ими от погони, и дал тягу. Споткнувшись о Чесуна и Чихуна, дружки Прохвоста выругались, но замешкались. Они тут же снова бросились в погоню, но заяц все же успел выиграть несколько минут.

Прибежав к Миджу, он на одном дыхании выпалил всю информацию, полученную от Грома, и тут же рядом с ними вырос Прохвост.

— Пришло время вывести вас на чистую воду, рваны!

— Только попробуй нас тронуть! — нараспев произнес Мидж. — Еще шаг, и я превращу тебя в жабу, непочтительный зверь!

— Гы-гы, посмотрим... — Проныра потянулся за ножом. Мидж тоже поднял лапы, расставив пальцы, как при заклинании.

— Не жалуйся потом, что я не предупреждал тебя, непочтительный зверь! — продолжал он нараспев во весь голос.

— Что здесь происходит?! — раздался недовольный голос Дамуга. Прохвост тут же спрятал нож и задрожал.

— Мы просто немножко отдыхаем, господин. Оборванец хотел показать нам фокус, вот...

— Я тебе сейчас такой фокус покажу! — сверкнул глазами Дамуг. — Пошел вон, придурок, чтобы духу твоего здесь не было!

Прохвоста не пришлось уговаривать, его и дружков как ветром сдуло.

— Ну что? — обратился Дамуг к Миджу. — Сегодня ты готов продолжить наш сеанс?

— Не торопи меня, повелитель. Ответь сначала на вопросы, это важно.

Он прикоснулся лапой к повязке на глазу:

— Скажи, Острейший, сколько глаз между нами?

Дамуг нахмурился и, подумав и взвесив возможные варианты, с сомнением ответил:

— Три?

— Вот! Ты сам все знаешь! Ты сам назвал эту цифру, ведь именно столько — три дня — осталось до сражения с рэдловльцами.

Глаза Дамуга хищно блеснули.

— Сколько их, Мигго? Назови мне число!

— Сотни говорим мы, сотни! — нараспев протянул Мидж. — Сколько будет сто на три?

— Триста.

— Вот! И снова ты сам сказал их число! Триста! Именно столько мирных рэдволльцев будут сражаться против тысячи твоих солдат!

Дамуг рассмеялся.

— Тогда почему же ты говоришь, что я не могу пойти на Рэдволл? Да я их в порошок сотру!

— В том-то все и дело, — грустно прошептал Мидж и громко добавил: — Они будут защищать аббатство до последнего, могут даже поджечь его. Да и твои войны начнут громить и рушить все, что встретится на их пути. Где тогда ты будешь править, если от стен не останется камня на камне? Нет, если разрушат аббатство, тебе придется позже иметь дело с другими обитателями Леса Цветущих Мхов, но обороняться тебе будет неоткуда. Вот и голос твоего отца, Гормада Тунна, советует идти к горе под названием Барсучий Нос, в трех днях пути отсюда. Там ты одержишь победу. А само аббатство должно остаться неприкосновенно, чтобы после ты мог укрыться за его стенами. Впрочем, решать тебе...

Дамуг задумчиво почесал затылок, поскреб грудь, цыкнул зубом и наконец сказал:

— Да, ты прав, Мигго. Ты прав... Короче, я понял: выступаем через три дня и перебьем их у этого... как его там... Барсучьего Носа, так, что ли?

Мидж кивнул. Дамуг вышел из палатки и крикнул:

— Эй, охрана!

Тут же подлетели, тяжело дыша, Чихун и Чесун, которые как раз стояли в дозоре.

— Стоять здесь, — приказал Дамуг, — и глаз не спускать с этих двоих, — он кивнул на Миджа и Таммо. — А вы, — обратился он к ним, — молитесь, чтобы пророчество сбылось, и я победил.

Великокрыс смерил из взглядом, цыкнул и широкими шагами пошел прочь. Чесун и Чихун тут же наставили копыта на пленников.

— Сидеть и не двигаться! — взвизгнули они. — Только глазом моргните — и мы вас уьем!

Таммо видел, что неподалеку, за спинами охранников, Прохвост с дружками тоже следят за ними. Он переглянулся с Миджем и понял, что тот думает о том же: нервные крысы и вправду могут их убить со страху, но даже если им удастся выскочить из палатки, они попадут из огня да в полымя — от одних надзирателей к другим. И все же до рассвета им надо сбежать, надо найти способ, да еще и спасти Пепла. Они ведь обещали!

Из горы камней и песка показалась сначала одна, потом другая лапа крота Перекопа. Наконец он вылез целиком и потряс головой. На ощупь найдя почти потухший светильник, он открыл дверцу и тихонько подул на фитилек — пламя стало чуть ярче.

Сверху что-то скатилось, послышался возглас, и вот показался Шэд. Он прижимал к себе раненую лапу, но голос его был по-прежнему бодр:

— Эй, дружище, рад тебя видеть! Давай-ка попробуем теперь откопать и других!

В свете пламени поблескивали сокровища. Шэд взял толстую золотую пластину и, орудуя

ей как лопатой, принялся разгрести гору. Перекоп помогал ему, энергично работая сильными лапами и периодически покривая:

— Эй, друзья, отзовитесь! Вы живы там? Вы слышите нас?

Наконец из-под обломков стены, перемешанных с сокровищами, послышалось:

— Мы здесь! Только копайте осторожно, над нами оказалась перекладка, которая удерживает всю эту гору. Если перекладка рухнет — нас сразу раздавит!

Отодвинув вдвоем массивный кусок каменной кладки, Перекоп и Шэд принялись расчищать проход. Вдруг крот вскрикнул:

— Хурр-ойй! Я чуть хвост не порвал!

Шэд приподнял светильник повыше. Бледное пламя осветило наконечник копья, усеянный драгоценными камнями, с шелковой кисточкой, покачивающейся их стороны в сторону. Из-под обломков послышалось:

— Копайте здесь! Мы здесь!

Перекоп был специалистом в этой области, так что скоро они с Шэдом докопались до друзей. Краклин лежала без сознания, ее поддерживали Пижма и Пончик. Перекладка, до этого времени удерживавшая обломки прямо над их головами, уже болезненно трещала.

— Вылезайте скорей! — крикнул Шэд и встал спиной прямо под перекладину, пытаясь удержать ее на себе. — Перекоп, помоги им выбраться! Не спорь со мной, на это нет времени!

Когда все, кроме Шэда, выбрались, Пончик протянул ему древко копья:

— Шэд, тебе надо будет схватиться за копьё и оттолкнуться, а мы тебя тут же выдернем оттуда. Давайте, на счет три! Раз, два...

Шад к этому времени уже почти лежал на земле, приплюснутый весом непосильной ноши. Он вцепился в копые изо всех сил и оттолкнулся задними лапами что было мочи.

— Три!!! — И он пулей вылетел из-под рухнувшей перекладины.

— Ура!

— Ура!

— Мы снова все вместе!

Друзья обнялись. Теперь предстояло привести Краклин в чувство, а потом решить, как им выбраться.

Пончик выудил из кармана флягу с остатками красного вина и приложил к губам белки. Облизнувшись, Краклин пришла в себя.

— Ммм, как вкусно... — пробормотала она. — Где я? Что случилось?

Постепенно она все вспомнила, а потом недоуменно уставилась на Пончика:

— Эй, ты что там делаешь?

Пончик действительно был занят чем-то странным. Он до отказа набивал карманы, роясь в обломках.

— Это же дра-гоцен-но-сти! — гордо сказал он. — Они нужны для бо-гат-ства! Разве вы не знали?

— Хурр, кто тебе наговорил этих глупостей? Зачем тебе какое-то богатство, когда отсюда неизвестно, как выбираться?

— Зато мы разгадали загадку! — улыбнулась Краклин. — Именно об этом и говорилось в надписи на стене:

«Вниз спустись и обернись,
Да налево повернись,
Каждый шаг умножь на десять
И увидишь птицу смерти.

Там, за стенкою, лежит
То, что мне принадлежит».

Мы нашли то, что принадлежало Правителю Котира Вердогу. Это сокровища!

— Все это здорово, но Перекоп прав, — отозвался Шэд. — Богатство не поможет нам выйти отсюда. Надо решить, что делать дальше.

Но Краклин и Пончик собрали и положили на плащ все сокровища, которые попали в их поле зрения, завязав его узлом. Они не хотели бросать то, что досталось с таким трудом. Потом Пижма предложила:

— Давайте продолжим наш путь вниз по этому коридору. В конце концов, больше идти нам все равно некуда — дорога назад отрезана завалом. А так мы, может быть, найдем другой выход.

Шэд поднял светильник повыше, Пончик с Краклин подхватили плащ с сокровищами, и все во главе с Перекопом осторожно двинулись вперед.

Прошел не один час, время потеряло значение. Они все шли и шли, светильник горел уже совсем тускло, вокруг было темно и сыро. Вдруг пол явно стал уходить вниз — коридор спускался под землю, но при этом еще и сужался. Пол стал скользким. Почти упираясь головами в потолок, они продвигались вперед. Было душно, и очень хотелось пить.

— Надо ненадолго присесть, — сказал наконец Перекоп. — Прривал!

Они опустились, облокотившись спинами о холодные стены. Даже не верилось, что где-то наверху светит солнце и продолжает жить своей жизнью аббатство Рэдволл.

Майор Ловкач Ловолап стоял у пролома в южной стене рядом с капитаном Молния. Они встречали отряды выдр и водноежей, которые приближались к аббатству, чтобы воссоединиться с силами рэдволльцев.

— Сто десять — сто двадцать, не больше, — подсчитал их майор. — Да, не густо...

Лейтенант Морион и Валери Валериана, составлявшие список воинов для предстоящей битвы, склонились над бумагой.

— Доложите об общем количестве, ребята, — обратился к ним Ловкач Ловолап.

— Нас не так чтобы много, майор, — сказал Морин, вытирая с пальца чернила, — но все настроены решительно. Пятьдесят рэдволльцев, тридцать белок, собравшихся со всего Леса Цветущих Мхов (кстати, все они прекрасно владеют луком и пращей). Также отряд командора из сорока выдр — жаль, что их всего сорок, это очень опытные воины, они хорошо знают свое дело.

Майор одернул зеленый бархатный мундир, весь в заплатках после того, что ему пришлось пережить.

— Ну что ж, лейтенант, постараемся выиграть бой теми силами, что у нас есть, и не роптать на судьбу. Землероек и ежей посчитали?

— Так точно, господин. Всего сто шестьдесят три. Добавьте к этому наш Отряд в составе двенадцати зайцев из расчета, что Мидж, Таммо и Гром Стальная Челюсть вернутся целыми и невредимыми.

Майор быстро подсчитал в уме общее количество:

— Итак, нас почти триста. Да... Ну что ж, Валери, а как мы вооружены?

У Валери результаты были чуть лучше:

— По высшему разряду, господин! У каждого зверя есть именное оружие, которым он владеет в совершенстве. Кроме того, в колокольне имеется склад оружия: мечи, сабли, кинжалы и дротики всех мастей. Звонарь Дингдон сказал, что они в нашем полном распоряжении.

Молния вытащила рапиру и, сбив яблоко с соседней ветки, потеряла его о рукав.

— Хм, если б я знала, что нас будет триста, я велела бы Миджу передать Дамугу, что нас будет двести. Всегда хорошо иметь сотню про запас. Я-то думала, что мы наберем хотя бы четыреста... Ладно, сделанного не воротишь. — И она протянула яблоко

майору. Тот с хрустом откусил большой кусок. В этот момент к ним подбежала Фиалка. Она немного задыхалась от быстрого бега.

— Пропали настоятельница и еще несколько наших друзей. Что делать?! Все заняты, никто не занимается поисками. Сделайте же что-нибудь, майор! Прикажите найти их!

Видя, что она сильно взволнована, Ловкач Леголап постарался ответить как можно мягче:

— Видите ли, я очень хотел бы помочь вам разыскать ваших друзей. Но я не могу. Мы идем на войну. На настоящую войну. Мы уже выступаем. Ни одного воина я не могу оставить в аббатстве — силы и так не равны. Так что не обижайтесь на нас, моя дорогая, и постарайтесь что-нибудь предпринять сами.

Подбородок Фиалки дрогнул.

— Ну что ж, майор, сами, так сами. Справимся!

Она развернулась и решительно пошла прочь. Молния грустно улыбнулась.

— Вот кого надо бы на поле боя. Она точно не оставит камня на камне!

Повара Гуосима — Партизанского Союза землероек постарались на славу, и на столах дымился роскошный прощальный обед. Шесть котлов овощного рагу, октябрьский эль, круглые головки белого сыра и мягкий хлеб. Все уплетали за обе щеки.

Майор Ловкач Леголап совещался с командирами:

— Что ж, решено: не сдаемся ни при каких условиях. Сражаемся до последнего.

После обеда вышли на лужайку для построения. Матушка Хлопотунья стояла здесь же на солнышке, покачивая коляску с Руссано и тремя советами. Во-

круг них толпились малыши, с любопытством поглядывая на построение.

— Итак, для тех, кто меня еще не знает, я представлюсь: майор Ловкач Леволап! — громко крикнул майор. — Я прибыл из Саламандастрона с Дозорным Отрядом и взял на себя ответственность за предстоящий бой. Я — главнокомандующий, хотя приказы большинство из вас будут получать от своих непосредственных командиров. На нас надвигается тысячная армия Бродяг. Аббатство у них на пути. Для того чтобы защитить мирных зверей, мы решили принять сражение вне стен аббатства. Место сражения уже выбрано. Хочу, чтобы все вы осознавали, на что идете: Бродяг намного больше, чем нас, но это не значит, что у нас нет шансов. Ни одного сантиметра мы не уступим без боя! Я клянусь, что с саблей наголо буду биться до последнего дыхания и не отступлю ни на шаг!

Все воодушевленно закричали:

— Ура! Смерть врагам! Мы не сдадимся!

Майор поднял лапу, призывая к молчанию:

— Благодарю вас, друзья. И все же я призываю вас: подумайте еще раз, взвесьте все. Война есть война, и с этим ничего не поделаешь: да, не все вернутся домой. Так что если у вас есть семьи, есть малыши, о которых, кроме вас, некому позаботиться, откажитесь от боя и ступайте домой.

Вперед выступила старая выдра:

— Прошу прощения, майор, можно я скажу? Вот у меня дома малыши, так я ведь ради них и иду в бой. Все мы идем сражаться не только за аббатство, но и за будущее наших детей. Мы хотим оградить весь мир от злого и беспощадного вражьего племени, так, ребята?

— Так! Так! Молодец! — подхватили все.

Потом вперед выступила Матушка Хлопотунья и протянула майору сверток:

— Примите это от мирных рэдволльцев, майор. Мы сами соткали его. Это — боевое знамя.

Командор и Арвин, стоявшие по обеим сторонам майора, взяли сверток и развернули. Это была широкая зеленая скатерть, и на ней красными нитками была вышита большая буква «Р» — символ Рэдволла.

Внутри оказался еще один маленький сверточек.

— Это, конечно, не бархат, — смущенно проговорила Матушка Хлопотунья, — но все же, может быть, он вам пригодится...

Полковник развернул на лапах новенький мундир. Потом наклонился и тепло обнял старую белку:

— Спасибо вам, это замечательный подарок. В нем и пойду. — Он тут же сбросил старый китель, на который налетели малыши, борясь за право поносить его, и примерил новый. — В самый раз!

Командор нацепил знамя на высокую пику и поднял над головой. Оно хлопнуло на ветру зеленым крылом, словно осеня собравшихся, и радостно повернулось буквой «Р» в направлении поля боя.

— Ура! Да здравствует Рэдволл! — разнеслось по всей округе.

Руббадуб выбил марш, и армия двинулась в путь.

Рэдволльцы долго стояли у ворот, маша им вслед платками, косынками и панамками.

— Надеюсь, они вернутся, — грустно вздохнула Фиалка Пдлевка.

— Хурр, очень жаль, что вернутся не все... Такие храбрецы! Такие храбрецы... — прожурчала в ответ Хранительница запасов Порция.

Весун и Чихун стояли над Миджем с Таммо, наставив на пленников копья. День клонился к вечеру, а шансов на спасение не прибавлялось. Крысы следили за каждым их движением.

Костер стал понемногу гаснуть. Из-под толстого слоя грима Мидж подмигнул Таммо: это был знак действовать. Таммо скосил глаза в ту сторону, где снаружи караулили Прохвост с дружками, и стал незаметно сдвигаться левее, так, чтобы снаружи его не было видно. Мидж резко встал, но копьё тут же уперлось ему в грудь.

— Сидеть! Ты что, вздумал прогуляться, ничтожество?! — взвизгнул Чихун.

Мидж невозмутимо кивнул на догорающий костер:

— Надо бы, это... дровишек. Замерзнем ведь, а, браток?

— Я сказал «сидеть»! — Чихун, нахмурившись, посмотрел на костер. — Ладно, я сам схожу. Чесун, остаешься за старшего. Глаз с них не спускай!

Как только Чихун вышел, Мидж обратился к его медлительному приятелю:

— Эй, ты-то нас не боишься?

Чесун криво улыбнулся:

— Да я что... Я, это... не-е, не боюсь.

Мидж подошел к нему, дружески посмеиваясь.

— Ну вот и славно. Что мы можем против такого вооруженного громилы, как ты? Посмотри только на свои мускулы! Да ты просто силач!

Чесун повернул голову, оглядывая себя со всех сторон. Мидж не зевал — он тут же нанес ему сильный удар камнем по голове.

— Вот так-то, отдохни, браток... Таммо, быстрее!

Таммо мгновенно забросал землей костер, и в палатке стало совсем темно. Мидж тем временем снял плащ с оглушенного Чесуна. Послышались шаги, Чихун вошел в палатку:

— У-у-у, что-то здесь ничего не видно. Ау-ууфф!

Мидж накинул ему на голову плащ Чесуна, а Таммо дважды ударил по голове древком копья. Они быстро оттащили обоих Бродяг подальше от входа в палатку и осторожно выглянули убедиться, что Прохвост с дружками ничего не заметили. Те сидели у костра, разведенного поодаль. Приближаться они боялись, помня приказ Дамуга.

Мидж взял один плащ себе, другой протянул Таммо.

— Скидывай лохмотья, Тамм. Пора выбираться, скорее!

Зайцы быстро переоделись и скользнули за палатку.

— Бежим спасать Пепла! — прошептал Мидж.

Они пробрались через лагерь к реке. Цербер и другие караульные спали у потухшего костра. Ступая как можно тише, друзья подошли к клетке с белкой.

— Это Мидж и Таммо, — прошептал Мидж. — Веди себя как можно тише.

Они подняли засов, Таммо быстро перерезал кинжалом веревки, связывавшие Пепла. Подхватив его под онемевшие лапы, зайцы быстрым шагом направились прочь. Мидж шептал Пеплу на ухо:

— Если нас остановят, предоставь объясняться мне. Я скажу, что мы Бродяги и ведем тебя по приказу Дамуга к нему на допрос. Не переживай и ни о чем не беспокойся. Мы выберемся.

У Чесуна было два свойства: невообразимая заторможность и удивительная способность быстро приходить в себя после побоев. Очухавшись, он выполз из палатки и сел, тряся ушибленной головой. К нему тут же подскочил Прохвост:

— Ты чего? Как ваши пленники — в порядке?

— Не знаю... Вдруг стало так темно... — промямлил Чесун.

Прохвост метнулся к костру и, схватив горящую ветку, ринулся в палатку. Он ткнул ею Чихуна прямо в ухо несколько раз, пока тот не пришел в себя, взыв от боли:

— У-у-у! В чем дело-то!

— Это я должен спросить, в чем дело! Где ваши пленники? Где пророки? Они вас надули и сбежали! Вот, посмотри, — их нет здесь, нет! Ты понял? Да, ну и задаст вам Дамуг... На вашем месте я бежал бы, куда глаза глядят, ребята. Оставьте пленников мне. Я догоню их. А вы исчезните поскорее, вот вам мой совет, и не поднимайте тревоги. Ну!

Чесун подставил Чихуну плечо:

— Это... пойдём... Ну их, Бродяг... Надо ноги дё-лать... Ты Дамуга знаешь...

— Да, он из нас дух выбьёт, не побрезгует. Впервые ты, пожалуй, прав. Пойдём.

Опираясь друг на друга и спотыкаясь, крысы поспешили прочь. А Прохвост отправился в погоню.

Беглецы пробирались вверх по склону через сонный лагерь. Все шло хорошо, даже слишком хорошо, и Таммо начал волноваться. Пепел обернулся и вдруг разглядел в темноте Прохвоста с дружками. Мгновенно оценив ситуацию, он бросился на землю, потянув зайцев за собой. Они оказались лежащими у костра рядом с группой похрапывающих Бродяг. Пепел потянул плащ Миджа, укрывая всех троих с головой.

— Лежите тихо, не двигайтесь, — прошептал он.

Беглецы затаили дыхание. Враги прошли совсем рядом, Таммо даже расслышал, как Прохвост сказал:

— Идем вниз, к реке! Что-то подсказывает мне, что они направились к клетке с белкой.

Мидж смотрел им вслед, осторожно высунувшись из-под плаща. Когда те ушли, казалось достаточно далеко, троица осторожно поднялась и, стараясь не споткнуться о вытянутые лапы спящих, двинулась

в противоположном направлении, вверх по склону. Вдруг послышался резкий крик:

— Ау-у-у!!!

Один горноста́й, переворачиваясь во сне, угодил лапой в костер. Прохвост обернулся и тут же увидел беглецов, освещенных пламенем. Мидж понял, что их засекли.

— Бежим! — крикнул он друзьям и первым подал пример.

Таммо и окрепший Пепел бросились за ним следом. Но белка еще не могла бежать слишком быстро, так что Миджу и Таммо волей-неволей приходилось его дожидаться.

Все же они бежали, бежали вперед, перевалили за холм, враги дышали им в затылок — тогда Мидж обернулся и что есть сил метнул копье. Двое преследователей упали, это дало немного времени, они вырвались вперед. Таммо крикнул:

— Гром! Гром Стальная Челюсть!

Заяц-гигант услышал его и выскочил навстречу. Как раз в этот момент Прохвост приблизился и, как следует прицелившись, метнул копье в Миджа.

— Пригнись! — крикнул Гром, загораживая друга собой. Свистящее копье воткнулось ему в бок.

У Таммо потемнело в глазах от ярости. Он схватил свое копье и одним точным движением метнул его в хорька. Прохвост рухнул, пронзенный насквозь. Его тело покатилося вниз, и посох Руссы оказался прямо у лап Таммо.

— Хороший бросок, Русса гордилась бы тобой, — прохрипел Гром.

Мидж и Пепел согнулись над гигантом, пытаясь помочь.

— Оставьте меня! Я задержу преследователей! — отстранил их Гром. По склону на них уже несся десяток Бродяг. — Вы не поможете мне! Бегите!

Мидж посмотрел на Таммо и сокрушенно покачал головой. Рана Грома была безнадежна.

— Я даже не могу вытащить копье, — отчаянно прошептал он. — Если я сделаю это, он сразу умрет.

Гром достал одной лапой лук и стрелы.

— Бегите, друзья мои! Сделайте это ради меня и всех тех, кому вы нужны! А я еще повоюю напоследок, ха-ха... Передайте майору, что, уходя на ту сторону, я прихватил десяточек с собой. Все, прощайте! — И Гром пустил первую меткую стрелу, сразу сразившую одного из приблизившихся врагов.

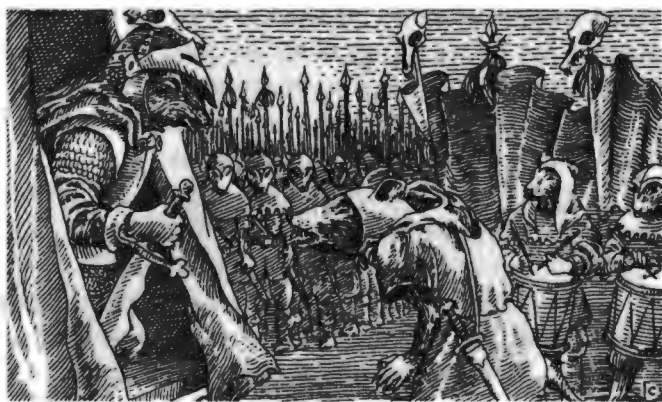
Зайцы и белка бросились бежать дальше, крича на прощание:

— Спасибо тебе, Гром! Мы не забудем тебя! Задай им соли с перцем! Смерть врагам!

Гром усмехнулся и пустил следующую стрелу не менее метко.

— Да уж задам, не сомневайтесь, друзья. Давайте, подползайте, вражеское племя... Вот так! И ты получи! Ага, не разучился я стрелять, даже с дырявым боком!

Когда оставшиеся в живых враги все же окружили его, он набрал в легкие побольше воздуха, из последних сил схватил копье и, громко крикнув: «Еу-ла-ли-а!!!», проткнул насквозь сразу четверых, после чего рухнул замертво. Его друзья были уже далеко, и Гром Стальная Челюсть вошел во врата Темного Леса с чистой совестью, не изменив себе и оставшись до последней минуты жизни бесстрашным зайцем.

Красноокая Крегга села, пробудившись от двадцатичетырехчасового сна. Рассвет только занимался. Она огляделась и зычно крикнула:

— Еу-ла-ли-а!!!

К ней тут же подлетели капрал Элбриг и сержант Удар Булава:

— Госпожа Крегга, что случилось?!

Она смотрела на них невидящим взглядом, который постепенно прояснялся:

— Ничего, просто сон. Очень плохой сон.

Она поднялась, тряхнула головой и взглянула в направлении северо-запада. Сержант обес-

покоенно всматривался в ее черты, но было еще слишком темно.

— Все в порядке, сержант, — успокоила она его. — Я проголодалась.

Капрал тут же бросился к костру:

— Еще бы, вы ведь не ели два дня! Сейчас я все подогрею!

Альгадор и Шишечка, только что вернувшиеся из дозора, присоединились к троице. В молодости всегда хочется есть, особенно когда пахнет вкусно. Госпожа Крегга была задумчива и тиха, что было несвойственно ей. Она передала Шишечке дымящуюся кружку с чаем и тарелку медовых лепешек.

— Хорошо позавтракать с чувством выполненного долга, а? — улыбнулась она молодой зайчихе.

— Еще как! — согласилась Шишечка, набрасываясь на еду. — Особенно когда после этого можно часик вадремнуть и позавтракать еще раз вместе со всеми!

— Скажи, а сны тебе снятся? — задумчиво спросила Крегга.

— Сны? Да, снятся иногда. А что?

— Мне сейчас приснился сон, который был очень похож на реальность. Мне снилось, как погиб один очень храбрый воин — бесстрашный заяц. Во сне я кричала: «Еу-ля-ли-а», я словно слилась с ним в предсмертном кличе. Это было там, на северо-западе. И чем дольше я вспоминаю свой сон, тем больше крепнет во мне уверенность: Бродяги там. Я чувствую!

Зайцы переглянулись, а госпожа Крегга продолжила:

— Как только взойдет солнце и все позавтракают, мы выступаем!

Барабаны Бродяг гулко выбивали страшную дробь. Боевые знамена и наконечники копий, украшенные хвостами и черепами, качались на ветру. Тощий крышпион Грабля крутился у палатки Дамуга в ожидании выхода Острейшего.

И вот Дамуг показался на пороге. Его лицо было выкрашено в огненно-красный цвет. Держа в мощных лапах меч, он сурово оглядел лагерь. Потом снизошел до Грабли:

— Говори, с чем пришел.

— О Острейший! — затрепетал тот. — У меня плохие новости. Ясновидящий и немой сбежали. Исчезли и охранники, которых вы приставили к ним. А еще хорек Прохвост и его дружки были обнаружены мертвыми за холмом.

— Ладно, — кивнул Дамуг. — Плевал я на них. Если эти Чесун и Чихун найдут сбежавших, я их помилую. А если они дезертировали, — найду позже и казню. А теперь в сторону! У меня есть дела поважнее.

Откинув плащ назад и высоко подняв меч над головой, Великокрыс окинул взглядом выстроенную армию. Барабаны забили громче.

— Да здравствует Дамуг! Да здравствует Дамуг! Да здравствует Острейший Меч всех Бродяг! — разнеслось над холмами и Лесом Цветущих Мхов.

Там безмятежно колыхалась трава под ярким солнцем, жужжали пчелы, бежали муравьи. Им было неизвестно, какая страшная опасность нависла над мирной жизнью.

Замурованные в одном из коридоров старинной крепости Котир, глубоко под землей, пятеро рэдваольцев в отчаянии смотрели на догорающий светильник. Он горел так слабо, что едва освещал лица. Еще немного — и он потухнет.

— Это я во всем виновата, — тихо сказала Пижма. — Это я подбила вас спуститься сюда.

Краклин тихонько фыркнула в ответ:

— Вы? При чем тут Вы? Давайте-ка я объясню Вам, Пижма-Фижма: мы сами хотели спуститься. Нас никто не заставлял, так что Вы тут ни при чем.

Пижма сжала лапу Краклин:

— Милая... Меня уже сто лет никто не дразнил этим словом. Так говорил Арвин, когда мы все вместе играли в детстве, помнишь?

Краклин улыбнулась:

— Как же не помнить? «Пижма-Фижма-винегрет, недоодеенный обед!»

Они засмеялись. Перекоп недовольно поморщился:

— Простите, не могли бы вы немного помолчать, хурр-хурр... Мне кажется, я что-то слышу...

Все замерли.

— Ой, я тоже слышу. Это вода. Она плещется где-то за этой стеной! — воскликнул Шэд. — Что скажете, может, попробовать ее пробить?

— Нет, господин, не надо, хурр-хурр. Ох уж эта вода! Она может затопить наш туннель, между прочим!

— Да, ты прав. Оставайтесь-ка здесь, а я пойду на разведку, спущусь вниз по проходу и посмотрю, нет ли там чего.

Шэд ушел, прихватив светильник, и все остались ждать в непроглядной тьме. Чтобы хоть как-то подбодрить друзей, Пижма запела:

Была б я вечно весела,
Когда б я листиком была,
И шелестела б день-деньской,
Когда б не стала веточкой.

Была б я веточкой с листком,
Моим зелененьким дружком,
И я росла бы, велика,
И доросла бы до сука.

Я с веточкою и листком
Была б счастливейшим суком,

И все бы я росла, росла
И доросла бы до ствола.

Была бы я стволом в коре,
Чтобы не мерзнуть в декабре,
Мы коротали бы досуг —
Я, лист, и веточка, и сук.

На мне б держалось бытие —
Большое дерево мое!
Была б я деревом в красе,
И были б счастливы все-все!
Хорошая моя семья —
Ствол, сук, лист, веточка и я!

Только она закончила, показался долгожданный огонек и раздался голос Шэда:

— Все сюда! Добро пожаловать в погреб Котира, хотя не знаю, что нам это даст.

Все вскочили и ринулись за ним.

— Смотрите, факелы! — радостно воскликнул Пончик, указывая на деревянные палки, воткнутые в медные кольца на стене. — Правильно, у входа в погреб всегда есть факелы. Давайте попробуем зажечь... Горит!!!

Яркое пламя осветило огромное помещение, в два раза большее, чем Большой зал. Вода стекала по огромным сталактитам, свисающим с потолка, и падала куда-то вниз, но куда, они пока не видели, потому что стояли на верхних ступенях длинной лестницы. Шэд зажег еще один факел.

— Ну что ж, друзья мои, путь у нас все равно только один — вниз. Идемте же!

Взявшись за лапы и прижимаясь спинами к стене, они стали осторожно спускаться по древним ступе-

ням, шаг за шагом... Казалось, лестнице не будет конца. Стали попадаться ступени, покрытые мхом, все более и более скользкие. Наконец Шэд подал знак остановиться и потрогал лапой влажную липкую стену.

— Брр, здесь только лягушек разводить! Перекоп, у тебя случайно нет веревки?

— Хурр, есть, только это весьма короткая веревка.

— Давай, какая есть! — стоя на лестнице ниже всех, крикнул Шэд и повернулся лицом к друзьям. — Понимаете, мне кажется, нам лучше связаться одной веревкой на всякий случай. Что-то здесь слишком скользко. А-а-а!!! Убирайся прочь, тварь!!!

Огромная жаба с мутными слепыми белками вместо глаз пыталась схватить его за хвост, свесившийся на ступеньку ниже. Изо всей силы щелкнув хвостом и наподдав лапой, Шэд отправил рептилию вниз. Раздался тягучий чмок.

— Э, да там, внизу, похоже, болото! — воскликнула Пижма.

Но на ступени уже напоззали другие жабы, такие же страшные и противные, как первая. Видимо, их привлекли голоса.

— Ой, мама! — задрожала Краклин, прижимаясь к Перекопу.

Вдруг Пончик вспомнил про копые с красивым наконечником, на котором он нес мешок с сокровищами. Быстро сбросив мешок, он перекинул копые Шэду.

— Спасибо, молодчина! — крикнул тот и мгновенно отправил трех монстров в трясины.

— Что же с нами будет? — прошептала Краклин.

Но уже в следующую минуту стало понятно, что самим им делать ничего не придется. Чтобы не утонуть, жабы расправили жабры, и в них тут же вцепились всплывшие на поверхность более мелкие существа, которых было великое множество. Они принялись рвать больших на части, выгрызая куски плоти. Те, в свою очередь, начали поедать мучителей, брыкаясь и чавкая.

Брезгливо морщась, но не в силах оторвать взгляд от страшного зрелища Шэд, Пижма, Краклин, Перекоп и Пончик наблюдали за ними.

— Хурр, они же пожиррают друг друга, ффр...

— Они похожи на ильных рыб, и они тоже слепые, как и жабы! — заметил Пончик.

— Значит, они так и живут в этом болоте, питаясь друг другом! Что за ужасное существование!

— Фу, что мы-то делаем здесь? Давайте выбираться!

Они пошли было вверх по лестнице, но Перекоп остановил их.

— Подождите, хурр! Мы не должны уходить. Смотрите! — И он указал лапой на дальнюю стену. — Это кротовый туннель, его ни с чем не спутаешь, хурр-хурр. Он выведет нас на поверхность!

Поваренок Пончик с сомнением посмотрел в направлении лапы Перекопа и на болоте, кишашее существами-каннибалами.

— Но как же мы туда доберемся?

Все взрослые жители аббатства были приглашены на собрание в кухне Рэдволла. Правда, малыши тоже пришли, невзирая на то, что их не приглашали, — на кухне всегда столько вкусного!

Фиалка Полевка взяла слово:

— Матушка аббатиса всегда оставляет меня за главную, когда ее нет, так что я считаю возможным возложить на себя ее обязанности, если не возражаете. Губби, сейчас же вытащи голову из печки!

Матушка Хлопотунья поспешила на помощь кротенку, который чуть не влез в печь, вытащила его наружу и тут же бросилась к маленькому Руссано, тянущемуся к кастрюле с супом.

— Разве ты не видишь, Фиалка, мне без тебя не справиться. И зачем ты только все это затеяла!

— Но ведь настоятельница, Краклин, Шэд, Перекоп и Пончик пропали, как ты не понимаешь! Слочка, положи поварешку на место! Скажите, вы все хорошо искали их?

Мышь-соня Постенник попытался отобрать у Слочки поварешку, одновременно отвечая:

— Я облазил весь сад, их нигде нет. Правда, я не уверен, что Дингдон выполнил свою часть работы так же добросовестно.

— Да как ты можешь! — возмутился звонарь. — Ведь я нашел тебя спящим на ступеньках колокольни!

В это время один из совят вырвался и с размаху влетел в кастрюлю с супом. Фиалка всплеснула лапами и вытащила наружу мокрый комок перьев вперемешку с тертой морковкой.

Это еще хорошо, что суп был холодный! А что было бы...

Все шумели и спорили, и вскоре стало ясно, что без аббатисы никакого собрания не получится.

А в это время под землей поваренок Пончик, выбрав ступеньку посуше, сел и согнулся пополам, держась за живот:

— Ох, я так есть хочу! Никогда в жизни не был так голоден!

Пижме было до слез жаль бельчонка, но она не могла этого показать.

— Мы все изрядно проголодались, но представь, что будет, если мы сядем и начнем жаловаться! Бери пример с Шэда: он больше нас и, стало быть, намного голоднее, но он не капризничает, как ты.

— Да, я не капризничаю, — отозвался Шэд, — и кажется, я придумал, что нам делать.

Все подались вперед и с надеждой посмотрели на выдру.

— Смотрите, примерно на полпути к кротовому туннелю с потолка свисает цепь. Если бы нам удалось до нее дотянуться и подтащить к себе, мы смогли бы перемахнуть по одному на ту сторону болота, прямо к туннелю.

Краклин с сомнением посмотрела на цепь, потом на выступ в стене у входа в туннель.

— Это ж как надо будет раскачаться, чтоб туда перелететь! Да и выступ тот весь усеян мерзкими тварями.

Конец цепи действительно свисал в болото, и дотянуться до него нельзя было бы даже шестом длиной в восемь копий.

— Мне бы добраться до цепи, уж я бы очистил выступ от жаб, — прикидывая что-то в уме, произнес Шэд. — Только вот как добраться...

— А что, если прицепить что-нибудь к веревке... Потом рраскачать ее и попрробовать зацепить за цепь, хурр-хурр?

Шэд радостно рассмеялся:

— Гениальная идея, дружище! Ну что бы мы делали без мудрого крота?!

Привязав к веревке свои пояса, чтобы она была подлиннее, друзья задумались о том, что бы использовать в качестве крюка.

— Эй, Пончик, развяжи-ка свой узелок с сокровищами! — скомандовал Шэд. — Давай посмотрим, нет ли там чего подходящего.

Поваренок развязал узелок, и Краклин выудила из россыпи драгоценных камней золотой кинжал.

— Смотрите, это нам подойдет! — воскликнула она. — Золото — мягкий металл, мы легко превратим кинжал в крюк!

Шэд вставил золотое лезвие в щель между ступеней и, дважды сильно надавив, согнул его почти пополам. Рукоятку привязали к веревке, и друзья поднялись повыше, чтобы Шэд мог как следует размахнуться.

— Эх порыбачим! — весело крикнул он, вращая веревкой как пращей.

Два первых броска оказались неудачными, удалось зацепить только болотной грязью.

— Ну, теперь я прикинул угол размаха, так что должно получиться. Рэдвооолл!!!

Крюк описал дугу над болотом и зацепился точно за звено в цепи. Все радостно захлопали в ладоши. Шэд осторожно потянул веревку на себя, и толстая цепь подалась вперед. Через несколько минут он уже держал ее конец в своих лапах.

— Ну, кто полетит первым? — спросила Пижма.

— Кому же испробовать цепь на прочность, как не мне, — отозвался Шэд. — Я самый тяжелый. Если она выдержит меня, выдержит и вас.

— Тогда не забудь вот это, — Пижма протянула ему копьё, — тебе ведь придется очистить выступ от жаб!

Взобравшись на пять ступенек выше и сжав копые в крепких зубах, Шэд ухватился за цепь и, изо всей силы оттолкнувшись задними лапами, большой птицей взмыл над тягучей трясинной. В следующий момент он уже стоял на выступе стены у входа в туннель. Схватив копые, он нанес несколько сильных ударов жабам, и они сползли вниз. Все повторилось заново: мелкие твари налетели на больших, вырывая куски плоти, а большие с чавканьем пожирали мелких. Потом все снова стихло.

Шэд раскачал цепь и крикнул:

— Ловите!

Перекоп поймал кончик большой лапой:

— Все в порядке, я держу ее! Давайте, Краклин, ваша очередь.

Краклин ухватила за цепь и зажмурилась. Крот раскачал ее и изо всей силы толкнул в направлении Шэда.

— Оооооооой-ёй-ёй!!!

— Все в порядке, милая Краклин, вы уже прилетели, — услышала она над ухом веселый голос Шэда и открыла глаза. Шэд крепко держал ее и улыбался.

— Надо же, — улыбнулась она в ответ, — я даже не успела по-настоящему испугаться. Спасибо. А теперь, мистер Шэд, пусть переправят Пижму. Мне очень любопытно, как она кричит, ведь я этого никогда еще не слышала!

Пижма полетела следующей, но, когда Перекоп и Пончик раскачали цепь и толкнули, она не проронила ни звука. Приземлившись на противоположную сторону, она крикнула:

— Догадайся, Перекоп, кто полетит сейчас!

Ухватившись за цепь, Перекоп прошептал поваренку:

— Ох уж эта вода... Надеюсь, те противные твари не питаются кротами, хурр-хурр...

Перекоп перелетел через болото стремительнее всех и чуть не спиб стену, в которую врезался при приземлении.

Теперь оставался только Пончик. Ему было сложнее других, потому что на лестнице не осталось ничего, кто подтолкнул бы его посильнее. Пухлый бельчонок уцепился за цепь, но описал лишь небольшую дугу над трясинной и приземлился обратно на ступеньки.

— Ну же, Пончик! — крикнула Пижма. — Ты просто поленился оттолкнуться как следует. Постарайся, дружок, у тебя все получится! Представь, что за тобой гонятся двадцать голодных зайцев и требуют, чтобы ты их срочно накормил!

Пончику понравилась идея. Он снова раскачался и закричал что было мочи:

— Мне нечем кормить такую орааааааааву!

Он уже почти перелетел через болото, но лапы вдруг заскользили вниз по цепи. До выступа в стене, на котором стояли его друзья, оставалось всего ничего, но он соскользнул и плюхнулся в темную жижу.

49

Новерхность тут же забурлила. Шэд молниеносно схватился за копье почти у самого наконечника и крикнул:

— Хватай другой конец и держи крепче!

Склонившись над болотом и держась только одной лапой, Шэд другой потянулся за цепью и умудрился ухватить ее.

— Все! Тащите обратно, скорее!

Они быстро подняли его из почти горизонтального положения, в котором он вылавливал цепь, и дружно потянули за нее. Пончик оказался на поверхности, он изо всех сил продолжал сжимать цепь, отплевываясь грязью и отбиваясь от скользких рептилий:

— Вытащите, тьфу... вытащите меня отсюда! Бе-е, какая гадость! Быстрее, я не могу больше!

Шэд и Перекоп подхватили его и рывком подняли на выступ, а Краклин с Пижмой тут же принялись вытирать с него грязь.

— Все, дружок, успокойся, — утешал дрожащего бельчонка Шэд. — Все самое страшное позади.

Бросив последний взгляд на болото и мутноглазых монстров, они по очереди полезли в кротовый туннель.

— А он точно выведет нас к свету? — с сомнением спросил поваренок, вытирая глаза от грязи.

— Уж можешь мне поверрить, все кротовые ходы ведут к свету! — заверил его Перекоп.

Подъем был крутой, вначале почва под ногами скользила, пропитанная болотными испарениями, но постепенно стало суше. Начали попадаться корни деревьев, вросшие достаточно глубоко, и за них можно было цепляться, что несколько облегчало продвижение вверх.

— Это один из древнейших кротовых туннелей, — объясняла попутно Краклин. — Я читала об этом. Для того чтобы затопить Котир, кроты прорыли несколько таких, а потом русло реки повернули так, чтобы вода по этим туннелям ринулась вниз и затопила страшную крепость.

Пижма, которая поднималась следом за Краклин, усмехнулась:

— Все это очень интересно, моя дорогая, но не могла бы ты ступать немного осторожнее, чтобы земля не сыпалась все время мне за шиворот?

Вдруг поваренок Пончик, который взбирался первым после Перекопа, радостно заверещал:

— Воздух! Свежий воздух! Я не могу в это поверить, наконец-то я чувствую свежий воздух! Неужели мы и вправду выберемся?!

Они подналегли и уже через несколько минут оказались на лужайке аббатства, освещенной лунным светом. И хотя все они очень устали, их радости не было предела. Больше всех веселился Пончик, он прыгал выше головы и кричал во все горло:

— Свежий воздух, любимый мой свежий воздух! Травка, любимая моя зеленая травка! О жизнь, ты прекрасна, прекрасна!!!

Перекоп, который привык много времени проводить под землей, с доброй усмешкой поглядывал на восторженного бельчонка:

— А как же сокровища, господин? Помнится, вы говорили, что это очень важно... А разве нужны они вам теперь, хурр-хурр?

— Еще бы не нужны! — неожиданно отпарировал Пончик. — Они у меня с собой, все, что собрал, до последнего камешка!

— Как? — удивленно ахнули Краклин и Пижма. — Неужели ты не выпустил их из лап даже в болоте?

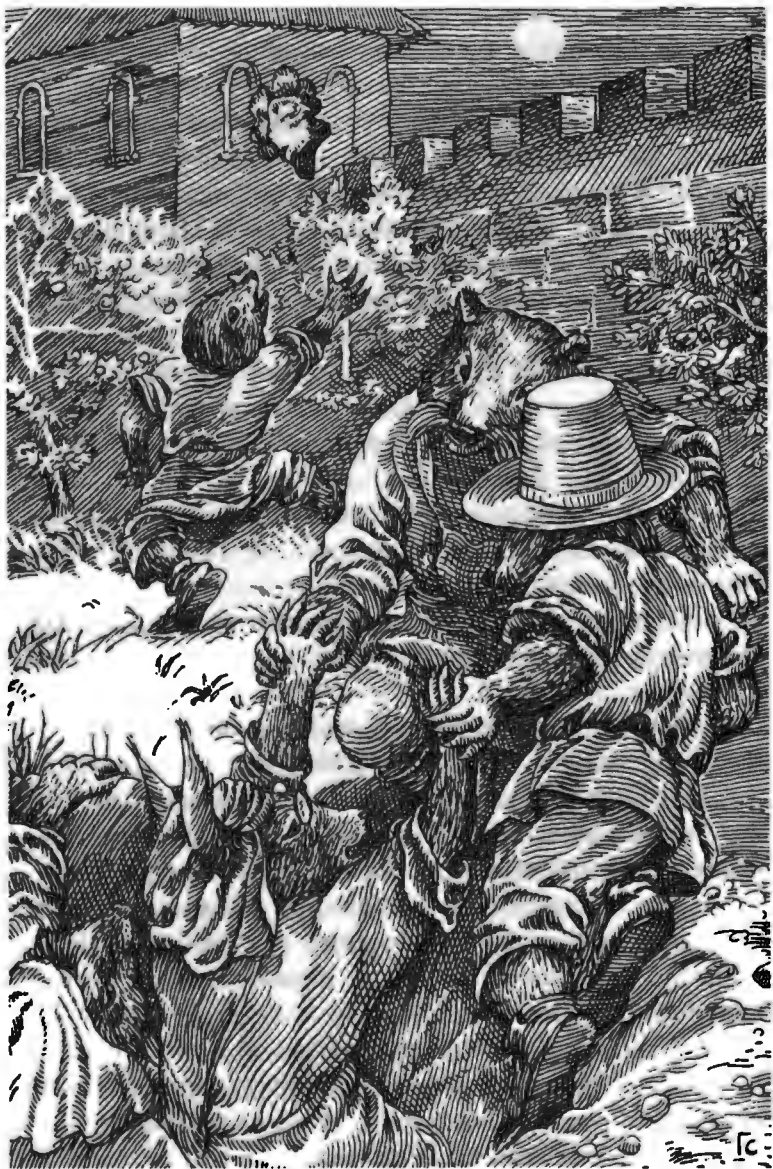
— А почему, вы думаете, я поехал вниз по цепи? — подмигнул Пончик. — Неужели вы считаете, что я такой толстяк? Это все заветный мешочек!

— Ах ты хитрец! — воскликнул Шэд.

В этот момент Пончик ступил на лунную дорожку, и все на минуту замерли, пораженные. А потом покатались со смеху.

— Что? Что такое случилось? — не понял он.

— Ты... ты... — пыталась объяснить Краклин, вытирая выступившие от смеха слезы, — ты только посмотри на себя, зеленый лягушонок!

Пончик опустил глаза: присохшая болотная грязь, покрывающая его с ног до головы, светилась ярко-зеленым в бледном лунном свете. Он удивленно открыл рот, а потом еще радостнее гикнул:

— Я зеленый! Нет, вы только посмотрите, я совершенно зеленый! Класс-то какой!

И он принялся скакать по лужайке, выделявая смешные кренделя и коленца. Друзья просто лопались от хохота. Наконец Пончик взмахнул зеленой лапой:

— А теперь — на кухню! Нам надо хорошенько подкрепиться!

На кухне ласково потрескивал костер. Руссано мирно спал в колыбели, Матушка Хлопотунья бережно покачивала ее одной лапой и сама подремывала. Вот барсучонок повернулся, открыл глаза и тут же сел, а потом встал в колыбели, путаясь в длинной пижаме и указывая на дверь:

— Ня-ня!

— А? Что? — не поняла спросонок Матушка Хлопотунья, потирая глаза. — Что ты сказал, малыш? А-а-а!!! Что это, Великие Сезоны?

В дверях стоял Пончик, широко улыбаясь и гордо сверкая фосфоресцирующей болотной зеленью:

— Это я, Матушка, я!

— Пончик! Ну наконец-то! И остальные с тобой! Вот радость-то! Мы вас обыскались. Проходите, выпейте октябрьского эля и расскажите, что случилось.

— После, Матушка, после мы все расскажем, а сейчас мы так голодны, будто не ели целую жизнь!

Руссано весело хихикал в колыбельке, пока все усаживались за стол. На кухню чинно вошли Орокка и Таунок. Пижма радостно улыбнулась им:

— Доброй ночи, мои дорогие! Как поживаете? Как ваши совята?

Таунок с достоинством поклонился, глаза его светились теплом.

— У нас все хорошо, настоятельница. Позвольте выразить глубокую радость по поводу вашего возвращения. Добро пожаловать назад в аббатство!

Майор Ловкач Ловолап стоял на вершине горы Барсучий Нос, глядя на равнину.

— Молодцы, ребята, — сказал он Мориону и сержанту Ястребу, — лучшего места нельзя было выбрать. Эту гору можно удерживать малым числом против большой армии. Что я могу сказать? Высший балл!

— Мы старались, господин! — Морион отдал честь. — Похоже, мы пришли первыми.

Сержант энергично отдавал приказы:

— Собрать камни — все, какие найдете, от маленьких до булыжников — и сложить на

вершине горы. Их всегда можно использовать как дополнительное оружие, скидывая сверху вниз на противника.

— Отличная идея, сержант! — похвалил майор Ловкач Леголап. — Выжми из этой местности все, что можно, да... Лог-а-Лог, друг мой, чем я могу тебе помочь?

— Я с вопросом, — кивнул командир Гуосима (не в привычках землероек было отдавать салют). — Нам можно разводить костры, чтобы приготовить еду, или мы скрываем свое местоположение?

— Ну почему же, почему же... Конечно, разводите, да побольше! Пусть видят, пусть идут именно на эти костры!

Лог-а-Лог не заставил себя долго ждать, и вскоре несколько высоченных костров поднялись в предрасветной дымке над местом предстоящей битвы, словно сигнальные маяки в тумане.

Гургун Гарпун ликовал: его водноежам посчастливилось найти большое сухое бревно позади горы Барсучий Нос.

— Очень хорошо! — потирал он лапы. — Водноежи затаскивают его наверх, чтобы при случае можно было поджечь и пустить на врага со склона. Сухое дерево горит споро!

Водноежи дружно взялись за дело.

Валери Валериана сидела на склоне, прислонившись спиной к большому камню. Рядом стоял нетронутый завтрак. Она невидящим взглядом смотрела на предрасветное небо и время от времени тяжело вздыхала.

Вот из-за облака, похожего на гору взбитых сливок, показался яркий диск солнца, круглый и сия-

ющий, как новенький жетончик. Начинаясь еще один теплый летний день, но он не радовал Валери.

Арвин, позавтракав, присел рядом с ней и легонько подтолкнул под плечо:

— Эй!.. Ну, что за грусть-печаль? Так и погоду можно испортить!

— Да нет, с погодой все будет в порядке...

— Тогда в чем дело? Пропал аппетит, как я вижу? — Он указал на нетронутую тарелку.

— Я поем попозже.

— Тогда, может быть, ты боишься предстоящего сражения?

— Да нет, не очень. Я не один раз сражалась вместе с Дозорным Отрядом.

Арвин вытащил из ножен меч Мартина Воителя и легонько коснулся кончиком заячьей лапки:

— А ты знаешь о том, что у этого меча есть волшебное свойство — поднимать настроение юным господам?

Валери грустно улыбнулась:

— Боюсь, даже меч Мартина мне сейчас не поможет.

— Проверим? Смотри в направлении, которое он укажет!

Валери медленно подняла глаза, и лицо ее озарилось: на горизонте виднелись три фигуры, причем одна из них явно двигалась впереди, и, несомненно, это был Таммо.

— Таммо, Таммо! Он вернулся! — Валери запрыгала на месте, хлопая в ладоши и сияя от счастья.

— Вот видишь, — широко улыбнулся Арвин, — я же говорил тебе, что это волшебный меч!

Майор Ловкач Леволап слегка сдвинул брови, чтобы не улыбнуться при взгляде на Таммо и Валери:

— Вал, дорогая, может, отпустишь его лапу на секунду, чтобы он мог отдать салют честь по чести? — сказал он как можно серьезнее.

Таммо вспыхнул до ушей и вытянулся в струнку:

— Господин, Мидж прибудет с минуты на минуту. Задание выполнено. Дамуг Клык ведет армию Бродяг к горе Барсучий Нос... И плохая новость, господин: Гром Стальная Челюсть погиб. — Голос Таммо дрогнул, но он сглотнул подступившие слезы и продолжил: — Он погиб, как подобает герою, господин, спасая нашу жизнь. Мы ушли от преследования только благодаря ему... Также мы привели с собой белку-старика по имени Пепел. Он был в плену, но не выдал Рэдволл; мы его освободили, и он хочет драться с нами.

Майор отвернулся и быстро достал носовой платок; плечи его вздрагивали. Через какое-то время он обернулся, глаза его были сухи, но он был очень бледен.

— Старина Гром... Бесстрашный, благороднейший заяц! Клянусь, я отомщу за тебя, верный друг! Мы все отомстим за тебя врагам! Спасибо, Тамм, вольно! Можешь идти завтракать, о деталях доложит Мидж.

Капитан Цербер, горноста́й, поравнялся с Дамугом, марширующим во главе армии Бродяг в направлении горы Барсучий Нос.

— Смотрите, Острейший, костры! — указал он. — Это и есть та самая гора.

Дамуг неотрывно смотрел на столбы дыма, поднимающиеся вдали.

— Я давно их заметил. Пришли ко мне Болтуна.

Крыса Болтун был капитаном, хитрым и коварным. Он тут же возник рядом как по мановению волшебной палочки, прошелестев под ухом:

— Я здесь, Острейший, что прикажете?

— Возьми десяток шпионов поопытнее и иди с ними вперед: вынюхайте все, что сможете, потом доложишь. Пошел!

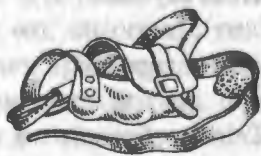
Дамуг был уверен, что победит. У кого еще найдется такая огромная армия, как у него? Где еще к востоку от Саламандастроны сможет собраться большое войско? Так, маленькие отряды, не больше... Он уверенно двигался вперед, прикидывая ход предстоящего сражения.

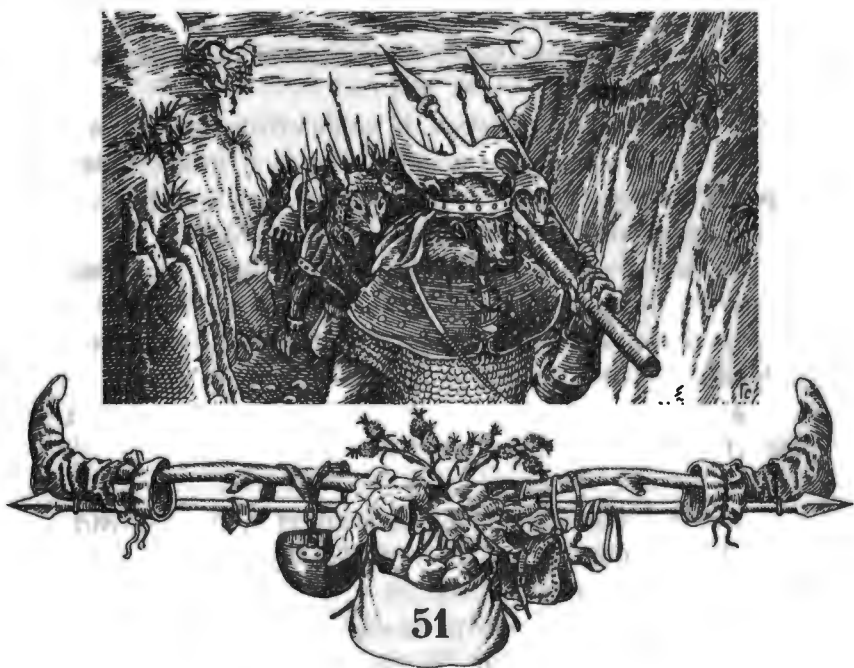
На примере отца, Гормада Тунна, он затвердил полезный урок: никогда не будь слишком самоуверен. Лучше перестраховаться, как бы ни была очевидна победа. Проигранный бой с Саламандастроном доказывал это как нельзя лучше.

Итак, он поделит армию на две части. Первая отправится напрямиком к горе Барсучий Нос, вторая — обогнет поле боя с другой стороны, чтобы не дать себя окружить. Таким образом он зажмет в тиски и гору, и низину перед ней. А когда бой будет выигран, он победителем войдет в аббатство и первым делом переименует его: это будет Форт Дамуг. Да, именно так! О нем будут слагать легенды, его будут бояться все, от мала до велика!

На самом высоком камне на вершине горы стояла белка Дальнозор, держа лапу «kozyрьком» над глазами и пристально вглядываясь вдаль. По тому, как напрягся его хвост, Морион понял, что Дальнозор что-то заметил.

- Что там? — крикнул он.
- Пока еще плохо видно, лейтенант, но, кажется, на юго-востоке какое-то движение!
- Тут же был созван военный совет.
- Похоже, враг приближается. Через какое время он доберется сюда? — спросил майор Ловкач Ловолап.
- Пока трудно сказать, — ответил Морин, — но мне скоро доложат.
- Ну, когда бы они ни пожаловали, мы устроим им достойный прием, а?
- Все загудели в ответ:
- Еще бы!
  - Так встретим, своих не узнают!
  - Поприветствуем на славу!
  - Да, каменными пирожками с гарниром из стрел!

Вушистик и Альгадор Быстроскок вернулись с дозора ближе к вечеру и доложили о результатах Красноокой Крегге и сержанту Удару Булаве:

— Ничего похожего на описанную вами гору пока не обнаружили. Должно быть, она находится дальше, чем вы предположили.

Барсучиха стояла, задумчиво опираясь о страшный бердыш.

— Это не важно, я все равно знаю, что эта гора существует. Что-нибудь еще?

— Впереди, в нескольких часах пути отсюда, начинается глубокий овраг, он уходит далеко вперед, на северо-запад...

— Отлично! — Крегга с сержантом переглянулись. — Мы сейчас же двинемся туда и далее будем продвигаться, следуя курсу оврага и используя его как прикрытие. Вольно, ребята. Молодцы.

Ночевали уже в овраге. Было запрещено жечь костры, ужин ели холодным и спать легли на холодную землю. Но Госпожа Крегга не чувствовала холода и неудобств. Кровь жгла ее при мысли о встрече с армией Бродяг на поле боя. В том, что оно впереди, Крегга не сомневалась.

Стоя на вершине горы Барсучий Нос, Арвин смотрел на горизонт и дул на чашку с бульоном.

— Что скажешь, командор, — обратился он к выдире, — появятся они завтра здесь?

— Да, похоже на то... Арвин, я вот все думаю: что ими движет? Почему они не могут жить тихо и мирно?

Опустив лапу на рукоять меча, Арвин тихо ответил:

— Трудно сказать. Но они всегда есть, эти нечестивые звери. Им на всех плевать, они просто берут то, что им хочется, и неважно, скольких при этом придется убить. Хороших и мирных зверей они считают слабаками, с которыми даже смешно считаться. Однако время от времени им приходится сталкиваться с такими, как мы: миролюбивыми, но непокорными. Нас невозможно сломить, мы бьемся до последнего и умираем, забирая их с собой. Мы не сдаемся в рабство. Нас не покорить. И они обламывают о нас свои проклятые зубы!

Вдали от горы, в теплой кухне аббатства, в уютной колыбели, лежал барсучонок Руссано и широко открытыми глазами смотрел на голубой туман, клубящийся под потолком. Он слышал, как сквозь пелену, барабанный бой и голоса.

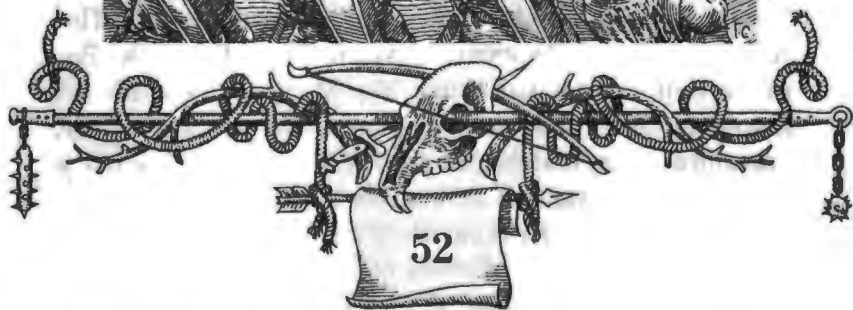
Вот из тумана сложилась картина: армия Радволла, почти полностью перебитая, лежит на равнине; порвано знамя; страшно и криво топорщатся пики. Потом являются другие, тихо говорят что-то, и эти голоса откуда-то известны барсучонку: Мартин, Маттиас, Маттimeo, Мэриел, Гонф — отважные мышцы-воители. Потом появляются барсуки: Старый Лорд Броктри, Воитель Бор, Солнечный блик, Урт Могучий, Урт Белый и другие. Они ходят по полю, касаются убитых — и те, кого они коснутся, поднимаются и присоединяются к ним. Вот наконец они встают все вместе; к ним подходит Гром Стальная Челюсть, заяц-гигант, так ласково нянчивший Руссано. И, хотя он не открывает рта, барсучонок хорошо слышит его голос:

«Помни нас, когда вырастешь, Руссано Светлый!»

Матушка Хлопотунья проснулась от того, что барсучонок громко и как-то очень горько плачет. Не ведая того, что он только что пережил, она подошла к колыбели, взяла его на теплые лапы и зашептала, бережно покачивая:

— Шшш, мой хороший, спи спокойно. Не надо плакать, все будет хорошо...

Успокоенный, Руссано снова начал проваливаться в сон. Он все равно не смог бы выразить то, чему стал свидетелем: он видел поле возле горы Барсучий Нос после битвы и знал имя каждого, кто погиб и кто остался в живых.

Свет принес напряженное оживление на горе: были зажжены костры, капрал Руббадуб выбивал общий сбор, командиры громко отдавали команды.

Под покровом ночи Дамуг Клык подкрался совсем близко. Майор Ловкач Леголап слушал быстрый доклад Дальнозора:

— Те костры, которые они зажгли ближе к ночи, были блефом! Они провели нас, дав понять, что у них привал, а сами двинулись дальше. Более того: они разделились на две части, одна оцепила гору, а другая залегла в овраге на том конце. Они ждут сигнала к наступлению.

Дамуг сидел в овраге, не желая раньше времени вступать в бой. Он слушал доклад капитана Болтуна:

— Их там не больше трехсот, ваше Острейшество! Немного зайцев, немного выдр да с десяток водно-ежей. Остальные вообще не в счет: белки, мыши, кроты и те путешествующие по рекам малявки, которых мы уже видели (кажется, их называют землеройками). Оружия у них много, но, защекочи меня мышью, шансов выиграть — ноль!

— Заткнись! — рявкнул Дамуг. — Не искушай судьбу раньше времени. Так... тысяча не понадобится, чтобы справиться с тремястами. Ты, Цербер, возьмишь двести пятьдесят солдат. Ты, Грабля, сбегашь и передашь Скаупу за горой, чтобы взял столько же и пошел в наступление. Вместе вы возьмете этот Барсучий Нос, не моргнув глазом! Гы-гы-гы! — рассмеялся он собственному каламбуру.

Крыса Грабля пригнулся и незаметно побежал к противоположному флангу, где в засаде сидел Скауп со своей половиной армии.

Таммо стоял между Валери и скороходом Перехлестом. Он немного подался вперед и посмотрел на выстроенную армию. Первый ряд стоял, стиснув зубы; их морды были непроницаемы. Второй ряд составляли в основном лучники: они проверяли тетивы и стрелы.

Заяц почувствовал, что лапы начинают дрожать. Опустив глаза, он увидел, что с Валери и Перехлестом происходит то же самое. Сзади что-то равномерно хлопало. Таммо обернулся: это командор нервно постукивал хвостом по земле.

— Мой бывалый хвост бьется от нетерпения! — засмеялся выдра ободряюще. — Он заждался и мечтает поскорее вступить в бой. Где же они? Валери, ты ничего не видишь?

До боли в лапе сжав пращу, Валери ответила:

— Вижу. Они залегли в овраге и тоже ждут сигнала. Как вы думаете, они тоже волнуются?

Сержант Ястреб мерил шагами склон, то и дело поглядывая на передний фланг. Проходя мимо Валери, он услышал последнюю фразу.

— Волнуются? Да они так дрожат, что чуть не выпрыгивают из своих зловонных шкур, я это отсюда вижу!

Он махнул лапой майору, который стоял у сухого бревна, опираясь о саблю.

— Как ты полагаешь, не сказать ли нам этим тварям все, что мы о них думаем?

Ловкач Леволап взмахнул саблей в ответ:

— Отличная идея, сержант. Разрешаю!

Набрав в легкие побольше воздуха, Ястреб крикнул в сторону армии Бродяг хорошо поставленным командирским голосом:

— Эй вы! Ошибка природы, жалкая пародия на солдат! Вы не высовываетесь потому, что не можете догадаться, что делать дальше, или потому, что у вас мозги примерзли от страха? — Он широким жестом приставил палец к виску и недвусмысленно покрутил, подкрепляя слова.

Рэдловльцы покатались со смеху.

Гургун Гарпун тоже поспешил взобраться наверх в своих огромных сапогах, вращая над головой деревянной колотушкой — своим любимым оружием.

— Да услышат меня неумные Бродяги, если в их мозгу еще не отмерла часть, которая отвечает за слух! Если они только попробуют вскарабкаться на гору, армия Рэдволла отправит их под откос в слезах и соплях!

В овраге усилилось шевеление, голос капитана Мориона прококотал:

— К оружию! Они наступают!

Из-за горы и со стороны оврага поднялись копыя, и вот наконец показались Бродяги. Это было жуткое зрелище: красные, перекошенные злобой морды, сверкающие шашки, черные знамена. Но еще страшнее был звук: кошмарное улюлюканье, с которым они приближались, катилось огромной нарастающей волной, впиваясь в уши. И битва началась.

Капитан Молния не поднимала рапиры.

— Замрите и подпустите их поближе! Держитесь каменных насыпей! Стрелки, слушай мою команду! Пли!

Бродяги летели вверх по склону со страшной скоростью. Бесчисленные копыя и шашки были нацелены на противника.

Мимо Таммо просвистел огромный дротик. «Пли!» — услышал он снова сквозь вражеское улюлюканье и размахнулся пращей.

Каменный дождь обрушился на Бродяг. Таммо видел их ужас; видел, как с воем свалился горностаи, летевший прямо на него, сраженный наповал. Следующим броском Таммо подбил крысу, которая уже нависла над ним.

Майор Ловкач Леволоп сражался на переднем фланге, умело орудуя саблей и отдавая команды:

— Принести камней! Первые запасы на исходе!

Булыжники, камни, комки глины и стрелы стремительно обрушивались сверху на Бродяг. Но и те дрались зверски: горящие стрелы, копья, дротики летели в рэдволльцев.

— Передний фланг, ложись! Перезарядить пращи! Вторая шеренга, в бой! — прогремел голос Молнии.

Таммо и Валери одновременно рухнули на землю. Следующими наступали командор с отрядом выдр, метко пуская стрелы из туго натянутых луков. Из положения лежа стрелки тоже выпустили залп камней.

Очередной этап был тактически выверен майором: каждый рэдволлец схватил копье или дротик, которые были замаскированы между рядами на склоне, и внезапно армия аббатства ощерилась острыми, блестящими на солнце наконечниками.

Этого Бродяги не предполагали. Они ждали, что противник будет всеми силами защищать гору, но никак не того, что он перейдет в наступление. Сердца многих дрогнули, когда раздался грозный воинственный клич:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!! Еу-ла-ли-а!!!

Неожиданный и смелый бросок рэдволльцев внес смятение в ряды врага. Барабаны забили отступление, Бродяги дрогнули и побежали. Дамуг подсчитал потери: шестьдесят солдат. Он рассчитывал на меньшие, ну да ничего. В целом Великокрыс был доволен: пощупав врага, он и удивился его силе, и обнаружил слабые стороны. Теперь он знал, как действовать.

Рэдволльцы потеряли в два раза меньше. Арвин сидел на бревне, один из кротов накладывал ему повязку с лечебными травами на распоротый бок. Белка терпела, стиснув зубы. Крот уже завязал бинт и вдруг замер, уставившись на равнину:

— Хурр, какой кошмар!

Зрелище было действительно страшное. Дамуг Клык выстроил всю свою армию и встал во главе в доспехах, с мечом в вытянутой лапе. Один взмах — и почти тысяча вооруженных до зубов зверей с ярко-красными лицами и жутким оскалом яростно рванет в атаку.

Лог-а-Лог в замешательстве посмотрел на майора:

— Чего Дамуг добивается?

— Понятно, чего: он хочет нас напугать. И не просто напугать, а смертельно. Он хочет, чтобы у нас со страху подкосились лапы и задрожали уши. Мы дрались только с половиной войска. Теперь он демонстрирует нам все.

Сержант Ястреб вытянулся по стойке смирно:

— Прикажете строиться для повторного наступления?

— Нет, сержант. Полагаю, они рассчитывают на переговоры. Мы же должны дрожать со страху! Они надеются, что мы и так капитулируем — без боя.

— Капитулируем?! — взорвался Арвин. — Да за кого он нас принимает?!

— Вот уж дудки! — подхватили близнецы Торри и Тарри. — Не на тех напал!

Майор спустился до середины склона и крикнул, обращаясь к Дамугу:

— Ты явно хочешь мне что-то сказать, крыса! Давай, не тяни! Мои ребята не могут прохлаждаться тут весь день в ожидании, у нас есть дела и поважнее.

Дамуг указал мечом на выстроенную позади него армию:

— Что слова, заяц, когда ты и сам все видишь! Я могу уничтожить вас одним щелчком!

— Да неужели? И ты вышел сюда — ты надры-
вался, — чтобы сказать только это? Впрочем, чего еще
ждать от такого дремучего зверя!

Дамуг зло усмехнулся в ответ.

— Прежде, чем лезть на рожон, заяц, подумай о
тех, кого вы оставили в аббатстве. Если я вынужден
буду вас перебить, я перебью и их! А это будет не-
трудно, учитывая то, что там только дети и старики.

Сердце майора екнуло, но он не подал виду.

— Учитывая то, что я убью тебя, крыс, твои угро-
зы не имеют ровно никакого значения!

— Ошибаешься, зайчатина! Считай, что ты уже
мертв!

Дамуг высоко поднял меч.

— Руббадуб, бей наступление! — громко приказал
майор. — Друзья, стройсь!

— Бум-бубу-бумм-бубу-бумм-бумм-бумм!!!

Великокрыс одновременно взмахнул мечом, посы-
лая свое войско в атаку.

Таммо стоял в первой шеренге рядом с Гургуном.
Тот подтолкнул его под плечо:

— Как чувствует себя юный Таммо?

— Странно, Гургун... Вот я стою перед огромной
армией Бродяг, мне предстоит нелегкий бой, а все, о
чем я могу думать, это то, который сейчас час. Только
что было утро, а уже наступил вечер. Куда делся весь
день? Я не перестаю удивляться, и в голову просто
не идет ничто другое.

— Ха, и с Гургуном происходит то же... Он пред-
ставляет, как жена и водноежата сейчас плывут на
плоту по реке, тихой и мирной... Ауфф!

Длинная стрела вонзилась Гургуну в плечо.

— Ты ранен! — в ужасе воскликнул Таммо.

— Ничего! — скрипнув зубами, процедил Гургун и с силой вырвал стрелу. — Гургуна не может сломить одна лишняя иголка! — И он разломил стрелу пополам.

Прежде, чем Таммо успел ответить, прогремел приказ сержанта Ястреба:

— Первая шеренга, залп! Вторая — приготовиться! Не пускать врага на склон!

У подножия горы Бродяги были встречены несколькими каменными залпами. Учитывая количественный перевес врага, майор предпочел именно с этого начать бой, чтобы спасти как можно больше своих солдат и приостановить стремительно напирających врагов. Следующая команда была обращена к кротам:

— Бревно поджигай!

Кроты, предварительно облившие сухой ствол растительным маслом, чтобы он дольше горел, подожгли его и изо всех сил толкнули вниз с горы. Сумерки озарились ярким пламенем, которое неотвратимо летело на противника. Через несколько секунд оно уже подминало под себя, жгло и метило застигнутого врасплох врага.

Весь день Красноокая Крегга и Дозорный Отряд продвигались вперед по оврагу. Края были невысокие, и приходилось низко нагибаться, чтобы не быть замеченными. Казалось, ему нет конца: они всё шли и шли, перебираясь через грязь и репейник, поваленные стволы и камни.

Первой голову подняла Шипешка:

— Смотрите, огоны! Там! — Она указала на гору вдалеке, по которой несся огненный ствол.

Сержант Удар Булава тут же оказался рядом с Госпожой Креггой, перегораживая ей дорогу и одновременно приказывая:

— Шишечка, Альгадор, бросьте рюкзаки, но возьмите оружие! Бегите вперед, осмотрите все и быстро возвращайтесь с рапортом. Прежде, чем действовать, нам нужна информация. Вперед, скороходы!

Госпожа Крегга метала гром и молнии:

— Пропустите меня, сержант! Немедленно пропустите!

Впервые за всю свою долгую службу заяц не подчинился.

— Нет, Госпожа Крегга, — твердо сказал он, — нам нужно дождаться рапорта и четко представить себе картину происходящего. Если Вы отправитесь туда прямо сейчас, Вы погубите и себя, и нас. Я не могу рисковать столькими молодыми жизнями из-за Вашей ярости. Я знаю, Вы можете прихлопнуть меня одной лапой, но я все равно буду удерживать Вас до последнего.

Госпожа Крегга подняла бердыш высоко над головой и с размаху опустила о камень, отколов большой кусок.

— Будь по-вашему, — процедила она, — подождем. Но не заставляйте меня ждать слишком долго!

Когда бревно слетело с горы, сминая Бродяг на своем пути, пролетело через равнину и скрылось в овраге, наступила пугающая тишина.

Скореход Перехлест потер глаза, вглядываясь в черную ночь:

— Что происходит? Почему так тихо? Ничего не видно!

Землеройка, стоящий рядом с Перехлестом, несколько раз моргнул:

— Я тоже ничего не вижу, темнотица — хоть глаз выколи.

Большинство рядовольцев сгруппировались на склоне, там, где раньше лежало бревно. Вдруг до них донесся крик с другой стороны горы:

— На помощь! Они атакуют отсюда!

Только они бросились на зов, как слева донесся еще один крик:

— Сюда! Они атакуют и эту сторону!

Дамут не терял времени даром. Несмотря на то что горящее бревно немного мешало ему карты, оно не могло сильно повлиять на ход сражения: гора была окружена. Бродяги наступали со всех сторон, выхода не было.

Таммо сражался, стоя спиной к спине с Валери, держа пращу в правой лапе, а левой ловко орудуя кинжалом.

Враги наступали и наступали, их было так много, что Таммо давно сбился со счета. Повернув голову, он увидел, что лейтенант Морион окружен и никого нет рядом. Заяц подтолкнул Валери, и они начали продвигаться к лейтенанту приставными шагами, не прекращая отбиваться. Вот они уже почти поравнялись с ним — но слишком поздно: храбрый лейтенант пал, сражаясь до последнего дыхания, и громко крикнул на прощание:

— Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!!! Еу-ла-ли-а!!!

Капитан Молния тоже была окружена. Ее ловкая рапира сверкала как молния, быстро и точно нанося удары. Таммо ловко подсек лиса, готовившегося заколоть зайчиху. Валери с другой стороны метнула камень в крысу.

— Спасибо, ребята! — крикнула Молния. — Хороший выстрел, Вал!

К ним уже подбирался командор, ловко нанося и отражая удары врага.

— Сюда, друзья! — позвал он. — Давайте встанем спиной к камню — так мы сможем защитить спины и долго держать оборону!

Майор Ловкач Ловолап и Гургун тоже к ним присоединились. Они сражались бок о бок, держась спинами к камню. У майора была рассечена бровь, из нее тонкой струйкой текла кровь.

— Да сколько же их тут? Гургун не успевает колотить! — воскликнул Гургун, подняв-опустив колотушку и разнеся череп капитану Бродяг Скаупу. — Остается только бить без разбору, сколько хватит сил! Вот попадись Гургуну Дамуг!

Лог-а-Лог, стиснув зубы, разрядил пращу в горно-стая:

— Вряд ли он попадется тебе, Гург! Он предпочитает отдавать приказы из-за спин, сам он не дерется, потому что ему страшно, ха-ха! Эй, Таммо, ты цел? Что случилось?

Таммо чуть не потерял сознание от боли, когда Валери выдернула из его задней лапы пику:

— А-а-а! Зацепил меня, гад, ну надо ж так! Но и я задал ему не слабо!

Друзья сдвинулись вокруг них, пока Валери быстро перевязывала Таммо шейным платком.

Шишечка и Альгадор вихрем примчались назад и на одном дыхании выпалили рапорт.

Госпожа Крегга приняла решение мгновенно:

— Сержант, бери правый фланг. Капрал, ты — левый. Я поведу центр. Выбираемся из оврага и строимся горизонтально: пятьдесят в длину, десять в ширину. Продвигаемся вперед стремительным маршем,

оружие наголо. К горе подойдем сзади. У Бродяг не хватит ума догадаться о таком маневре!

Все еще не отдышавшись, Шишечка и Альгадор схватились за шпаги:

— Мы с вами!

Сержант кивнул Шенглу Больнеступу:

— Помогите Альджи, будь другом. Дымок, Рив, поддержите Шишечку! Они славные ребята, они нам пригодятся!

Ночную тишину гулко пробивали шаги пятисот пар лап Дозорного Отряда Саламандастропа, идущего на помощь товарищам.

Дамуг Клык наблюдал за битвой издалека, стоя у костра и опираясь о меч. Он был очень доволен ходом сражения. Еще немного — и аббатство будет у него в лапах. Бродяги несли большие потери, но что такое потери по сравнению с победой! Рядовольцы дрались яростно, никто не сдавался в плен. Сейчас, видя скорую победу, некоторые Бродяги стали осторожничать: никому не хотелось умирать, подойдя к желанной цели так близко, а соперники, похоже, были настроены уничтожить еще не один десяток.

Капитан Цербер был выше и сильнее многих. С пикой в одной лапе и с огромным багром в другой, он ринулся на противника, рыча:

— Хрр, малявки, я разнесу вас в клочья! Вы у меня заплачете кровавыми слезами!

Он с размаху налетел на Гургуна с его колотушкой, тот лишь раз опустил ее, и горностаи замертво повалился на землю, роня страшное оружие.

— Такой большой и такой глупый! — прокомментировал водноеж.

Но дерзость такой победы раззадорила Бродяг, и уже в следующую минуту они облепили Гургуна со всех сторон, повалив на землю.

Зайцы не могли оставить друга, они покинули камень, защищавший их со спины, и с диким криком «Рэдвооолл!» кинулись на помощь.

Их было безнадежно мало, они понимали это, но готовы были отдать жизнь за друга. И тут случилось непредвиденное: сам Дамуг спас их. Любопытство взяло верх: он как раз приблизился к месту сражения, уверенный в том, что теперь уже никакая опасность ему не грозит.

— Остановитесь! — громко приказал он. — Этих не убивать! Мы возьмем их в плен, будут мне прислуживать — пример для остальных непокорных! Кроме вот этого зайца, — Дамуг остановился перед майором. — Никому не позволено разговаривать со мной так, как ты. Взять его!

Ловкач Леволоп отбивался изо всех сил, но Бродяг было слишком много. Его скрутили, связали и бросили перед Дамугом.

— Эх ты, трус! — презрительно сплюнул заяц. — Ты боишься даже меч в лапы взять, если тебе предстоит честный бой! Давай сразимся один на один. Ага! Кишка тонка!

Дамуг смерил майора взглядом. Одного глаза было не видно из-за запекшейся крови. Мундир был весь изорван и свисал клочьями, обнажая глубокий шрам на плече. Великокрыс пренебрежительно усмехнулся, глядя на него сверху вниз.

— Твои сражения закончились, придурок. И сейчас ты покажешь пример своим друзьям, что меня надо уважать. На колени его! Непокорным полезно

посмотреть, как летит под откос голова вождя, гы-гы-гы!

Вдруг сзади словно дохнуло теплом, и вслед за этим послышались топот лап и громкий клич, леденящий душу Бродяг:

— Еу-ла-ли-а!!!

Дамуг обернулся — и так и присел от страха: во главе юного, воодушевленного, пышущего негодованием войска на него неслась во всей своей мощи сама Красноокая Крегга — гигантская барсучиха, ужас его ночных кошмаров. Над головой она держала такое огромное и страшное оружие, какого он никогда в жизни не видел. Ее глаза полыхали пламенем. Таммо, наблюдавшему за внезапным появлением Дозорного Отряда с гулко бьющимся сердцем, показалось, что враги разлетались в стороны от одного этого взгляда. Великая Госпожа была как вихрь, как ураган, как шквал ненависти и благородной ярости.

— Отпрыск Гормада Тунна! Гнусный убийца! Стоя-я-ять!!! Даже не вздумай бежать!

Дрожащей лапой Дамуг прицелился и что было сил полоснул барсучиху мечом по глазам. Сцепившись в огромный клубок, они покатались с горы.

Первым опомнился майор Ловкач Леволап. Пнув головой стоявшую рядом крысу и сбив ее с лап, он вскочил и что было сил крикнул:

— Еу-ла-ли-а! Победа за нами! На горе зайцы — сотни зайцев Саламандастрона! Еу-ла-ли-а!!! Смерть врагам!

Армия Саламандастропа влилась сильной струей в слабеющие ряды рэдвольцев. Скороход Перехлест упал — на него с размаху рухнул горностап, уже занесший дротик, но сраженный чьим-то мечом. Перехлест вылез из-под него и поднял голову, чтобы посмотреть, кто же его спас.

— Братишка! — радостно воскликнул он. — Альгадор!

— Перехлест, ты жив! Вот радость-то!

— Логалогалогалог! — донеслось слева. Это капитан землероек во главе оставшейся части Гуосима ринулся в самую гущу врага.

— Рэвооолл! Нет поражению! Да здравствует победа! — кричали выдры.

Таммо рядом с Валери, Миджем, Молнией и Пеплом бешено рассекал налетавших Бродяг. Они пробились, прорубали себе путь туда, где капрал Руббадуб лежал, раненый, на земле. Таммо, Мидж и Пепел прикрыли Валери, пока она склонилась над капралом и осмотрела страшную открытую рану на затылке.

— Боюсь, удар был смертельным, — грустно сказала она.

— Ерунда! — Молния сильно дернула Руббадуба за лапу. — Его так легко не убьешь!

— Рубб-дубб-дубидуби-дубб! — раздалось в ответ, и Руббадуб широко улыбнулся, не открывая глаз.

Сержант Ястреб сражался бок о бок с сержантом Ударом Булавой. Они дрались как одержимые, но при этом переговаривались спокойно, как старые приятели на дружеской вечеринке:

— Кстати, сержант, ваши ребята на левом фланге отлично справляются.

— О да, сержант, они отважны, хоть и молоды еще.

Торри и Тарри, объединившись со Словохотом и Пушистиком, шли вперед одной шеренгой, сдвигая неприятеля с вершины горы. Разгоряченный Словохот, забывшись, вырвался вперед навстречу сразу четверым Бродягам:

— Эй вы, посторонитесь! Словохот Беспощадный разнесет вас в клочья!

Первого он успел убить, но второй размахнулся и всадил ему дротик в бок. Словохот упал. К нему тут же рванулись капрал Элбриг и Шенгл Большеступ, сразив двух Бродяг, а третьего отправив бежать без оглядки.

Словохот вымученно улыбнулся:

— Он напал со спины, а так нечестно, правда ведь?

Элбриг приподнял ему голову, одновременно дав Шенглу обернуть раненого в плащ:

— Ну что мне делать с тобой, Словохот? — в отчаянии воскликнул он. — Сколько раз повторять тебе: война — это не игра, здесь все на самом деле! Хорошо еще, что удар пришелся по косой, вырвав из тебя клоч, но не задев важных органов. А если б нет? Ох, горе ты мое... обопрись о меня и Шенгла, мы отведем тебя к раненым.

Пушистик и Рив Старбук оказались в затруднении. Они сражались из последних сил, но начинали сдавать под напором врага. Видя это, Таммо и его команда рванули к ним на подмогу — но слишком поздно. Оба рекрута были заколоты копьями прежде, чем друзья успели им помочь.

Удар Булава подлетел к Пушистику и склонился над ним.

— Подожди, малыш, не умирай, мы вытащим тебя! — Голос его дрожал.

— Нет, я уже выполнил свой долг... Передайте это полковнику Ясноглазу... только не кричите при докладе, он не любит, когда говорят громко... — Глаза Пушистика закатились.

Из глаз Удара Булавы брызнули слезы. Он оттащил Пушистика в сторону, приговаривая:

— Мы отомстим за тебя, дружок. Ты умер как настоящий воин. Надеюсь, ты попадешь в места более благодатные, чем это кровавое месиво.

Несмотря на большие потери, ход битвы изменился. Бродяги — точнее то, что осталось от их армии, — бежали вниз по склону без оглядки. Зайцы и ред-

вольцы беспощадно преследовали их. Впереди всех преследователей неся майор Ловкач Ловолап рядом с капитаном Молнией, за ними — Таммо и Валери, так и не отошедшие друг от друга ни на шаг за время сражения. Подлетев к краю оврага, они увидели Кругу, которая топтала то, что осталось от Дамуга Клыка, а его сломанный пополам меч валялся рядом.

Из всех присутствующих только Валери выглядела по-прежнему бодрой и полной сил. Она спустилась на дно оврага, подошла к барсучихе и осмотрела ее.

— Она жива, и это главное! — крикнула она собравшимся наверху. Но ее собственный прогноз не был таким оптимистичным: барсучиха сильно пострадала. Вся ее голова, лицо и уши были изрезаны — видимо, Дамуг бросался на огненный взгляд, которого не мог вынести.

Майор улыбнулся:

— Ну что ж, Великая Госпожа, должно быть, выкована из свинца, раз она выжила в этой битве. Тамм, попробуйте соорудить большие носилки и найти тех, кто еще в состоянии их нести. Тамм, с тобой все в порядке?

Таммо сел на край оврага и уронил голову на колени, рыдая и вздрагивая всем телом:

— Нет, господин, со мной не все в порядке! Я видел смерть! Я видел бой, я убивал живых существ! Мои друзья падали замертво прямо перед глазами, и все, о чем я думаю, — это что, я остался жив! Хотя, учитывая то, что я чувствую, я не уверен, что хочу жить!

Майор присел рядом с ним.

— Я знаю, что ты чувствуешь, дорогой, но подумай на секунду о тех, кто остался в аббатстве, — о наших малышах, стариках, обо всех семьях, включая твою собственную, живущих вне стен аббатства. Те, кого мы победили сегодня, больше не будут им угро-

жать и не причинят им вреда. Разве этого мало? Тебе нечего стыдиться. Полковник и Мудрая Дум могут гордиться сыном. Что скажешь, Валери, я прав?

Валери подошла к ним, ласково улыбулась и тихо сказала:

— Мне нечего сказать, Тамм. Посмотри на небо, и ты сам все поймешь.

Все подняли головы. Небо светлело, и на горизонте уже плескались огненно-алые краски, предвещавшие появление солнца. Бледные облака озарялись по краям неземным светом. Тихое очарование восхода было внезапно прервано появлением Таунока, который приземлился поблизости и буднично констатировал:

— По количеству тел убитых противников и числу добрых зверей, оставшихся в живых, я могу сделать вывод, что бой выигран.

Майор вытер саблю пучком травы:

— Да, мы победили.

Таунок кивнул большой головой:

— Хорошо. Полечу, оповещу жителей аббатства Рэдволл. Не желаете ли добавить еще что-нибудь для передачи им?

Тамелло Де Формелло Кочка вытер глаза тыльной стороной ладони:

— Скажи им... скажи им, что мы возвращаемся домой!

Из записей белки Краклин, летописицы аббатства Рэдволл в Стране Цветущих Мхов:

«Залечить раны после войны — дело не быстрое. Война закончилась четыре сезона назад, но воспоминания все еще свежи.

Когда Госпожу Креггу доставили в аббатство, мы все очень сильно за нее боялись. Она мало ели и почти не говорила, просто лежала в изоляторе, и головы ее вся была замотана бинтами. Валери Валериана и сестра Фиалка Полевка уже тогда поняли, что Крегга не сможет ви-

деть, даже когда бинты снимут, — Великая Госпожа ослепла.

С тех пор она лишь сидела у камина, тихая и погруженная в себя. Трудно было даже представить, что это та самая барсучиха, которую сжигал огонь ярости. Но потом все чудом изменилось. Однажды маленький Руссано потерялся и заполз именно в тот зал, где отдыхала Госпожа. Когда мы вошли, он уже сидел у нее на коленях, и оба были совершенно счастливы. С тех пор они неразлучны. Круга воспитывает Руссано и вкладывает в него всю душу и опыт. Волей-неволей вспомнишь слова Мартина Воителя:

*Барсучья прозорливость вам поможет,
Но глаз барсучий видеть уж не сможет.
Седой боец во мраке отдохнет,
А юный — солнцем над горой взойдет!*

После сражения всех погибших похоронили под горой Барсучий Нос, а на вершине ее установили знамя с ярко-красной буквой „Р“ — символом Рэдволла. А на камнях кроты выбили стихотворение, написанное Валери:

*„Спите в ночи и в сиянии дня,
Вас не забудем мы, в сердце храня.
Спите зимою под выюгою снежной,
Спите весной под травкою нежной.
Вы полегли, не щадя живота.
Память о вас да пребудет чиста.
Вас оставляя в холодных могилах,
Горько не плакать сердце не в силах“.*

Я бы хотела, чтобы наш маленький Руссано никогда не выросл, но разве это возможно? Конечно, однажды он вырастет и взойдет солнцем над горой Са-

ламандастрон. Даже сейчас он словно излучает уверенность, силу и свет. Недаром все зовут его Руссано Светлый.

Святы тоже подросли и действительно сами себе выбрали имена. Их зовут Орехоклюв, Орехокоготь и Орехокрыл в память о первом слове — „орех“, — которое они научились говорить. Все они очень хорошие, хоть порой и непослушные, ну да они еще малыши.

А я, знаете ли, назначена Главным Хранителем Орденов. Те сокровища, которые мы принесли из Котира, были переплавлены на военные награды и ордена. На каждом надпись: „За победу у горы Варсучий Нос“. Все участники сражения очень гордятся ими, но, так как носить их каждый день на работу неудобно, хранятся они все у меня.

„А ни какую работу?“ — спросите вы. Ну как же! А строительство южной стены? Майор Ловкач Леволлап сказал, что Дозорный Отряд не уйдет до тех пор, пока не будет уверен, что аббатство снова в безопасности. Так же поступили и Лог-а-Лог, и командор, и Гургун с их отрядами. Теперь все звери дружно помогают нам заново отстроить стену.

А Таммо и Валери скоро пожениятся! Таунок уже слетал в Лагерь Кочка с приглашениями на свадьбу. Мудрая Дум очень гордится сыном, и даже полковник простил его и признал, что сын — истинно бесстрашный заяц Дозорного Отряда. Настоятельница Пижма приготовила Валери в подарок браслет с драгоценными камнями, добытыми в лабиринте Котира. Думаю, он ей очень пойдет, хотя она и так самое красивое существо, какое я когда-либо видела. Кроме того, она прекрасный врач и знает о ранах больше, чем все мы (только сестре Фиалке не передавайте мои слова).

Лапа Таммо так и не зажила окончательно — слишком глубоким было ранение. Но он только посмеивается и говорит, что никогда не мечтал стить Скороходом. Правда, хромота его едва заметна.

Когда Руссано выростет и покинет нас, аббатство не останется без барсука. Госпожа Крегга решила провести с нами остаток дней. Мальшии ее просто обожают. А они так трогательно-нежна с ними, если бы вы только видели!

Пургун переложил основные права и обязанности главы семьи на старшего сына, а сам принял на себя обязанности Хранителя запасов, потому что Порция устала их исполнять. Думаю, его интерес к записам вызван главным образом любовью к октябрьскому элю и секрету его изготовления.

А теперь позвольте прерваться, я обещала помочь Пончику и Молнии в подготовке осеннего пира. Ну и урожай был в этом году, скажу я вам! Вот уж наготовим всего! В аббатстве всегда любят немного подкрепиться после трудной работы. А вы, если будете поблизости, заходите! Мы всегда рады гостям».

Вного сезонов прошло с тех пор, как майор Ловкач Ловолап в последний раз видел гору Саламандастрон. Одернув красный парадный мундир и пригладив посеребренные временем усы, он приложил лапу «kozyрьком» к шраму над бровью, вглядываясь в крепость на дальнем западном берегу.

— Старушка совсем не изменилась! Да... — сказал он, обращаясь к капитану Тамелло Де Формелло и его жене госпоже Валери. Те стояли рядом и тоже напряженно вглядывались в серо-бурую громаду.

— Итак, вот ты какой, Саламандастрон! — заворожено произнес Таммо. — Ты даже прекраснее, чем тебя описывают.

— Ты еще не видел его изнутри! Там он еще лучше! — И Валери склонила голову ему на плечо.

Их встречала делегация во главе со старым полковником Ясноглазом, который опирался на плечо капитана Гарнизона Чивы. Глядя на него, Таммо вспомнил своего отца: те же усы, тот же монокль на шнурочке.

Ясноглаз и майор обнялись.

— Сколько лет, сколько зим!

— Да, не один сезон прошел с нашей последней встречи! А как зовут этого молодца?

— Тамелло Де Формелло Кочка, господин! — выпалил Таммо.

— Не кричите так, молодой человек. Я еще не оглох. По крайней мере, не совсем оглох, — рассмеялся Ясноглаз. — Вы женились на Валери, насколько я понимаю? Что ж, одобряю выбор. Я знал вашего отца, юноша. Бесстрашный заяц. А мать — такая же красавица, как ваша молодая жена.

Делая обход вернувшегося войска, полковник неожиданно встретился глазами с чьим-то молодым, горящим и необычайно светлым взглядом. В нем было больше мудрости и ясности бытия, чем он мог бы накопить за две жизни. Полковник приостановился:

— Кто ты?

Перед ним стоял юный барсук, высокий и ладный, но размер его лап указывал на то, что он вырастет в три раза больше.

— Меня зовут Руссано, — ответил он, подставляя полковнику лапу, согнутую в локте. Тот оперся на нее, и вместе они вошли в ворота Саламандастрона. Чива, поддерживая полковника с другой стороны, изумленно смотрела на юного барсука:

— Почему у тебя нет оружия? Мы привыкли, что у всех барсуков есть мощное оружие.

— Мне достаточно вот этого, — ответил Руссано, вытаскивая из-под плаща древний посох. — Говорят, он принадлежал когда-то одной храброй белке, спасшей мне жизнь. Меня научили владеть им так же виртуозно, как это делала она.

Полковник Ясноглаз сжал лапу барсука:

— Лучшее оружие — светлая голова. На камнях Саламандастрона выбито, что однажды сюда придет править барсук и имя ему — Руссано Светлый. Только сейчас я понял, что значат эти слова. Добро пожаловать в крепость, Владыка!

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОБЕГ

9

КНИГА ВТОРАЯ ВОЕННЫЙ СБОР

149

КНИГА ТРЕТЬЯ ГОРА БАРСУЧИЙ НОС

271

Русская литература

Брайан Джейкс — великолепный рассказчик. Он родился и вырос в Англии, в Ливерпуле, и сменил множество профессий. Он был моряком и портовым грузчиком, клоуном и водителем грузовика, работал почтмейстером и полицейским, занимался боксом, руководил музыкальной фолк-группой, вел собственную передачу на радиостанции Би-би-си. Литературную карьеру он начал как сценарист и успел получить признание, но интереснее ему оказалось писать книги. Сериал «Рэдволл», общий тираж которого превысил 30 миллионов экземпляров, принес Джейксу титул одного из самых популярных писателей мира.

Сегодня Брайан Джейкс работает над очередным романом из цикла «Рэдволл» и придумывает новый сериал.

Книги сериала «Рэдволл» снискали своему автору, Брайану Джейксу, славу одного из лучших детских писателей мира. В чем секрет их популярности? Наверное, в том, что Джейкс, сам воспитанный на книгах Стивенсона и Хаггарда, Лондона и Дефо, пишет о простых, но важных и увлекательных вещах — о том, что жить надо весело, но радостную жизнь подчас приходится защищать от злобы и зависти; о том, что, заступаясь за слабого, ты становишься сильнее и можешь совершить подвиг; о том, что каждого, кто готов сделать первый шаг в неизведанное, за порогом ждут настоящие приключения.

Рэдволл — больше, чем просто книги, — это большой и интереснейший мир. Не случайно столько людей в разных странах причисляют себя к сообществу его поклонников. О приключениях героев Рэдволла снят мультипликационный сериал, поставлены спектакли и мюзиклы, а число интернет-сайтов, посвященных сериалу, исчисляется десятками. Начать знакомство с жизнью Рэдволла в сети мы советуем с ресурсов: www.redwall.org и www.redwall.net

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

«Джейкс создал новую неотразимую сказку».

Сиэттл буклист

**«Истории, сотканые из невероятных
приключений, сильных характеров
и завораживающих декораций».**

Бостон санди глоб

«Ошеломляюще!»

Циркус ревью

**«Книги о Рэдволле создают атмосферу
рыцарства и приключений и напоминают
истории о короле Артуре».**

Арканзасский демократический бюллетень

«Поразительные приключения!»

Паблшерз уикли

**«Брайан Джейкс обладает способностью
истинного писателя фэнтези создавать
новый и правдоподобный мир».**

Журнал для школьных библиотек

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

- Санкт-Петербург** *Издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-56,
факс (812) 327-01-60
«Книжный клуб „Снарк“»
тел (812) 103-06-07
ООО «Русич-Сан»
тел (812) 589-29-75*
- Москва** *ООО «Азбука-М»
тел. (095) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93, 261-24-90
www.club366.ru, club366@aha.ru*
- Екатеринбург** *ООО «Валео книга»
тел. (3432) 42-07-75*
- Новосибирск** *ООО «Топ-книга»
тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru*
- Калининград** *Сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38*
- Хабаровск** *ООО «Мирс»
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale_book@bookmirs.khv.ru*
- Челябинск** *ООО «ИнтерСервис ЛТД»
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52*
- Казань** *ООО «Таус»
тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru*

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

- Израиль** *«Спутник» (Тель-Авив)
тел. (03) 6872261, 056-479931*

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
WWW.OZON.RU

КНИГА-ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300 тел. (812) 268-90-93;
www.areal.com.ru e-mail: postbook@areal.com.ru

Литературно-художественное издание

Брайан Джейкс
ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД

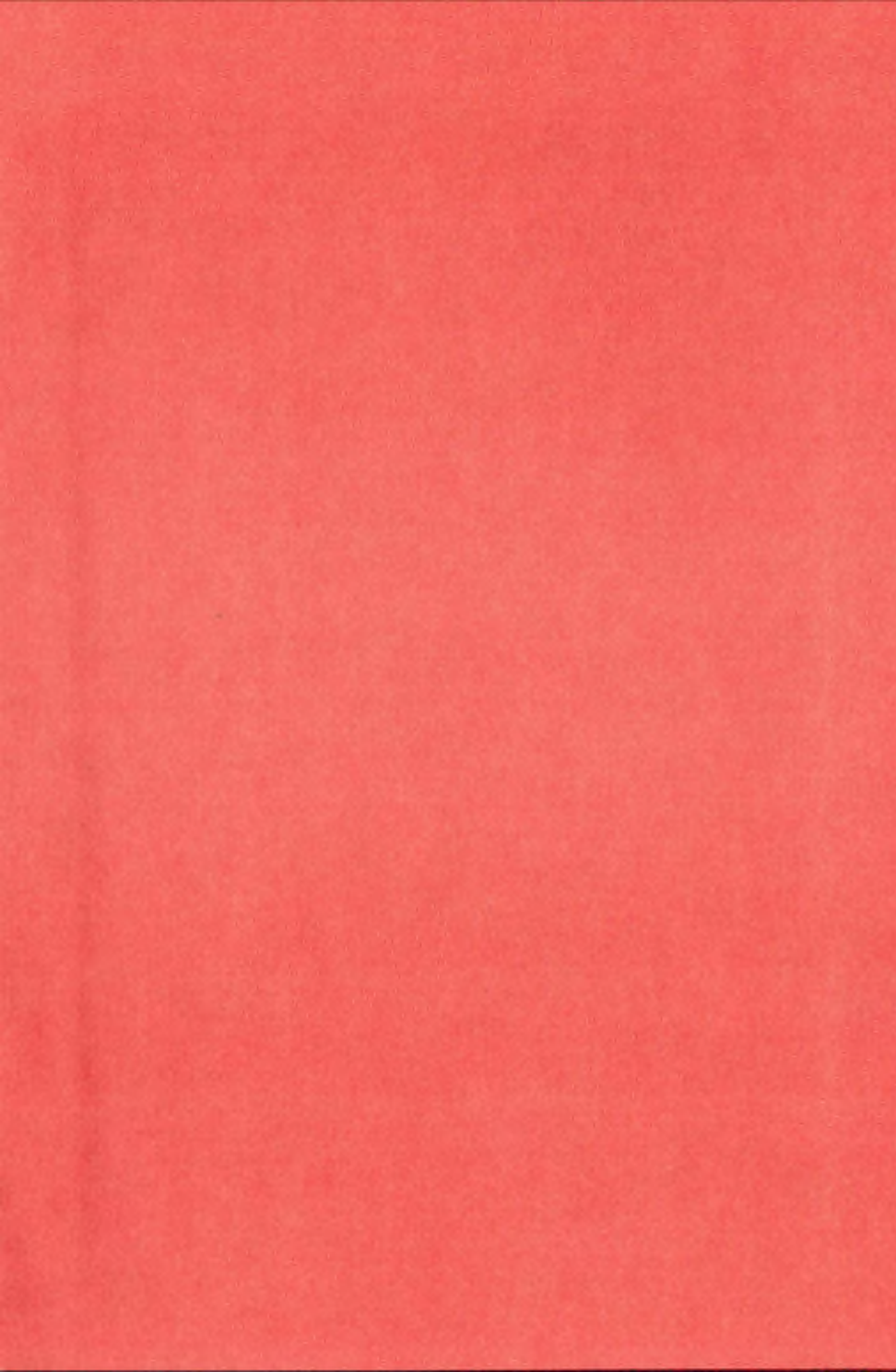
Редактор Ирина Знаменская
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Наталья Старостина, Татьяна Никонова
Верстка Антона Вальского

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 21.06.2004.
Формат издания 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 15 000 экз.
Усл. печ. л. 23,25. Изд. № 941. Заказ № 2840.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Лагерь Кочка

Река

Путь Таммо

Тропа

Лес раскрашенных

Сосновый лес

Гора

Болото

Аббатство
Рэдволл

Лес
Цветущих Мхов

Поле битвы

Овраг

Ручей

Лагерь Дамуга

Саламандастрон

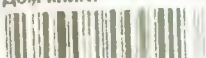
Путь Креади

Путь Дамуга

Море

ООО "Дом книги"

361250

9785352009413

Документ Дозорный Отряд

29 08 04

124.00 р

«РЭДВОЛЛ»

Великокрыс Гормад Тунн — Острейший Меч племени Бродяг — умер. Его сын Дамуг Клык, победив в смертельной схватке своего брата Бирла Клешню, стал новым предводителем крыс, хорьков, ласок, горностаев и лис. И эта армия кровожадных убийц вновь двинула в поход на Рэдволл... Отряд боевых зайцев, чей главный штаб располагается в Саламандастроне, охраняет мир и покой в Стране Цветущих Мхов.

С раннего детства молодой Таммо мечтал служить в Дозорном Отряде.

И вот его мечта сбылась.

Враг подошел к воротам, и зайчонок взялся за оружие. Великие подвиги и великие потери ожидают Таммо.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

ISBN 5-352-00941-6

9 785352 009413